

Серия
изданий
«Церковная
история
Зауралья»

I

ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ КУРГАНСКОЙ МИТРОПОЛИИ

Часть 1

БЕЛОЕ БРОДНЦЕ

Далматово • 2016

Серия изданий
«Церковная история Зауралья»

Книга I

ББК 86.2
УДК 281.93
П 44

Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви

ИС Р17-619-0704

Составитель А. В. Печерин
Редакторы А. М. Бритвин, И. Н. Шаманаева
Ответственный за выпуск игум. Варнава (Аверьянов)

П 44

Подвижники благочестия Курганской митрополии.
Часть 1/ Сост. А. В. Печерин ; Комиссия. — Далматово : Белое
Городище, 2016. — 176 с. : ил. — (Церковная история Зауралья ;
кн. I).

ББК 86.2

Комиссия по канонизации святых Курганской митрополии начинает публикацию материалов о подвижниках благочестия Зауралья. История православия в Зауралье начинается с имени преподобного Далмата Исетского и насчитывает более трех столетий. Даже в советские годы она не прерывалась, что и доказывают приведенные здесь жизнеописания восьми подвижников. Одни не предали свое священное служение в страшные 1930-е годы, другие выбрали трудный путь открытого исповедания веры Христовой в 1950–1960-е — годы особенно воинствующего атеизма в послевоенном СССР. А третьи пришли в возродившуюся Церковь уже в постсоветской России и за это претерпели уже от современных безбожников издевательства, боль и даже смерть. Надеемся, что публикация этих биографий станет первым шагом к канонизации, возможно, хотя бы некоторых из них как святых мучеников и исповедников веры.

ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ КУРГАНСКОЙ МИТРОПОЛИИ

Часть 1

ISBN 978-5-9909395-0-9

© Издательство «Белое Городище», 2016
© А. В. Печерин, составление, 2016

БЕЛОЕ ГОРОДИЩЕ

Далматово • 2016

*Председатель
Комиссии
по канонизации
святых
Курганской
митрополии,
наместник
Успенского
Далматовского
мужского
монастыря,
благочинный
монастырского
округа,
духовник
и древлехранитель
Шадринской
епархии
игумен Варнава
(Аверьянов)*

Комиссия по канонизации святых Курганской митрополии начинает публикацию материалов в серии «Церковная история Зауралья» изданием о зауральских подвижниках благочестия.

Православная Церковь обладает неоценимым сокровищем — святыми угодниками Божиими, как уже прославленными Церковью, так и сокровенными, подвиги которых до времени не явлены Богом. Но по неложному слову Господа, «не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф. 5, 14). Как бы ни старались истинные христиане по своему смирению умалиться, Божественная благодать, обитающая в них, привлекает к ним взоры желающих достичь спасения. Как правило, еще при жизни окружающие запоминают или, говоря евангельским языком, «слагают в сердце своем» какие-то черты их образа христианского благочестия. Но в полной мере осознание того, с кем довелось жить рядом приходит, конечно, только после завершения земного пути подвижника. Для одних — это мученический венец, для других — «мирная и непостыдная» праведная христианская кончина. Но в любом случае, тот светлый образ христианина, который вырисовывается с течением времени, является для нас, еще живущих, источником духовной крепости и стимулом для продолжения борьбы с грехом. Жизнь подвижников благочестия доказывает возможность идти евангельским крестным путем для каждого из нас. Великим утешением является то, что они были, как сказано апостолом Иаковом о пророке Илие, «подобострастными нам человеками» (Иак. 5, 17), то есть не лишенными тех слабостей, искушений, а иногда и тяжких падений, от которых мы так часто приходим в растерянность и уныние.

История православия в Зауралье начинается с имени преподобного Далмата Исетского и насчитывает более трех столетий. Но все же по меркам российской истории это довольно короткий срок, да и скуднее мы святынями и святыми, чем древние русские земли. Тем более важно не потерять хотя бы малую крупицу духовного опыта и не оказаться в роли евангельского неверного раба, пренебрегшего доставшимся ему от господина талантом.

В наших планах — также публикация житий прославленных зауральских святых (а таковыми, кроме преподобного Далмата Исетского, являются девять священномучеников). Жизнеописание же подвижников благочестия мы рассматриваем как первый шаг к их возможной канонизации. Ведь прославление святых

в Православной церкви всегда предполагалось и начиналось с почитания их верующими. Но «как же уверуют, — по слову апостола, — егоже не услышаша; како же услышат без проповедующего» (Рим. 10, 14)? Поэтому мы считаем своим долгом не умолчать об известных нам светочах православия Зауральской земли. Мы, однако, ни в коей мере не дерзаем предвосхитить суд Церкви о духовном опыте того или иного, еще не прославленного, христианина. Наоборот, публикацией предлагаемых материалов мы выносим этот их опыт на обсуждение и испытание церковного народа.

Для первого выпуска серии, которая, мы надеемся, будет иметь продолжение, были выбраны судьбы разных людей. Это и приходские священники, служившие и/или пострадавшие на территории нынешней Курганской области в годы Гражданской войны и последующих репрессий советской власти; схимник и исповедник веры, принявший монашеский постриг еще в Царской России, прошедший советские лагеря, а окончивший свою долгую многотрудную жизнь в возрожденном Далматовском монастыре; и те, кто родился уже не в России, а в Советском Союзе и после открытия монастырей в перестроечный период ставших их первыми насельниками и первыми жертвами уже не красных комиссаров, а современных нам безбожников. Несколько особняком стоят очерки о блаженных юродивых — Валентине (в иночестве — Алевтине) Клепининой и страннике Николае Неугодникове.

Предлагаемые читателям очерки не претендуют на исчерпывающую полноту и даже, наоборот, призваны стать лишь основой, отправной точкой дальнейших исследований. Еще живы многие из тех, кто лично знал некоторых из описываемых подвижников. Нам также посчастливилось встречаться с тремя из них — инокиней Антонией, послушником Евгением и блаженной Валентиной. Надеемся, что откликнутся те, кому есть чем поделиться: информацией, воспоминаниями, а может быть, и документами, фотографиями или личными вещами, связанными с подвижниками. Комиссия по канонизации святых Курганской митрополии с благодарностью примет любую помощь.

Следующие выпуски мы намерены посвятить зауральским новомученикам, репрессированному архиепископу Шадринскому Евсевию (Рождественскому), жизнеописанию митрофорного протоиерея Григория и матушки Нины Пономаревых, а также, может быть, кого-нибудь из тех, о ком сообщат нам наши читатели.

Священник Павел Николаевич Желещиков (1870–1921)

Длинный и скорбный перечень священнослужителей, пострадавших за Христа в годы советской власти, начал пополняться с первых же месяцев существования «государства рабочих и крестьян». Воинствующий атеизм новой власти агрессивно заявил о себе уже в эпоху военного коммунизма. Герой настоящего очерка был убит в пасхальные дни 1921 года. Его имя — Павел Николаевич Желещиков, настоятель Иоанно-Богословской церкви села Спорновского Курганского уезда (в наше время — Курганской области).

Павел Николаевич Желещиков происходил из сословия мещан. Он родился в 1870 году в городе Таре Тобольской губернии. Окончил Тарское уездное училище и Омскую учительскую семинарию. На службу поступил в 1890 году. Интересно, что в том же году совершал путешествие по Сибири цесаревич Николай Александрович, будущий Российский император и Страстотерпец, который посетил и родной город о. Павла — Тару. По воспоминаниям очевидцев, жители, ожидая высокого гостя, «не остановились перед расходами и заботами»: дорога к городу была уставлена флагами, близ пристани устроена большая красивая площадка, вымощенная деревом, а с двух сторон пристани на воде были поставлены флагштоки, соединенные гирляндами и украшенные иллюминацией. После отплытия парохода жители Тары, собравшиеся на берегу Иртыша, долго провожали цесаревича восторженными криками.

В начале своего служения Павел Желещиков был учителем Пелымского сельского училища Туринского уезда (1890), учителем Абдажского сельского училища Тобольского уезда (1891), псаломщиком Никольской церкви села Загвадского с исполнением обязанности учителя Бичетской церковной школы грамоты (с 26 августа 1894 г.). Направляемый своим духовным

*На стр. 6:
г. Тара,
Никольский
собор (1774 г.).
Почтовая
карточка.
Начало XX в.*

Школьный Листокъ при Тобольск. Епархіальн. Вѣдомостяхъ 1914 г. № 1.

ОТЧЕТЪ

о состояніи церковныхъ школъ Тобольской епархіи въ учебно-воспитательномъ отношеніи въ 1911/12 учебн. году *).

Учащіе, наиболее ревностно относящіеся къ школьному делу, и другіе усердные школьные труженики и дѣлатели.

№№	Имя, отчество и фамилія.	Обязанность.	Какой школы.
По Березовскому отдѣленію:			
1	Священникъ Зосима Козловъ	Завѣдующій	Березовской.
2	Евфимій Козловъ	учащій	—
3	Вѣра Харитоновна Перова	учащая	Березовской.
4	Федя Михайловъ Рязанова	воспитатель	Обдорской.
5	Андрей Стефанъ Протопоповъ	—	—
По Нурганскому отдѣленію:			
1	Протоіерей Феофанъ Андреевъ	Завѣд. и законоуч.	Павловской.
2	Священникъ Виталий Котковъ	—	Ново-Николаевской.
3	— Іоаннъ Козыревъ	—	Шумовской.
4	— Алексій Воскресенскій	—	Московской.
5	— Валентинъ Казановъ	—	Караульковской.
6	— Константинъ Маларевскій	—	Рыбинской.
7	— Николай Анисимовъ	—	Макушинской.
8	— Іоаннъ Рѣдкихъ	—	Камышевской.
9	Смѣт. Леонидъ Рождественскій	Завѣд. и законоуч.	Сычевской.
10	— Николай Саларовъ	—	Лысковой.
11	— Павелъ Желѣщиковъ	—	Спорновской.
12	— Петръ Поповъ	—	Камышевской.
13	— Павелъ Насыровъ	—	Коробовской.
14	— Андрей Ефимовъ	—	Камышевской.
15	— Алексій Семеновъ	—	Колосовской.
16	— Іоаннъ Серебрянниковъ	Завѣдующій	Курганской.
17	— Петръ Поповъ	—	Мало-Песчанск. и Струговск.
18	— Іоаннъ Фениковъ	—	Караульковской.
19	— Николай Татариновъ	—	Медвѣдковской.
20	— Николай Баграевскій	—	Ново-Копыловск. и Ново-Петровск.
21	— Іоаннъ Лебедевъ	—	Лысковой и Бакаевской.
22	— Петръ Васильевъ	—	Голышевской.
23	— Николай Поповъ	—	Камышевской.
24	— Павелъ Успенскій	—	Курганской.
25	Діаконъ Іоаннъ Пашковъ	Законоучитель	Березовской.
26	— Іоаннъ Савинъ	—	Сычевской.
27	— Павелъ Рождественскій	Учитель пѣнія	Великовской.
28	— Александръ Паршичевъ	—	Великовской.
29	Псаломщикъ Прокопій Сердюковъ	—	Челябинской.
30	— Николай Забировскій	—	Рыбинской.
31	— Алексій Бѣловъ	—	Павловской.
32	— Сергій Васильевъ	—	Шумовской.
33	— Михаилъ Дмитріевъ	—	Борисовской.
34	— Іоаннъ Буховъ	—	Шумовской.
35	— Алексій Лебедевъ	—	Голышевской.
36	— Іоаннъ Насыровъ	—	Караульковской.
37	— Максимъ Токмоковъ	—	Шумовской.
38	Вѣра Валентина Мельникова	учительница пѣнія	Захаровской.
39	Георгій Георгіевъ Чижовскій	учитель	Курганской.
40	Василій Григоръ Рязановъ	—	Оутковской.
41	Александръ Петр. Стадухинъ	—	Большо-Итурской.
42	Терентій Осипъ Мельниковъ	—	Шумовской.
43	Тимофей Георгіевъ Турканинъ	—	Курганской.
44	Михаилъ Ермаковъ Пастуховъ	—	—
45	Іа Назаровъ Караульковъ	учительница	Большо-Чуевской.
46	Марія Роканова Владиміра	—	Павловской.
47	Парасковѣ Тихонъ Петрова	—	Березовской.
48	Ангелина Павловна Каренина	—	Лысковой.
49	Клавдія Алексан. Мазюкова	—	Великовской.
50	Клавдія Констант. Дежнева	—	Зырянской.

призваніем, он подал прошеніе и въ соответствии съ ним 9 марта 1897 г. был рукоположен въ сан дьякона къ той же церкви. Службу въ селе Спорновскомъ начал 9 сентября 1897 г.¹ 19 октября 1897 г. принялъ сан священника съ Спорновского Иоанно-Богословской Церкви. Рукополагал его епископ Тобольскій Агафангел (Преображенскій), выдающійся церковный дѣятель².

Отец Павелъ возглавилъ строительство Иоанно-Богословской церкви, а также былъ законоучителемъ местной школы (с 29 декабря 1897 г. по 10 октября 1899 г.) и законоучителемъ Байдарского сельскаго училища. Газета «Тобольскіе ведомости» въ 1914 году писала объ о. Павле какъ объ одномъ изъ самыхъ ревностныхъ законоучителей Тобольской епархіи.

«Первоначально новый храмъ, — пишетъ историкъ А. А. Михайловъ, — предполагалось выстроить каменнымъ, но, по недостатку средствъ, въ 1897 году прихожане ходатайствовали о разрѣшеніи

¹ Летопись села Спорновское // ГАКО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 79.

² Епископъ Агафангел (въ миру Александръ Лаврентьевичъ Преображенскій) въ 1893 году, послѣ служенія вторымъ викаріемъ Иркутской губерніи, былъ переведенъ на самостоятельную кафедру въ Тобольскъ. Здѣсь ему пришлось трудиться не только въ качествѣ епархіальнаго архіерея, но и активно заниматься миссионерскою дѣятельностью. Каждый годъ онъ предпринималъ дальніе и долгіе путешествія по самымъ отдаленнымъ уголкамъ епархіи, совершенно не предполагая, что черезъ тридцать лѣтъ ему снова придется пройти по этимъ местамъ, но уже въ качествѣ ссыльнопоселенца. Впослѣдствіи былъ митрополитомъ Ярославскимъ и однимъ изъ мѣстоблюстителей Патриаршаго Престола. Въ 2000 году прославленъ Русскою Православною Церковью въ ликѣ священноисповѣдника. Нынѣ рака съ его мощами находится въ Казанскомъ соборѣ Казанскаго женскаго монастыря въ Ярославлѣ.

Агрипина
Захаровна
Желещикова
съ дѣтьми

устроить церковь деревянную. Въ томъ же 1897 г. исправляющимъ должность курганскаго городского архитектора Николаемъ Юшковымъ былъ составленъ проектъ на постройку однопрестольнаго храма³. Николай Юшковъ былъ известнымъ въ свое время архитекторомъ. Онъ — авторъ проекта кафедральнаго собора во имя Александра Невскаго въ Курганѣ, причемъ и проектъ Александро-Невскаго собора, и проектъ Спорновской церкви выполнялись имъ въ одно и то же время. Найти фотографію или проектные чертежи Иоанно-Богословской церкви исследователямъ пока, къ сожалѣнію, не удалось.

³ Михайловъ А. А. Спорновское, село Сычевской/Черемуховской/Саломатовской волости Курганскаго уѣзда // Новый мир (г. Курган), 2012. 28, 31 янв.

На стр. 8:
Имя о. Павла
Желещикова
въ 1914 г. было
названо въ
числѣ самыхъ
ревностныхъ
законоучителей
Тобольской
епархіи

Дети о. Павла Желещикова:
(слева направо)
Феоктиста,
Муза,
Зинаида,
Дмитрий,
Александр

«Строительство было разрешено епархиальным начальством в августе 1897 года, — пишет далее А. А. Михайлов, — с благословения Преосвященного Агафангела, епископа Тобольского и Сибирского, выраженного в храмозданной грамоте от 20 августа 1897 г. Деревянный, на каменном фундаменте храм в одной связи с колокольней был заложен 1 августа 1899 г. и строился на средства прихожан по плану и фасаду, выданному одновременно с благословенной грамотой. В сезон 1899 года был только выложен фундамент здания и заготовлен лес для рубки стен. Подрядчиком строительства выступил мещанин г. Ишима Дмитрий Алексеевич Ещенко, который начал деревянную постройку в июне 1900 г. К октябрю 1900 года им были срублены стены алтаря и боковых пристроек к нему полностью, главного храма без трех рядов, а также трапезной части и колокольни до половины слухов. К декабрю 1900 года здание было вчерне выстроено, а в августе 1901 года основные работы по строительству были окончены. Остальные же работы, в том числе опалубка внешних стен храма, их окраска и покрытие крыши железом, были завершены в августе 1902 года. В 1901 году прихожанами был заключен контракт на устройство нового иконостаса и живописи в нем, а также двух закліросных киотов, с подрядчиком — екатеринбургским купцом А. П. Кожевниковым, который исполнил все работы к 1 сентября 1902 г. Иконостас был устроен из соснового леса в три става и окрашен кармином красного цвета, а резьба, колонны, царские врата и все резные накладные украшения сделаны из липового дерева и вызолочены сусальным золотом. На колокольне были размещены пять колоколов, снятых со старой церкви и поднятых на новую 15 сентября 1902 г. По благословию Преосвященного Антония, епископа Тобольского и Сибирского, освящение новоустроенного храма во имя Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова было совершено 27 декабря 1902 г. благочинным Курганских уездных церквей священником Иоанном Редькиным в сослужении священников Саломатовской, Дубровской, Байдарской и Спорновской церквей. Деревянная ажурной

работы церковная ограда была выстроена в 1908 г. Точная дата закрытия храма не установлена, вероятно, это случилось в начале 1930-х гг. Судьба здания после этого неизвестна, в последний раз оно упоминается в документах за 1956 год».

Спорновский приход состоял из семи населенных пунктов. Отец Павел грамотно, аккуратно и тщательно вел летопись села Спорновского, которая сохранилась в Государственном архиве Курганской области. Несомненно, что священник, оставивший такой ценный исторический источник, был хорошо образован, умен и наблюдателен. Историк О. Ю. Бабушкина, изучавшая «Летопись», отмечает двойственное положение сельских священников: с одной стороны, моральное превосходство выделяло священника из крестьянской среды, а с другой стороны, «в некоторых случаях и противостояло ей. Не случайно на Среднем Урале во время празднования Рождества Христова преобладали антропоморфные маски: старик, старуха, цыгане, солдат, священник. Таким образом выражалась антитеза «чужой-свой», являющаяся сущностью ряженных. Следовательно, священник по своему несколько отстраненному от крестьянской жизни положению мог дать более объективную и беспристрастную оценку при описании повседневного быта своих прихожан»⁴.

Священник очень внимательно относился к проблемам прихожан, жизнь которых зависела от погодных условий, позволяющих или не позволяющих вырастить урожай. Как пишет О. Ю. Бабушкина, летописец (о. Павел Желещиков) не просто констатирует факты. Поражает его осведомленность в крестьянских делах, причастность и сопереживание своим прихожанам. Данный документ в связи с повышенным интересом

⁴ См.: Бабушкина О. Ю. «Церковная жизнь и быт прихожан Иоанно-Богословской Церкви села Спорновского Курганского уезда Тобольской епархии в начале XX века» // Документ. Архивный документ. Исторический источник: материалы регион. науч.-практ. конф. Тюмень, 2002. С. 116–127. ; Она же. Религиозное сознание крестьян Южного Зауралья в XIX – начале XX веков // Русский вопрос: история и современность: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. М. А. Жигуновой, Т. Н. Золотовой. Омск: Наука, 2005. С. 162–165.

к микроистории сегодня «представляет собой важнейший источник не только по истории зауральского села, но и для изучения социокультурного облика православного духовенства, которое, по мнению В. А. Бердинских, являлось знаменательной культурной силой русской провинции со второй половины XIX века».

Из «Летописи» следует, что прихожане о. Павла «храм Божий посещают усердно». Об этом же свидетельствует очень небольшой процент лиц, не исповедующихся по нерадению: в период с 1902 по 1914 гг. таковых было всего 7,5 %. За время службы священник был в отпуске всего один раз, в 1903 году. Был награжден набедренником 29 марта 1903 г., скуфьей — 13 марта 1909 г., камилавкой — 1 июня 1916 г.

В приходе очень аккуратно велись метрические книги, из которых известно, что «печатные поучения на литургических воскресных и праздничных днях» произносились «неопустительно». Священник переживал, что книг в библиотеке недостаточно. Из клировых ведомостей также известно, что о. Павел в походах против неприятеля не был, взысканиям по суду не подвергался, под следствием и судом не состоял.

О семье о. Павла известно немного. Жену его звали Агриппина Захаровна, урожденная Кайдалова (19.07.1877 –?). В том же 1902 году, когда состоялось освящение нового храма, в Спорновском случилась эпидемия скарлатины, которая унесла жизни детей о. Павла: Марии, Валерьяна и Анны. Впоследствии у священника родились: Феоктиста (26.01.1903 –?), Муза (14.05.1905 – 1988, обучалась в Тобольском епархиальном женском училище и всю жизнь проработала учителем), Зинаида (04.10.1907–?), Димитрий (14.09.1909 – не ранее 1990), Александр (16.10.1914 –?). В метрических книгах указано, что дети священника были «весьма хорошего» поведения.

До Февральской революции никакого отношения к политической деятельности о. Павел, по-видимому, не имел. Затем он участвовал в работе представительных органов уезда в качестве делегата от духовенства. 17 июля 1917 г. был избран Курганским съездом духовенства и мирян членом от 2-го благочиния в уездный совет и оставался им по 1919 год. Надо отметить, что этот Курганский съезд вынес предложение об отделении Церкви от государства.

Мирная жизнь приходского священника, законоучителя, отца большого семейства с приходом советской власти закончилась. 1 мая 1921 года наступила Пасха, о которой Максимилиан Волошин писал:

Зима в тот год была Страстной неделей,
И красный май сплелся с кровавой Пасхой,
Но в ту весну Христос не воскресал.

В Курганском уезде в 1921 году вспыхнуло крестьянское восстание, которое было безжалостно подавлено большевиками.

Исследователям удалось найти два документа, которые, предположительно, могут указывать на обстоятельства убийства о. Павла.

* * *

№ 107

ДОНЕСЕНИЕ СЕКРЕТНОГО ОСВЕДОМИТЕЛЯ С. ЖДАНОВА
О ПРИЧИНАХ НЕДОВОЛЬСТВА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ
НАСЕЛЕНИЯ Д. СТРОЕВОЙ САЛОМАТОВСКОЙ ВОЛОСТИ
КУРГАНСКОГО УЗДА⁵

6 мая 1921 г.

Секретно

Все население д. Строевой⁶ сильно недоволено тем, что отрядом тов. Ковалева были расстреляны священники 4 деревень и [священник] 1 деревни расстрижен (достоверно). Они говорят: «Советская власть говорит на словах так, а на деле выходит иначе, теперь верить, стало быть, словам нельзя». Так рассуждают они. <...>

* * *

№ 748

ЗАПИСКА РУКОВОДСТВА КУРГАНСКОГО УЕЗДА КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ПЕТРОПАВЛОВСКОГО УЕЗДА
И ЧЕЛЯБИНСКОМУ ГУБИСПОЛКОМУ СОВЕТОВ⁷

[г. Курган] 12 мая 1921 г.

С мест, [из] восточного сектора уезда, где командует отряд т. Ковалева по борьбе с бандитизмом, получают сведения, не подлежащие сомнению и проверке, о том, что отряд этот деморализующе действует на население, остающееся до сего времени верным советской власти, своими безосновательными действиями по конфискации имущества без оформления этого актами и протоколами (им допущено до 30 конфискаций), бессистемно проводимому террору (так, им расстреляны без суда служители культа и граждане в Баткинской, Байдарской, Саломатовской и др. волостях, по заверениям волисполкомов, люди, лояльные к госстрою) по самоснабжению своего отряда на глазах населения.

Принимая во внимание, что дальнейшее такое бестактное поведение т. Ковалева с точки зрения политической этики терпимо быть не может, и в то же время ценя его заслуги по борьбе с бандитизмом и зная, что он непосредственно в служебном отношении не подчиняется командованию нашего уезда, настоящим уисполком просит Вас принять

⁵ ГАКО. Ф. Р-477. Оп. 1. Д. 16. Л. 19–19 об. Подлинник. Рукопись.
⁶ Деревня Строевая находится поблизости с селом Спорновским.
⁷ ГАКО. Ф. Р-635. Оп. 4. Д. 23. Л. 186.

соответствующие меры к укрощению пылкого командира и призвать его к порядку в порядке команды, иначе уисполком будет вынужден отказаться от услуг т. Ковалева, как бы они ценны ни были. Губисполком не применит со своей стороны подтвердить настоящее требование. № 35/с.

Предуисполкома [подпись отсутствует]

Член президиума [подпись отсутствует]

Секретарь С. Вяткин

Страшно представить, что творилось в Курганском уезде, если даже представители большевистской власти были шокированы поведением отряда Ковалева и попросили вышестоящие органы пресечь его злодеяния...

Дмитрий Павлович Желещиков, сын священника, в 1990 году оставил письмо, в котором по памяти описывал обстоятельства гибели отца (это письмо впоследствии было переслано правнучке о. Павла Т. В. Ильиной):

«О смерти отца я только помню, что приехал на Пасху человек, вооруженный винтовкой, произвел обыск, забрал все вещи отцовы, арестовал отца и увез в соседнее село. Когда это произошло, в каком году и при каких обстоятельствах, я не знаю, я еще был мал. Отчество отца Николаевич. Маму звали Агриппина кажется Захаровна, девичья фамилия которой была Кайдалова. Фотографии отца нет, я даже не видел его на фото. Через некоторое время люди стали искать отца и нашли его убитым. Он лежал голым в луже. Помню, когда хоронили, было очень много народа. Вот и все, что я знаю».

В метрических книгах нашлась дата смерти о. Павла — 19 мая 1921 года, с пометкой: «убитый в возрасте 50 лет»⁸. Тело священника было погребено по разрешению начальника милиции 5-го района Курганского уезда. В метрической книге указано, что отпевания не было разрешено, однако карандашом сделана приписка, что священник был отпет в Кургане⁹.

В поиске сведений об о. Павле Желещикове неоценимую помощь оказали историки О. Ю. Бабушкина и А. А. Михайлов, а также председатель Спорновского сельсовета В. А. Ефимова. В селе, где служил и трагически погиб священник П. Н. Желещиков, сохранилось каменное надгробье, стоящее посреди огромного поля, — памятник его умершим малолетним детям. Оказывается, поле это — бывшее кладбище, где все деревянные кресты сгорели от пожара. Есть основания предполагать, что к этому необычному для сельской местности памятнику причастен знаменитый екатеринбургский купец и камнерез А. П. Кожевников: дети священника умерли от эпидемии скарлатины в 1902 году, тогда же, когда А. П. Кожевников руководил в Спорновском работами по установлению иконостаса.

⁸ ГАТО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 14.

⁹ ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 115-6.

Вопрос о захоронении о. Павла пока остается открытым, несмотря на то, что местное население называет могилу детей священника «Поповой могилой». В селе также живо предание о расстреле священника. Есть место, которое зовется «Попова роща» (может, потому, что там нашли тело о. Павла?). Уважение к священнику и добрая память о нем до сих пор живут в с. Спорновском.

В мае 2011 года имя о. Павла Желещикова было занесено в базу данных новомучеников и исповедников Российских, за Христа пострадавших, которую ведет Православный Свято-Тихоновский институт (Москва).

Памятник
детям о. Павла
Желещикова,
умершим в 1902 г.
Село Спорновское

Священник Александр Васильевич Парышев (1880–1932)

Еще одна трагическая судьба, еще одно имя в ряду безвестных, скромных сельских батюшек, которые были далеки от политики, однако поплатились свободой и жизнью по политической 58-й статье. Их единственной «виной» в глазах представителей советской власти была твердая, непоколебимая вера в Христа. Прочие обвинения — в связях с белогвардейцами, в контрреволюционной агитации, в шпионаже, — позволяющие назначить как можно более суровую меру наказания в подавляющем большинстве случаев были сфабрикованы. Многие священники сельских приходов так же, как и о. Александр Парышев, жили тихой и мирной жизнью, верно служили Богу и Церкви, растили детей, изо всех сил помогали прихожанам быть честными, богобоязненными и нравственными людьми, и никакой другой судьбы для себя не желали. Они делали это и после того, как их привычный мир был «разрушен до основания», делали до самых последних мгновений, пока советское «правосудие» не дотянулось и до них.

Александр Васильевич Парышев родился 13 марта 1880 г. в семье священника Спасо-Преображенской церкви села Скопинского Курганского округа Василия Ивановича Парышева и его жены Елизаветы Николаевны. В семье было еще четыре сына. Один из них, по свидетельству родственников, потом жил на Алтае и держал ипподром с большой конюшней, а трое — Александр, Евлампий и Григорий — впоследствии стали священнослужителями. Александр был самым младшим. Кроме мальчиков в семье была еще приемная дочь Васса.

В 1896 году Александр Парышев был выпущен из 3-го класса Tobольского мужского духовного училища. 7 февраля 1897 г. он начал исправлять должность псаломщика церкви села Средне-Чирковского Ишимского уезда Tobольской губернии. В 1899 году Александр Парышев был посвящен в стихарь (при служении Архипастыря в кафедральном соборе). В 1900–1901 годах служил псаломщиком Вознесенской церкви (престол во имя Всех святых) города Ялуторовска и учителем

На стр. 16:
Вид на г. Tobольск
с колокольни
церкви
Преображения
Господня
при духовной
семинарии.
1912 г.
Фотография
С. М. Прокудина-
Горского.

Александр и
Аполлинария
Парышевы.
Декабрь 1906 г.

Семья купца Никифора
Кошелева, в центре –
дочь Аполлинария

пения в церковно-приходской школе. 10 декабря 1901 г. был удостоен благодарности Тобольского епархиального училищного совета «за усердное и ревностное отношение к церковно-школьному делу».

В 1902 году молодой человек отправился на военную службу и нес ее до 5 апреля 1906 года. В военных походах участия не принимал. Был уволен в запас с должности военного писаря в звании зауряд-военного чиновника¹. За отлично-усердную службу награжден серебряной медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердие».

Вернувшись с военной службы, Александр Парышев был, в соответствии с его желанием, определен псаломщиком к церкви села Калмакского Ишимского уезда. В том же 1906 году он женился на красавице Аполлинарии Никифоровне Кошелевой, дочери купца. Ее семья тоже представляет интерес для исследователей. Отец, Никифор Николаевич Кошелев, переехал в с. Митинское, по-видимому, из города, потому что его дочь Аполлинария окончила Введенскую женскую гимназию и учительствовала в младших классах. В советское время он трудился писарем в в д. Варлагуль Варгашинского р-на. Сестра Аполлинарии, Феоктиста, вышла замуж за Николая Захаровича Губанова. Он служил в Митино волостным писарем. После Революции этот замечательный человек, не жалея сил, хлопотал о спасении Александро-Невской церкви в г. Кургане, обращался даже в Москву, и, благодаря его усилиям, здание церкви сохранилось. Именно Николаю Губанову выпала в 1932 году печальная обязанность хоронить о. Александра.

¹ Нижний классный чин в Русской императорской армии.

Но до тех трагических событий было еще далеко. Александр и Аполлинария Парышевы со временем стали родителями большого семейства. У них родилось 10 детей: Ольга (в замужестве Баженова, род. 08.07.1907), Аркадий (род. 01.03.1909), Нина (в замужестве Дубровская, род. 24.12.1910), Мария (род. 31.01.1912), Елизавета (род. 29.08.1913), Галина (род. 08.03.1915), Иван (род. 1918), Василий (род. 20.03.1921), Феоктиста (Феша, род. 1922, умерла рано), Антонина (род. 1924, осталась незамужней).

С августа 1908 года Александр Парышев становится дьяконом: его рукополагает в сан епископ Тобольский Антоний (Каржавин). В течение двух лет служение его связано с селом Митинским Курганского уезда: он отправляет обязанности дьякона в сельской церкви, принимает участие в строительстве нового храма, преподает Закон Божий и пение в церковно-приходской школе в д. Воинковой Митинской волости. По-видимому, у него был хороший голос, и к тому же он владел нотной грамотой, а это было в начале XX века не столь частое явление в среде сельского духовенства, да еще и в глубинке. В клировой ведомости 1913 года записано, что дьякон Александр Парышев имеет право обучать церковному пению по нотам, а не просто на распев.

Умный, молодой, энергичный, неплохо образованный сельский дьякон движется вперед по избранной им духовной стезе: в июне 1914 года его назначают на вакансию священника при селе Сосвинском Березовского уезда, а в июле того же года рукополагают в священнический сан.

В этом в прямом смысле «медвежьем углу» Тобольской губернии о. Александр Парышев прослужил два года, а затем подал прошение и был переведен поближе к родным местам — на вакансию священника при Каменской церкви Ишимского уезда. Известно, что, несмотря на тяжелые времена — войну и первые послереволюционные годы, — свои обязанности он исполнял добросовестно, и в 1918 году был награжден епископом Ермогеном (Долганёвым) набедренником, а в середине 1920-х гг. епископом Серафимом (Коровиным) — камилавкой. Дом Парышевых в селе Большом Каменском после Революции забрали под сельсовет (теперь в этом здании располагается почта), но семья приняла это нелегкое

Николай
Захарович
Губанов

Нина и Мария
Парышевы. 1929 г.

Священники
К. И. Озеров
и А. В. Парышев
дружили семьями.
1931 г. Всего через
год главы обеих
семей будут
осуждены по одному
делу

Дом Парышевых
в с. Большом
Каменном.
Современная
фотография

испытание с достоинством. Через несколько лет Парышевым удалось построить новый дом. Отец Александр и его семья пользовались большим уважением у окружающих за ум, доброту и порядочность. О его детях и внуках в этих краях еще долго говорили: «порода Парышевых». Все дети унаследовали от родителей хорошие голоса, а у младшего сына Василия были к тому же замечательные способности к математике. О самом

Александре Васильевиче односельчане вспоминали: «Хороший был, добрый, внимательный, слова грубого от него не слышали».

Между тем «наверху» стужались тучи. Уже несколько лет в недрах Церкви вызревал раскол. Движение так называемых «обновленцев» появилось еще до Революции и сначала представляло собой вполне безобидное явление: его сторонники стремились к модернизации некоторых институтов Русской Православной Церкви. До своего срачивания с властью это движение никакой опасности не представляло. Но когда «обновленцы» заявили о полной поддержке большевиков, ГПУ решило их руками расколоть Церковь изнутри. С 1922 года обновленчество оказалось единственной православной церковной организацией, которую официально признавала советская власть. «Обновленцам» противостояли «староцерковники» — духовенство и церковные приходы, оставшиеся верными арестованному патриарху Тихону. К числу тех, кто открыто противостоял раскольникам, принадлежал и священник Александр Парышев.

6 ноября 1923 г. заместитель председателя Ишимского уездного церковного совета протоиерей А. Чудов сообщал в Тюменский губотдел управления, что священники нескольких сел с их прихожанами отделились от ишимского епископа и епархиального управления и «присоединились к староцерковникам, возглавляемым бывшим Патриархом Тихоном». К этому заявлению, стилем и формой напоминающему донос, прилагалась и копия протокола общелагодичного собрания 4-го благочиния Ишимского уезда Тобольской епархии от 2 октября 1923 г., из которого следует, что о. Александр Парышев стал (условно) членом организационного комитета по борьбе с обновленческим церковным движением в Ишимском уезде. В тоталитарном советском государстве высказать точку зрения, не совпадающую с позицией власти, и открыто присоединиться к непризнанным, гонимым — означало поставить себя вне закона и фактически подписать смертный приговор. Но, о. Александр, как верный служитель Церкви, не мог поступить иначе.

Семья Парышевых. Конец 1920-х гг.

Фотография из следственного дела священников К. И. Озерова и А. В. Парышева

Кара за «непослушание» постигла его не сразу. В 1930 году прозвучал «первый звонок»: священник был арестован ишимским ГПУ и пробыл под арестом три месяца. Тогда обвинение предъявлено не было. После освобождения он продолжил служить в Каменской церкви, а в 1931 году был возведен в сан протоиерея епископом Курганским Иоанном (Братолюбовым), сторонником патриарха Тихона. В начале 1930-х годов о. Александр был благочинным в Ишимском округе. 9 ноября 1931 года о. Александр Парышев был вновь арестован по сфабрикованному делу о контрреволюционной церковно-монархической организации «Союз спасения России» в Челябинском районе Уральской области. Обвинялся священник в том,

о. Александр Парышев на смертном одре. Май 1932 г.

что якобы он по заданиям этой организации вел антисоветскую агитацию среди населения. Особым совещанием при коллегии ОГПУ А. В. Парышев был осужден по ст. 58-11 УК РСФСР на три года и содержался в Курганской тюрьме. Его жену с несовершеннолетними детьми, по свидетельству родственников, сразу же заставили перебраться из дома в баню, а дом сожгли. Аполлинария Никифоровна переселилась в дом своего отца, в Курган, поближе к арестованному мужу.

А. Н. Парышева с детьми и внуками. Верхний ряд — Феша, Василий, Аркадий, Василий Дубровский (муж Нины). Нижний ряд — Анфиса (жена Аркадия), Аполлинария Никифоровна, Нина и ее дети — Вера, Валя, Саша, Николай. 1938 г.

Безвинно осужденный о. Александр твердо стоял на том, что он не является членом никакой контрреволюционной организации. В тюрьме объявил голодовку. Вскоре у него открылся туберкулез. В конце концов его страшно истощенного и покрытого вшами отпустили. Матушка Аполлинария пыталась его лечить, но уже ничего не помогало. 2 мая 1932 г. Александр Васильевич скончался. Организацией отпевания и погребения занимался, как уже было сказано выше, муж сестры Аполлинарии Никифоровны — Николай Захарович Губанов. Отец Александр был похоронен на южном городском кладбище Кургана (ныне Парк Победы).

После смерти о. Александра семью ждали новые испытания. Зимой Парышевых раскулачили и переселили. Не пожалели даже сломленную горем мать семейства, сняв с нее валенки. К счастью, мать и дети выжили. Известно, что Аполлинария Никифоровна

Аполлинария Никифоровна Парышева с внуками Аллой и Виктором (детьми Галины)

Парышева в 1941 году проживала в станционном поселке Верх-Нейвинске Свердловской области. В старости она жила в семье младшего сына Василия. По рассказам внуков, была очень ласковой, чистоплотной и кроткой, много молилась, постоянно читала Псалтирь. Умерла 23 декабря 1953 г. и похоронена на кладбище в поселке Старый Просвет (Курганской области).

Приложения

ЗАЯВЛЕНИЕ ИШИМСКОГО УЕЗДНОГО ЦЕРКОВНОГО СОВЕТА ОБ ОТДЕЛЕНИИ ЧАСТИ ПРИХОДОВ ОТ ИШИМСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ²

Ишим 06 ноября 1923 г. В Тюменский Отдел Губисполкома Ишимский уездный Церковный Совет доводит до сведения Тюменского Отдела Управления, что священники: с. Утчанского Алексей Дивногорский, с. Матасинского Алексей Виноградов, с. Тепло-Дубровского Владимир Овчинкин, с. Казанцевского Федор Захаров, поселка Ново-Ильинского о. Павел, с. Каменского Александр Парышев с их прихожанами отделились от Ишимского Епископа и Епархиального Управления и присоединились к староцерковникам, возглавляемым бывшим патриархом Тихоном и просят не считать в их числе православных религиозных общин, руководимых Всероссийским Священным Синодом. За дальнейшую деятельность указанных священников с единомышленными им прихожанами Ишимский Совет слагает с себя всякую ответственность.

Зам. председателя Совета прот[оиерей] А. Чудов
Секретарь Димитрий Крылов

ПРОТОКОЛ ОБЩЕБЛАГОЧИННОГО СОБРАНИЯ 4-ГО БЛАГОЧИННИЯ ИШИМСКОГО УЕЗДА ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ ОТ 29 ОКТЯБРЯ 1923 ГОДА³

Председатель собрания — благочинный, священник Алексей Дивногорский

Секретарь — священник Федор Захаров

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. Доклад по поводу протеста против обновленческого движения, подписанного духовенством 4 благочиния, священника о. Алексия Виноградова.

2. О возношении моления при совершении богослужений и треб о святейшем Патриархе Тихоне и Епископе Тобольском Иоан[н]е.

3. Избрание организационного комитета по борьбе с обновленческим церковным движением по Ишимскому уезду.

4. Обязанности каждого священника благочиния провести агитацию против обновленческого церковного движения в другом благочинии.

5. Ходатайство об утверждении награды наперсным крестом священнику о. Алексию Виноградову.

6. Текущие дела.

1. Заслушав доклад священника о. Алексия Виноградова о выражении абсолютного протеста против обновленческого церковного движения, как еретического и выразившегося вопреки каноническим основам Церкви. В докладе священник о. Алексей Виноградов развил определенную мысль с призывом ко всему духовенству благочиния объединиться всем и в общем единодушии протестовать против обновленцев-живоцерковников, которые вопреки постановлениям Вселенских соборов осмелились самовольно опротестовать их не для спасения души, а для личных земных удовольствий и житейских выгод. Постановили: доклад священника о. Алексия Виноградова единогласно принять с величайшим одобрением и приветствием.

2. Вследствие прибытия в город Тобольск законного Епископа Иоанна, присланного Святейшим Патриархом Тихоном, постановлено за всеми богослужениями и требованиями возносить моления по следующей формуле: «Великого Господина нашего Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона и господина нашего Преосвященнейшего Иоанна, Епископа Тобольского и Сибирского».

3. Ввиду неотложного дела протеста обновленческому движению церковному и скорейшей пропаганды среди других благочиний, необходимо избрать организационное бюро как особый орган к скорейшему проведению дела пропаганды под именем: «Организационный комитет по борьбе с обновленческим церковным движением по Ишимскому уезду». В означенный комитет избраны: председателем священник Алексей Виноградов, членами: священник Алексей Дивногорский и священник Александр Парышев, — последний условно.

4. Единственными помощниками организационному комитету, естественно, могут быть священники, как более сведущие в выражении протеста ненавистному движению под именем «Живая Церковь», а потому вменить в обязанность каждому священнику благочиния с целью протестующей пропаганды посетить благочинных ближайших благочиний об увещании

² ГАТО. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 17. Л. 193–193 об. Рукопись, подлинник.

³ ГАТО. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 17. Л. 194–195 об. Рукопись.

их присоединиться к Единой Истинной Православной Церкви и навсегда отмежеваться от современных еретических церковных движений. О результате миссий немедленно донести организационному комитету.

5. Священник о. Алексей Виноградов благочинническим советом был представлен бывшему Архиепископу Тобольскому и Сибирскому Николаю к награде его наперсным крестом, но ввиду принудительного оставления им своего поста не было рассмотрено дело о наградах, а потому оно оказалось в руках именуемого епископа Михаила, который и наградил священника о. Алексея Виноградова наперсным крестом, но священник о. Алексей Виноградов, как истинный православный священник, отклонил награду от еретического епископа и отказался от уплаты за нее. Священник о. Алексей Виноградов поистине достоин данной награды за свое организаторское противообновленческое дело по благочинию, — просить Епископа Тобольского и Сибирского Иоанна наградить достойного иерея о. Алексея Виноградова наперсным крестом.

6. Распоряжение Алексея, именующегося Епископом Ишимским — Живой Церкви, привезенное священником церкви с. Чистоозерского о. Михаилом Рождественским, о запрещении нашего благочинного, священника села Утчанского о. Алексея Дивногорского в священнослужении за неподчинение различным предписаниям именующегося Епископа Ишимского и его управления, слушали и постановили: Запрещение о. Алексея Дивногорского не считать законным, так как Епископа Ишимского Алексея не считать православным, а сектантским, признать же своим главою Патриарха Тихона и Епископа Тобольского и Сибирского Иоанна. К именуемому же Епископу Ишимскому Алексею обратиться от съезда со словами увещевания, раскаяться в своем заблуждении и присоединиться к православной церкви, как мирянину, а благочинному священнику о. Алексею Дивногорскому выразить благодарность от съезда за поддержание идей, какие проводятся под руководством организатора против обновленческого церковного движения священником о. Алексием Виноградовым; кроме того с Епархиальным управляющим Живой Церкви никаких сношений не иметь. Воззвание, предложенное собранию для рассылки по приходам других благочиний, единогласно принять с приветствием и поручить подписать организационному комитету. Подлинный за надлежащими подписями всего духовенства и представителей церковно-приходских советов 4-го благочиния Ишимского уезда.

С подлинным верно: благочинный священник Алексей Дивногорский. 31/X-23 № 70.

Копия с копии верна: секретарь Дмитрий Крылов.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА⁴

// Л. 231

В 1931 г., ноября 9 дня. Я, Нач. 3-го Отделения СПО ПП ОГПУ по Уралу Костин, допросил сего числа нижепоименованного гражданина, который показал:

ПАРЫШЕВ Александр Васильевич, 52 лет, родился в селе Каменском, Петуховского района, в семье священника, б/партийный, окончил 4-х классное духовное училище, женат, имея на иждивении: жену 50 лет, дочь 15-ти лет, сын 12 л., сын 10 л., дочь 9 л./*Феоктиста*⁵/, дочь 7-ми лет/*Антонина*/. Последнее место службы — с. б. Каменское [Большое Каменское] — настоятель церкви, при Соввласти не судился. В 1930 году, в январе арестовывался Ишимским ОГПУ. Сидел под арестом 3 месяца, а потом освобожден, обвинение предъявлено не было.

На духовную службу я поступил в 1897 году, первоначально псаломщиком в с. Средне-Чирковское, Голымшанского района. Псаломщиком был до 1906 года, /В 1906 г./был назначен в село Митинское б/Курганского [бывшего Курганского] уезда — дьяконом. В 1914 году был переведен в село Соснинское, Березовского уезда, а с 1916 года — в с. б/Каменском [Большом Каменском] священником, с белыми не отступал и в армиях не служил. До 1928 года я входил в Петропавловскую епархию, а в 1928 году распоряжением епископа Серафима Коровина причислен был в Ялуторовскую епархию, а последнее время в епархию Иоанна Братолюбова. Лично у Серафима не бывал. Награжден им кмилавкой. У Иоанна Братолюбова был в апреле 1931 года, с целью возведения в сан протоиерея. Разговоры наши с епископом Иоанном были только о посещаемости богослужений населением, о налогах. Епископ просил аккуратнее вносить деньги на содержание епископа/*епископата*/ — говоря, что его сильно обложили налогами и что ему живется нелегко. От благочинного ОВЧИНКИНА я нахожусь на расстоянии 50-ти верст. Виделся с ним весной и в сентябре месяце 1931 г. приезжал за свечами. При встрече с ОВЧИНКИНЫМ, насколько я // (Л. 232) помню разговоров о церковно-монархической организации, возглавляемых [так в тексте. — прим. ред.] епископом Серафимом и вообще о епископе Серафиме не было. Разговаривали только с ним о том, что стало жить тяжело, продукты дорожают, хлеб достать трудно и т. д.

Записано правильно и мною прочитано. А. ПАРЫШЕВ.

Допросил Нач. 3-го отделения Н. Костин

Верно: Вр. уполном. ...

⁴ Архив РУ ФСБ России по Тюменской области. Прекращенное архивное уголовное дело № 71166. Т. 4.

⁵ В деле имеются как рукописный, так и машинописный варианты протокола. Здесь и далее в текст машинописного протокола составителем введены вставки, взятые из рукописного протокола (Л. 233–233 об.).

// (Л. 234)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о предъявлении обвинения и избрании меры пресечения

1931, ноября 9 дня, гор. Курган.

Я, нач. 3 Отд. СПО ПП Костин, рассмотрев следственный материал на [срока не заполнена] и приняв во внимание, что гр. свящ. ПАРЫШЕВ Александр Васильевич полностью изобличается в том, что состоял членом к-р церковно-монархической организации и по заданиям последней вел а/с агитацию среди населения.

П о с т а н о в и л :

ПАРЫШЕВА А.В. привлечь в качестве обвиняемого по ст. 59–11 и 58–10 УК РСФСР, а мерой пресечения способов уклонения от суда избрать содержание под стражей.

Нач. 3 Отд. СПО ППОГПУ (подпись)

Постановление мне объявлено: [дата не проставлена]

Подпись обвиняемого: Парышев (подпись)

// (Л. 240)⁶

Дополнительно допрошенный 11/XI.31 года ПАРЫШЕВ Александр Васильевич — показал:

Осенью 1930 года, так примерно в сентябре месяце, при встрече с благочинным ОВЧИНКИНЫМ, последний мне действительно передавал его разговор с епископом Серафимом о к-р организации церковников. ОВЧИНКИН заявил мне примерно следующее: «Я был у епископа Серафима в Ялуторовске, по вопросу обучения детей, епископ Серафим мне (ОВЧИНКИНУ) учить, т.е. отдавать детей в советские школы не советовал — говоря, что в советских школах только развращают детей, а последних нужно сохранить для лучшей жизни, которая наступит в недалеком будущем». Потом, по словам ОВЧИНКИНА, епископ Серафим, якобы, высказывал мысль, что Советская власть просуществует недолго, что положение духовенства и крестьян тяжелое, везде недовольство и что поэтому необходимо сеять среди населения сильнее дух недоверия к власти, объединять во круг церкви все недовольные элементы и создавать из них группы (ячейки) недовольных и таким образом вовлекать их якобы в /в якобы/ существующую, церковно-монархическую организацию, ставящую своей целью борьбу с Соввластью и далее он спросил у меня — известно ли мне, что-либо об этой организации и состою ли я членом таковой. Я ему, т.е.

⁶ Публикуется в оригинальной орфографии. В деле находятся два протокола от 11.11.1931 — машинописный и рукописный. Собственноручная подпись А. В. Парышева присутствует только в рукописном протоколе. Настоящий текст публикуется по машинописному протоколу со вставками составителя, взятыми из рукописного варианта.

ОВЧИНКИНУ ответил, что об этой организации мне ничего неизвестно. Затем ОВЧИНКИН задал мне вопрос — веду ли я какую либо антисоветскую работу, на что я ему ответил, что вести активную работу против Соввласти мне не позволяет большое семейство и вообще я не нашел нужным связываться в это дело и больше разговоров с ОВЧИНКИНЫМ на эту тему не имел. Кроме ОВЧИНКИНА, по этому вопросу, т.е. о существовании организации мне вести разговоров ни с кем не приходилось. У меня, лично, имелся ряд недовольств на Соввласть, что не принимают детей в школы, // (Л. 241) и что на меня наложили более 100 рублей /1000 рублей/ налогу, который, при малой доходности и многочисленности семейства мне уплатить было весьма трудно, но эти недовольства я высказывал только в среде духовных лиц, а не среди населения.

Записано с моих слов правильно и мне прочитано. А. ПАРЫШЕВ.

Допросил Нач. 3 Отд. ... (подпись — Костин)

Верно: Вр. Уполномоченного 3 отд. СПО: ...

// (Л. 336)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА⁷

1931 года, ноября 18-го дня. Я, нач. 3-го отделения СПО ПП ОГПУ по Уралу — ..., допросил сего числа ПАРЫШЕВА Александра, который показал:

По существу предъявленного мне обвинения добавить к ранее данным мною показаниям от 9 и 11 ноября — не могу, за исключением того, что по предложению благочинного ОВЧИНКИНА — мною было пожертвовано 3 или 5 рублей в помощь находящемуся в ссылке епископу Серафиму. Это было весной 1931 года. Личной переписки с Серафимом не имел. Из духовенства знакомых в Омске, Семипалатинске и Петропавловске ни кого не имею.

Записано правильно и мною прочитано. А. ПАРЫШЕВ.

Допросил Нач. 3 Отд. ...

Верно: Вр. Уполномоченного 3 отд. СПО: ...

// (Д. 7116. Т. 5. Л. 57)

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

<...> 20. ПАРЫШЕВ Александр Васильевич

52 лет, происходит из крестьян села Каменского, Петуховского района, где и служил все время священником местной церкви, протоиерей, последнее // (Л. 58) время был благочинным, б/член «Союза Русского Народа», женат, не судившийся, в том что:

⁷ В деле два протокола допроса от 18.11.1931 — машинописный и рукописный (Л. 337).

1. Являлся членом к-р организации «Союз Спасения России».
2. Получал от руководителя районного филиала организации ОВЧИНКИНА Владимира установки о создании в деревне повстанческих группировок с целью борьбы с Соввластью.
3. Вел а/с агитацию среди населения.

По пункту 2 и 3 виновным себя признал. Принадлежность к к-р организации отрицает.

<...>

// (Л. 71)

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 23 мая 1932 г.

СЛУШАЛИ:

Дело № 123102 по обв. гр. гр. Мясникова Петра Александровича, Жуковского Александра Николаевича, Козлова Зосимы Георгиевича, и др. граждан в числе 41-го чел. по ст. 58/11 ст. УК.

ПОСТАНОВИЛИ:

<...> 7. Парышева Александра Васильевича <...> — заключить в концлагерь сроком на ТРИ года, считая срок <...> с 9/XI-31 г.

// (Д. 7116. Т. 4. Л. 147)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ [о реабилитации]

12.01.1990

В отношении Парышева Александра Васильевича

по материалам уголовного дела (арх. № 7550)

Фамилия, имя, отчество: Парышев Александр Васильевич

Месяц и год рождения: 1889

Место рождения: с. Каменское Петуховского района

Сведения о партийности (№ партийного билета): беспартийный

Место работы и должность до ареста: настоятель церкви

Местожительство до ареста: с. Б. Каменское

Сведения о родственниках: [прочерк]

Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу: 9 ноября 1931 г.; 23 мая 1932 г. Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ по ст. 58/11 УК РСФСР к 3 годам.

Парышев Александр Васильевич подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40 и начала 50-х годов».

Помощник прокурора (подпись)

Начальник подразделения УКГБ (подпись)

Храм Вознесения Господня в селе Большом Каменном (Петуховского района Курганской области). 2008 г.

Священник Константин Александрович Ленков (1891–1937)

В октябре 1937 года тюменским НКВД была уничтожена большая группа местного духовенства и городской интеллигенции — «врагов народа». В сфабрикованном за четыре месяца «Деле №4447», на 538 листах фантазией следователей-чекистов изложены «преступления» каждого из 36 человек, проходивших по этому делу. Малограмотные карьеристы — младшие лейтенанты и сержанты — пытками и издевательствами добивались признаний-самооговоров и лжесвидетельств друг на друга безвинных узников, среди которых были верующие женщины, священники и бывшие офицеры. В результате этого «дознания» «организаторами и руководителями антисоветской, контрреволюционной, диверсионно-террористической группы» были названы священники Лев Яковлевич Кондаков и Константин Александрович Ленков. За исключением одного «оправданного», все остальные были приговорены «тройкой» к расстрелу и убиты в подвале Тюменского горотдела НКВД. Об одном из этих оклеветанных и убитых людей — священнике Константине Ленкове — с любовью и скорбью рассказали его сыновья, старший — Сергей и младший — Александр. Благодаря тому, что в их памяти сохранилось немало подробностей о жизни и служении отца, о его верности Христу во всех земных страданиях, светлый образ мученика останется и в людской памяти, и в истории Русской Православной Церкви.

«Вся короткая жизнь моего отца (он расстрелян 12 октября 1937 года в возрасте 46 лет), весь его цельный, безо всякого даже малейшего налета фальши и двойственности характер, его непоколебимая преданность раз и навсегда избранной цели — служению Богу — и беспредельной, но не фанатичной, а глубоко осмысленной вере в Его силу, и как финал жизни — благородное самопожертвование, находясь на посту служителя этой веры, — все это подтверждает удивительное совпадение имени Константин и производного значения этого слова — «константа» (постоянная величина)». Так пишет младший сын расстрелянного священника Александр.

*На стр. 32:
Река Тура в
г. Тюмени.
Вид на Троицкий
мужской
монастырь.
1912 г.
Фотография
С. М. Прокудина-
Горского*

В очерк вошли материалы статьи С. К. Ленкова «Воспоминания сына о мученической смерти отца — священника» («Звонница», 1997 г. №2, С. 5–9).

Александр
Яковлевич и
Марфа Яковлевна
Ленковы и их
дети: Павла,
Константин,
Антонина

Константин Александрович Ленков, по его словам, происходил из крестьян деревни Боровая Мехонской волости Шадринского уезда Пермской губернии (в расстрельном деле он назван уроженцем Томска). Родился он 14 (27) мая 1891 г. Родители были глубоко и искренне религиозны.

Детские и отроческие годы Константина прошли в г. Тюмени. Здесь он окончил церковно-приходскую школу, а затем реальное училище. В школе полюбил церковные обряды и пение. Природа наделила его красивым голосом. По воскресеньям и праздничным дням вместе с отцом ходил в церковь, пел в церковном хоре, напивался древним и благочестивым духом русского православия.

Религиозность, вера в вечную жизнь не мешали ему быть поклонником техники и математики. После окончания Тюменского реального училища он учился в Томском технологическом институте. Ранняя смерть отца и бедственное положение

семьи не позволили ему учиться дальше и посвятить свою жизнь инженерному поприщу. И в дело вступил промысел Божий, направивший его на путь священного служения.

Антонина, старшая сестра Константина, вспоминала, что брат с юных лет был добрым, справедливым, веселым и изобретательным, обладал явными педагогическими способностями: умел организовывать, объяснять, убеждать. С ним не было скучно, и на него всегда можно было положиться.

«Костенька был для нас авторитетом, он умел сказать мягко, но так веско, что сразу становилось стыдно за совершенное. Но никогда, ни в детский период жизни, ни позднее, не использовал он эту власть во зло или для корысти или тщеславия. Костенька был помощником маме, помогал ей в подсчетах выручки от торговли, а иногда полностью заменял маму на два-три дня, когда ей надо было съездить в город. И это в его 12–14 лет!

Учился он отлично и уже с 5-го класса начал давать уроки, т.е. помогать отстающим детям богатых горожан, зарабатывая 3–5 рублей в месяц. Но и эти небольшие рубли были подспорьем семье...

Летние каникулы он проводил дома, иногда приезжал и на зимние каникулы (Рождественские). Какая это радость была для всех младших: Котя приехал! Котя приехал! Во время летних каникул он всегда был с нами, интересно организуя различные игры: в мячик, городки, шарики. Водил нас в поле, лес за ягодами, грибами. Помню, под его руководством смастерили мы тележку — это дрожки на четырех колесах, отпиленных от толстого бревна...

Будучи в завершающих классах реального училища и приехав на каникулы, Костенька составил из нас хор. Мы пели духовные и светские песни. А уже будучи взрослым, он купил фисгармонию, и тут наш хор пополнили наши близкие друзья. Репертуар песен был широк: «Вечерний звон», «Ветка Палестины», «По небу полуночи Ангел летел» и другие. Особенно звучно пелось на лодке, по Исети, когда мы жили в Исетском, здесь пели больше русские народные песни.

Еще Костенька придумал игру в церковь. Он надевал большой платок в виде фелони-ризы (одеяние священника) и служил по памяти Всенощную или Обедню, а мы выполняли роли псаломщиков, дьяконов. Получалось очень трогательно, и это нас увлекало.

Костенька был организатор семейных и деревенских спектаклей, причем сам был и автор, и исполнитель, и режиссер. Это были и новогодние представления, и водевили, имевшие большой успех у деревенской детворы. Помню такую строфу, сочиненную Костенькой:

От вас зависит счастье, люди:
Живите в мире и добре,
Живите честно, справедливо,
Не возносите горделиво
Перед другими. Люди все
Друг другу братья по Адаму...

Так завершались его детские и отроческие годы. После смерти отца времени на веселье стало гораздо меньше: Константину пришлось бросить учебу, поступить на службу и взять на себя заботу о подрастающих сестрах и брате. Тем временем близилась Первая мировая война...

Константин
Ленков с сестрами
Антониной
и Александрой

Семья Ленковых.
Первый слева —
Константин
Александрович
Ленков, второй
слева — его
двоюродный
брат Николай
Григорьевич Ленков
(погиб на Финской
войне 1940 г.).
Крайняя справа —
Марфа Яковлевна
Ленкова (урожд.
Черепанова), мать
Константина.
1911 г.

Когда дискуссии о дальнейших путях развития общества, которые возникали в кругу друзей Константина, касались темы войны, как средства решения проблем, то здесь мнения принимали разноречивый, порой полярный характер: от полного осуждения и отрицания войны до ура-патриотизма. Константин Ленков имел на этот счет твердую позицию: «Виноват тот, кто затевает войну, ему и отвечать за бесчеловечные деяния свои пред Богом. Но если мать видит, что ее детей хотят убить, разве она не защитит их даже ценой своей жизни?». Поэтому с началом войны он ушел в действующую армию. Был зачислен в краткосрочную школу офицеров связи. Будучи на войне в течение полутора лет, служил успешно и был дважды повышен в званиях. В Пинских болотах Белоруссии ему приходилось подолгу лежать в сырых и холодных окопах, тянуть провода связи. Окончание службы в декабре 1917 года он встретил в звании подпоручика. Тяжело переживал революционную смуту, которая поразила и армию, считал позором не подчиняться приказам военачальников и покинул ряды армии лишь по состоянию здоровья.

Спустя семь месяцев, проработав в Тюменском отделении Госбанка, он был мобилизован в Армию спасения России под командованием адмирала А.В. Колчака. Здесь он близко сошелся с полковым священником о. Евграфом Кузнецовым. А потом произошла одна невероятная история. Полуразгромленная армия пробиралась в глубь Сибири. В пути отступающих косили болезни, особенно свирепствовал тиф. Не пощадил он и Константина Ленкова. В один из дней обоз с больными остановился на отдых на станции Козулька недалеко от города

Ачинска Красноярского края. Отца Евграфа и Константина занесли в помещение местной школы, где временно был устроен лазарет. Как оказалось, учительствовала в школе дочь о. Евграфа Ольга Евграфовна Кузнецова, которая была направлена сюда преподавать после окончания Екатеринбургского епархиального училища. В то время ей исполнился 21 год. Каково же было ее изумление, когда она узнала среди больных своего отца! Девушка помогала медицинскому персоналу выхаживать больных. С Константином Ленковым ее сразу же связали огромная симпатия и духовное родство, которые быстро переросли в любовь. Молодые люди обручились.

Отступавшая армия тем временем ушла, тяжелые больные остались до выздоровления. Но на лазарет напали сочувствующие красным местные мужики, которые хотели «перестрелять» всех «колчаковцев». Немощным людям приказали выходить, на их попытки одеться глумливо хохотали: «Выходи в чем есть! Помирать-то одинаково!» Но тут между вооруженными преследователями и беспомощными больными встала молодая учительница и смело крикнула в толпу: «Я вам их не отдам!» Она попыталась урезонить мужиков, воззвать к их чувствам: «Среди них мои самые дорогие люди — отец и жених. Помилуйте их, молю вас, ради меня, ради ваших детей, которых я учу добру и милосердию! Какой расчет вам убивать и без того стоящих на краю могилы?!» Вооруженные погромщики переглянулись, и один из них, видимо, старший и наиболее культурный, произнес: «Ну, мадемуазель, разве только ради вас!» Громили ушли со словами «Ладно, они и без нас сдохнут!»

Несколько оправившись от пережитого, Константин сказал о. Евграфу: «А что, батюшка, надо обязательно отслужить благодарственный молебен благоверной княгине Ольге. Это она придала такие могучие душевные силы Оленьке, и та защитила нас от неминуемой гибели!»

Константин и Ольга обвенчались в церкви г. Ачинска летом 1919 года и двинулись в обратный путь на Урал. Жизнь их была еще не раз на грани жизни и смерти. Все районы Сибири, особенно восточной, были объаты междоусобицей, а основная железнодорожная магистраль контролировалась чехословаками. В конце концов молодые супруги оказались в селе Новопокровском, в северной части Казахстана, не очень далеко от родных мест. Вопрос «кем быть?» Константин Ленков в те годы решил для себя окончательно. «Испытав на себе вспышку, а потом и разгул жесткости и межчеловеческого озлобления, охвативших все общество, он ясно увидел свое место в христианско-миссионерском проповедовании слова Божия. Где, как не с амвона Русской Православной Церкви, он будет иметь возможность смирять озлобленных, вдохновлять упавших духом, проповедовать добрые и милосердные отношения

Ольга Кузнецова —
ученица
Екатеринбургского
епархиального
училища

человека к человеку?» — так пишет об отце Александр Константинович Ленков.

Рукоположение в сан священника состоялось, несмотря на отсутствие у Константина Ленкова специального духовного образования. Все предшествующие годы своей жизни, а ему было уже 28 лет, он использовал любую минуту, свободную от учебы, работы, военной службы, для глубокого изучения богословских наук и церковных служб. Находясь в храме, внимательно вникал в исполнение церковных обрядов и любой из них мог исполнить самостоятельно. Его сын справедливо пишет: «Это был экстерном подготовленный служитель религиозного культа». Сестра о. Константина вспоминала: «Отличная память помогла ему обходиться без специального духовного образования. Был случай: умер его законоучитель о. Владимир. Надо было по обряду отпевания священника положить в его гроб Евангелие — основную книгу православного учения. А Евангелия не оказалось. И тогда Костенька на память напи-

сал Евангелие во всех четырех вариантах: от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна. Так что нет ничего удивительного в том, что Костеньку возвели в сан священника».

Жизнь потекла уже в семейном русле. Появился сын Сергей, через два с небольшим года — дочь Евгения. Но приход Новопокровки, видно, в чем-то не устраивал о. Константина. По его просьбе и по решению тобольского епископа Серафима Константин получил новое назначение. Летом 1924 года на большой приход в Верх-Суерской Иоанно-Богословской двупрестольной церкви Тобольской епархии (тогда Ялуторовского уезда Омской области, ныне Варгашинского района Курганской области) приехали два священника. Один из них — молодой 33-летний иерей Константин Ленков, второй — протоиерей Евграф Иванович Кузнецов, его тесть. Отец Константин был назначен настоятелем прихода, а 68-летний отец Евграф — вторым священником церкви. Прихожане скоро стали заочно их называть: «молодой батюшка» и «старенький батюшка».

«Отец, — пишет А. К. Ленков, — в те годы был в расцвете своей богослужебной деятельности. Среднего роста, среднего же телосложения. Красиво спадающие темные волосы, такие же красивые борода и усы. Из-под густых черных бровей на людей смотрели спокойные, выразительные голубые, ясные

глаза, излучающие высокую степень разума и добра. Голос — четкий баритон. Он им пользовался так, что всегда привлекал внимание окружающих, никогда не доводя его до высоких тонаций. Голос и мысль всегда дополняли друг друга, и фраза его звучала убедительно. Но он силой не навязывал своих убеждений, умел их отстоять аргументированно. Он этими убеждениями жил, и это все знали, видели и ощущали на себе их влияние».

В то время улеглись революционные бури, временно приостановились злобные гонения на церковь и издевательства над священнослужителями. Настоятель Верх-Суерского храма о. Константин с женой Ольгой Евграфовной, сыном Сергеем двух лет и грудной дочерью сняли под жильем большой крестовый дом в д. Шестаковой на левом берегу реки Суери. Позднее семья пополнилась еще тремя сыновьями. В малой отдельной комнате этого же дома поселились о. Евграф с женой Марией Михайловной.

«Край здешний считался богатым и благодатным, — пишет старший сын о. Константина С. К. Ленков. — До соседних городов — Кургана, Тюмени, Шадринска — ездили на лошадях за два дня в один конец. Обширные луговые пастбища и пашенные земли вокруг Суери исстари славились своим плодородием. Березовые леса изобиловали грибами и ягодами, а в реках и озерах в больших количествах водилась мелкопородная рыба, в омутах ловились раки...

Храм села Верхне-Суерского стоял на правом берегу реки, на самом возвышенном месте у леса, поодаль от крайних домов. Он выделялся своей краснокаменной архитектурой и был похож на корабль, парящий над селениями прихода. Звон колоколов его многоярусной колокольни расстилался вверх и вниз по реке.

Внутреннее убранство храма с двумя высокими позолоченными иконостасами было благолепно. Здание храма возводилось на народные деньги, за счет добровольных пожертвований. Церковь строили около 30 лет — с 1864 по 1894 гг. Зимой богослужения проходили в теплой части храма, обогреваемой двумя высокими печами-«голландками». Алтарь теплого храма, освященный в честь св. вмч. Георгия Победоносца, находился слева от главного входа. А к Пасхе открывались двери стеклянной перегородки в летний храм с престолом в честь святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Службы и требы в храме

Константин
Ленков в возрасте
17–19 лет

проходили при слабом свете свеч и мерцании лампад, электричества в деревне не было. В большие праздники зажигались многосвечные подвесные люстры — паникадила».

Церковные службы в храме велись по воскресным и праздничным дням. Диакона в штате не было, а псаломщицами служили две монахини из Туринского монастыря — сестра Ангелина и сестра Дорофея. Старший сын о. Константина с 6 лет научился читать по-церковнославянски и стал помогать при богослужениях. Надомные требные вызовы к страждущим прихожанам (а приход составляли несколько далеко расположенных друг от друга деревень) случались во все времена года и в любую погоду. Пока была церковная лошадка, настоятель ездил в дальние деревни на ней. Но с коллективизацией крестьяне стали безлошадными, и на требы приходилось ходить пешком.

С появлением о. Константина в Верх-Суерском приходе в храм после первых же служб и проповедей потянулись даже те, кто давно уже — от страха перед большевиками или от собственного равнодушия — отошел от церковной жизни. Отец Константин показал пример действенной заботы о храме и о прихожанах. Он заменил, к примеру, старосту, который не раз замечался в нечистоплотности к церковной казне. Самое интересное, что этот староста потом не только не затаил обиды на священника, но пустил к себе на проживание семью о. Константина, когда его арестовали в 1937 году! Увидав жалкое состояние церковного хора, о. Константин взял на себя обязанности регента и вскоре уже создал новый церковный хор. Он проводил для прихожан многолюдные молебны о ниспослании дождя на посевы, об избавлении полей от саранчи. Все это сопровождалось крестным ходом вокруг крестьянских «ближних пашен» с иконами и хоругвями, с молитвенным пением. На праздник Богоявления совершали крестный ход с Крещенским водосвятием в проруби на реке Суери — «хождение на Иордан». «В таких праздниках, — вспоминает С. К. Ленков, — принимала участие вся наша семья. После ночных служб Рождества Христова и Пасхи, в дни престольных праздников мы вместе с отцом и дедом посещали дома прихожан, освящая еду и жилища и принимая участие в домашней трапезе. И никогда я не видел ни отца, ни деда нетрезвыми после праздничных застолий».

При первом же посещении местной власти о. Константин попытался договориться о хоть какой-то помощи в наружном ремонте храма. В ответ он встретил явную, нескрываемую неприязнь к самому существованию церкви и прихода. Отец Константин понял, что жизнь вверенной ему церкви целиком и полностью зависит от него и от тех прихожан, которые, пользуясь определенным весом и авторитетом среди населения деревень, будут оказывать какое-то влияние и на руководителей власти. Поэтому первоочередной задачей о. Константин определил создание церковного

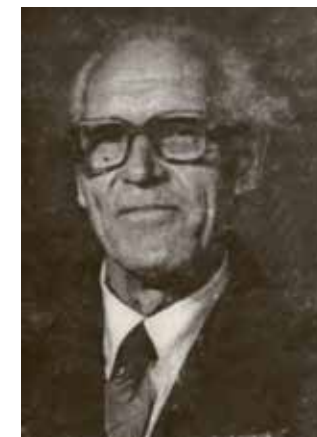
актива. И чтобы такие люди пришли к нему, он должен был доказать свои намерения конкретными делами. Начал он с заботы о немощных, тяжело больных, которые сами не могли посещать храм Божий. В каждой из пяти деревень своего прихода он узнал о таких людях, как бы теперь сказали, «с особыми потребностями», и сам пошел к ним. Он проводил успокоительные беседы у постели больного, и если человек нуждался в исповедании, причастии, то исполнял эти требы тут же, на месте. Часто больные нуждались в конкретной медицинской помощи, потому что врачей и даже фельдшеров в селе не хватало. Отец Константин был немного знаком с медициной и обладал навыками траволечения. В доме священника сушили травы, делали целебные настойки. Немало прихожан обращались к нему не только как к священнику, но и как к гомеопату.

«Имея широкую, легко доступную для людей душу и являясь высокообразованным для деревни той поры человеком, он находил время, чтобы подсказать и детишкам-учащимся в их затруднениях по учебе. Голосистых верующих он приглашал в церковный хор», — пишет С. К. Ленков.

В народе вскоре пошла молва о новом священнослужителе как о добром и милосердном человеке. И уже в первые годы деятельности о. Константина вокруг него образовался надежный круг доброжелателей и помощников. Заготовка дров для обогрева помещений храма и сторожки, ремонт помещений, другие работы стали выполняться легче.

Сын делится драгоценным воспоминанием о том, как священник и его прихожане всей общиной старались в изменившиеся времена жить так, как жили бы до войны и революций. Пасторальным уютом и теплом рухнувшего довоенного мира веет от этого рассказа.

«Отец Константин несколько раз организовывал и возглавлял паломнические походы прихожан-богомольцев к чудотворной иконе Табынской Богоматери. Поход занимал три дня и приурочивался ко дню св. вмц. Параскевы-Пятницы. Шли с иконами, хоругвями и песнопениями в село Усть-Суерское, за 40 с лишним верст. На конной телеге везли питьевую воду в «лагушках», одежду для ночлега в поле, запас еды для странников. Богомольцев набиралось человек 40–50 со старыми и малыми. Переезжать Тобол надо было на пароме, а лошади боялись на него ступать — упирались и храпели. Хорошо запомнилось мне многолюдное село Усть-Суерское: шумная ярмарка, нищие, просящие подаяние... Чтобы приложиться к чудотворной иконе, паломники несколько часов стояли в длинной цепочке-очереди под палящим солнцем. Участники этих многодневных походов и в наши дни с благодарностью помнят отца Константина».

Сергей
Константинович
Ленков.
Фотография 90-х
гг. XX в.

В те годы дети священника ни разу не слышали обидных слов из-за своего происхождения. Отца Константина уважали и собственные прихожане, и жители соседних приходов.

«Он был благочинным над несколькими приходами соседних сел: Середкино, Шукино, Ошурково, — вспоминает Сергей Константинович. — По делам благочиния ему приходилось навещать и настоятеля мокроусовской церкви — отца Николая Парфенова, который в 30-е годы тоже был репрессирован, а его семья подвергнута гонениям. В эти дальние поездки на церковной лошадке отец брал и меня с сестрой Женей. Когда из-за размытой грязью лесной дороги приходилось идти пешком, отец по памяти читал нам стихи Пушкина, Некрасова, рассказывал библейские истории, жития святых Сергия Радонежского, Александра Невского и великомученицы Евгении».

Воспоминания сыновей рисуют обаятельный образ сельского священника-интеллигента, умного, честного и справедливого, сумевшего создать вокруг себя маленький оазис добра. Каких же сил ему это стоило!

Увы, существовать этому относительно благополучию оставалось совсем недолго.

НЭП был свернут, началась коллективизация. Церковь и ее служители стали усиленно преследоваться местными сельскими и районными (уездными) властями, доморощенными хулиганствующими «активистами». Многократно возросли налоги на Церковь. Были запрещены богослужения вне молитвенных зданий. Появление Верх-Суерской МТС с ее политотделом и участковым милиционером еще больше усилило материальные притеснения и моральные гонения на церковный причт, особенно на священников. Монахиням пришлось уехать. Хозяин дома, где квартировали священники, был предупрежден о раскулачивании в случае, если не откажет «попам» в жилье.

Власти чинили всевозможные препятствия спокойному отправлению церковных обрядов. Так, например, уполномоченный НКВД в начале 1931 года пытался разогнать верующих, когда они во главе с о. Константином выполняли обряд освящения воды у проруби на речке в день Крещения. Храм Верх-Суерский стоял за селом и, поэтому такие обряды, предусмотренные церковным богослужением, никак не касались светской жизни села. Но власть и мушкетеры были настроены против таких проявлений «проникновения религии в массы» и беспардонно вмешивались в церковные дела. Отец Константин постоянно вызывался в сельский совет для различных предупреждений и ограничений. Разговор его с допрашивающим строился, по словам Сергея Константиновича, примерно, по такому плану:

Д. (допрашивающий): На каком основании вы ходите по деревням с проповедями и будоражите народ?

О. К. (о. Константин): Я исполняю обязанности пастыря верующих в Бога и только на них распространяю свое влияние. Вся моя деятельность вписывается в рамки Декрета о свободе совести параграф 2 и 3. Никакого нарушения этого государственного документа я не допускаю.

Д.: Кто вам разрешает проводить митинги и демонстрации за пределами церковной ограды?

О. К.: Если вы имеете в виду обряд освящения воды около проруби реки Суеры в день Крещения, то смею вас заверить, что вода в реке от моего крестного знамения не замутится. Но обратить внимание на ее загрязнение колхозами и их скотными дворами действительно необходимо. Что касается «митингов и демонстраций», как вы называете выход верующих на расстояние ста метров за пределы церковной ограды, то опять же я строго руководствуюсь известным вам, надеюсь, государственным документом и его параграфом номер пять.

Д.: Я предупреждаю вас, что если вы и впредь будете нарушать общественный порядок в наших деревнях, мы вынуждены будем применять к вам меры репрессивного порядка.

О. К.: Я бы вам все-таки порекомендовал очень хорошо изучить Декрет о свободе совести и вероисповедования, и тогда наши беседы с вами будут носить печать взаимопонимания. Оставайтесь же с миром! И не таите на меня зла, как и я на вас.

«Как видно, — заключает сын священника, — представители власти чувствовали себя по отношению к отцу Константину, этому ревностному служителю Церкви, как волк к ягненку из известной басни И. А. Крылова: “Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать”».

Правда же состояла в том, что авторитет о. Константина среди населения деревень все возрастал и укреплялся благодаря его обаянию, душевной щедрости, трудолюбию. И приток людей в церковь тоже возрастал. Их привлекала и яркость, торжественность богослужений, и возможность дать успокоение своей душе. Великую душевную силу получали все, слушавшие страстные проповеди с амвона, которые о. Константин произносил эмоционально и с глубоким знанием евангельских, библейских учений, притч, заповедей Христовых.

Нужен ли был такой глубоко уважаемый и любимый людьми, «альтернативный» властям и всем идеологам коммунизма воспитатель народа? — риторически вопрошает Сергей Константинович Ленков. И далее сыновья священника рассказывают о скорбном пути своего отца и о многочисленных бедах, постигших семью после его ареста.

1 ноября 1931 года о. Константин был арестован. Священник был спешно, без следствия и путем фиктивного суда приговорен к пяти годам лагерей по статье 58–11 за то, что будто бы «состоял

членом к-р церковно-монархической организации и по заданию таковой вел а/с. работу среди населения и производил вербовку в организацию к-р. настроенных церковников» — так значилось в материалах дела¹. О том, что в словах и действиях о. Константина не было ни малейших признаков антисоветской агитации, представители церковного совета пытались доказать и местным, и районным властям. Их, разумеется, не послушали. Оказался пустой бумажкой тот самый Декрет о свободе совести, на который ссылался и о. Константин, и многие другие напрасно обвиненные церковнослужители. Коварство и злой умысел властей были для всех вполне очевидны, сила беззакония беззастенчиво демонстрировалась, начиная с высших эшелонов власти. Гонения и репрессии начались сразу же вслед за выходом этого декрета, и обманчивое «благолепие» НЭПа ничего здесь не меняло. Тон был задан еще В. И. Лениным, который пылал ненавистью по отношению к Церкви, священнослужителям и любой интеллигенции, духовной и мирской. Наряду с печально знаменитым «мало расстреливаем профессуры!» сейчас прекрасно известно и другое его высказывание: «Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше!» (1922 г., секретная директива).

Семью о. Константина еще до ареста заставили покинуть свое жилище, иначе владельцу дома грозило раскулачивание. Им удалось занять пустовавший полуразрушенный дом, уединенно стоявший у моста через реку. Протоиерею о. Евграфу с женой пришлось поселиться в церковной сторожке, где до этого жили монахини. Через полтора года о. Константина, его жену и пятерых детей выгнали из обжитого и отремонтированного дома. Священнику с трудом удалось выхлопотать в райисполкоме разрешение на покупку маленького пятистенника близ церкви. Но жить там не пришлось...

Положение большой семьи после ареста о. Константина было ужасающим. Сначала оставалась маленькая надежда на престарелого деда, но церковь закрыли, опечатали, и даже самые необходимые требы отправлять стало негде. Как жить? На последнем свидании в райцентре Ольге Евграфовне сказали, что о. Константин не лишается права переписки. Но что могли дать письма, кроме моральной поддержки? Как пропитать пятерых несовершеннолетних детей и двух стариков? Церковный совет обратился к прихожанам: путем подаваний, кто чем сможет, поддержать осиротевшую семью, и люди время от времени приносили кто что мог. Матери и бабушке пришлось смириться и ходить «по миру».

Первая весть от о. Константина пришла из г. Медвежьегорска Карельской АССР. Он писал, что его привезли на строительство Беломорско-Балтийского канала. После первых месяцев тяжелых ручных работ его перевели на бухгалтерскую работу.

¹ О. Константин Ленков проходил по одному делу вместе со священниками К. Озеровым и А. Парышевым, о которых шла речь в предыдущем очерке.

Отец Константин в своих письмах с Беломорканала уделял большое место душевному успокоению семьи, призывал молиться и уповать на помощь Божию. Он твердо верил, что Святитель Николай и в это трудное время не оставит его жену и детей на произвол злых людей.

«Считаю необходимым дать некоторые факты нашей сиротской жизни во время отбывания в концлагере четырех с половиной лет отцом Константином, — рассказывает Александр Константинович Ленков. — У меня очень четко остался в памяти момент, когда наша мать, отчаявшись от безысходного положения семьи и в первую очередь голода, по совету своих же родителей и, безусловно, с согласия отца, написала заявление о приеме ее на работу в школу села Верх-Суерского учительницей. Помню, как я увязался за мамой, когда она пошла на беседу к приехавшему зав. районо. Завуалированный совет его был таков: поскольку Церковь у нас отделена от государства и школа от Церкви, то жена священника не может быть учительницей в советской школе. Мать моя, поняв его совет, подала заявление на фиктивный развод с отцом. Но и это не помогло, так как она была еще и дочерью священника. Вот вам и Конституция свободной страны! Так и продолжала наша семья владеть жалкое, полуголодное существование, перебиваясь на подавания добрых, любящих отца людей.

Вскоре после смерти моего младшего братика сельским властям вдруг понадобился наш домишко, который приобрел отец в последний год перед арестом. Или властям показалось, что он достался нам незаконно, или просто захотелось в очередной раз поиздеваться над нами (всё, что есть у попа — всё наше!), но вот в холодном феврале, когда завывали лютые вьюги, мама с дедом Евграфом получили из сельсовета ультимативное предписание в суточный срок вытряхнуться со всеми скудными «манатками» из своего собственного домишки. И никаких слезных просьб подождать хотя бы до весны не признавалось».

Перебрались в холодную кирпичную церковную сторожку, отопливаемую лишь железной печкой-«буржуйкой», потом в кишашую клопами грязную избушку, хозяйка которой согласилась приютить изгоев... Старшие дети в то время учились в школе и как-то умудрялись делать уроки в этом аду и даже, по словам А. К. Ленкова, успевать лучше других. Святитель Николай молитвами о. Константина помог семье выжить, хоть и жизнь эта была чудовищна.

Отец Константин тем временем сообщил, что его, переведенного на бухгалтерскую работу, ценили даже недруги, и когда приблизилось время его освобождения из лагеря, руководители канала предложили ему остаться на повышенной должности уже в положении свободного гражданина. Тем не менее, он поблагодарил и отказался, он спешил вернуться к любимому поприщу. Решение его огорчило жену, она не без оснований

считала, что переезд в Карелию и занятие светской профессией будет означать прекращение их мытарств. Сейчас, по ее мнению, как семья священника они получили только временную передышку, а потом власти все равно возьмутся за них по-новому... Как знать? Может быть, в практическом, житейском смысле она была права. Время, которое переживала страна, было крайне безбожное. Даже оставшиеся «на свободе» священнослужители, подвергались гонениям и жили в постоянном ожидании репрессий. «Но, — утверждает А. К. Ленков, — отец Константин не мог променять Идею души своей на материальное земное благополучие, он твердо знал и признавал слова Христа: «И всяким, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Матф. 19, 29). Полнейшая надежда на Бога и Его угодника Святителя Николая заставляли и всю его семью веровать так же».

«Если бы Господь не вразумил отца Константина быть до конца верным Богу, а отец наш остался бы бухгалтером на Беломорканале, то и это его не спасло, он все равно был бы уничтожен, и мы вместе с ним, — пишет сын. — Великое благодарение Господу Богу за наше спасение!» Страшная правда заключается в том, что переезд на Беломорско-Балтийский канал мог и не спасти семью, а наоборот, погубить всех, включая детей: в 1990-е годы в районе Повенца — места, где о. Константин отбывал принудительные работы, велись раскопки жертв репрессий, и в результате оказались найденными останки 37 тысяч расстрелянных строителей канала и их семей...

Летом 1935 года освобожденный досрочно о. Константин вернулся домой. Он застал семью живущей в здании церкви — холодном, неотапливаемом помещении. Первой его заботой стало найти жилье. Бог помог ему в этом: в двух километрах от Верх-Сурского, в его же приходе — в деревне Беловой — нашелся домик с двором и усадьбой, но без огорода. В Белову перебрались и о. Евграф с матушкой Марией. Другой заботой было воссоздание места для богослужений. Храм, в котором он служил раньше, был изуродован, полуразрушен, колокола сброшены, восстановлению не подлежал. Хорошо еще, что о. Евграф успел спасти церковную утварь, а самые верные прихожане сохранили кое-какие иконы. Отцу Константину удалось добиться разрешения епископа и советских властей на переоборудование часовни в д. Беловой в храм с алтарем и престолом в честь святого пророка Илии. Перед праздником Рождества Христова о. Евграф освятил часовню, а отец Константин провел в ней первое после возвращения богослужение. Часовня, по воспоминаниям С. К. Ленкова, не вмещала всех желающих возобновить свои молитвы в храме Божиим, люди с глубоким волнением поздравляли друг друга. Видя о. Константина, снова вернувшегося к ним, прихожане плакали от радости.

«К этому первому богослужению, — вспоминает А. К. Ленков, — отец Константин готовился особенно усердно. Главное: надо было до конца выветрить дух отлучки от Святого Алтаря, снова ощутить Дух Святости. Долгие коленопреклоненные моления простоял он по ночам, долгие и проникновенные беседы с Богом пережил, ведь все прошедшие годы не пришлось ни разу провести молитвы в открытую даже не в храме. Но помогла снова глубокая вера в силу Божию, и снова он был готов к совершению богослужений».

В проведении служб дети помогали отцу-священнику. Старшие, им было 12–14 лет, путем чтения, пения, а младшие, 8–9-летние, выполняли подсобные («алтарные») работы. На праздник Святой Пасхи 1936 года по заказу о. Константина троим его сыновьям были сшиты стихари, служба в них возвышала и радовала юных помощников. Но властям это категорически не нравилось. Местные власти не нашли причин отказать в открытии храма, но активно мешали священнику и прихожанам. За деятельностью храма и за священниками велась постоянная слежка силами сельских активистов и участкового милиционера Василия Девяшина. Они вмешивались в семейные дела о. Константина, вызывали его в сельсовет, в район. В рождественскую и пасхальную ночи активисты дежурили возле храма, не давая молящимся выходить за ограду часовни. Когда один из детей понес домой праздничные приношения прихожан, Девяшин задержал его и привел к отцу, чтобы убедиться, что тот несет не ворованное. Оказывалось моральное давление и на священника — ему то угрожали, то внушали, что он не должен жить вместе со своей семьей, «втягивать в религию» детей. В конце концов он не выдержал этих угроз, и с сентября 1936 года семья оказалась разделенной. Ольга Евграфовна и дети вынуждены были перебраться в село Просеково, расположенное в 15 километрах от Беловой (старшие учились там в школе), жить там на квартире, и только в субботние (банные) дни приходили к отцу.

Интересно свидетельство Александра Константиновича Ленкова об их жизни во время той короткой «передышки». Оно рисует о. Константина исстрадавшимся, измученным тревожными предчувствиями и ожиданиями человека, но удивительно стойкого в своем желании сделать мир вокруг детей лучше, чище, светлее.

«Каков же был наш отец-мученик в домашней обстановке? Беловская временная усадьба позволяла заниматься и отцу и нам, его детям, интересными трудами. Отец любил плотницкое мастерство: он смастерил четыре клетки для проживания кроликов и разводил их. Воспитанием нас в труде было и заготовление дров на зиму: в лес на своей тележке, смастеренной им же, отцом нашим, ездили за сухостоем, там распиливали на двухметровки и привозили домой. А тут уж превращали

их в дрова и укладывали в поленницу, под навес. Помню хорошо, что эти поездки были для нас всегда радостью: отец сопровождал их рассказами из его жизни, пели песни. Отец обладал очень красивым голосом и любимыми его песнями были «Среди долины ровныя», «Соловьем залетным» и другие. Любой домашний труд отец никогда не сопровождал раздражением: когда же что-то не ладилось, то отец начинал с объектом труда разговор. Например: не раскалывается полено сучковатое, отец ему говорит: «Вот бы мне быть таким, крепким да упрямым, как тогда жить-то со мной?» или ему же: «Вот бы, полешко, если бы в тебе было столько тепла, сколько упрямства».

«За домом, где мы жили, был большой пустырь-полустепь. Весной и летом 1936 года отец для нас и других деревенских ребятшек устроил школу по обучению играм в бабки, городки, шарик. Всего он нам показал до десятка таких игр, в которые даже потом, после отъезда его в Тюмень и его окончательной репрессии, вся деревня ребячья играла с большим увлечением и азартом. А для нашего гимнастического развития отец со старшим братом нашим установили турник, причем единственный во всей деревне. Потом они стали появляться и в других местах.

В теплые летние вечера подолгу заигрывались на полянах, в березняках, на улицах. Сосед наш, Петр Каллистович кричал, бывало, своему Егорке: «Игорка, такой-рассякой, пошел спать!» Параллельно раздавался спокойный зов нашего отца: «Дети, пора спать!» И если сосед кричал по нескольку раз, то нам достаточно было одного раза. Помню, я как-то раз задержался к положенному времени домой. За эту провинку я был лишен выхода за ограду на три вечера. Вижу себя, как будто это было сейчас, как я с тоской и завистью к ребятам «на воле», но без слез смотрел, как они там резвятся. Но выйти не смел. Надо сказать, что это было большим педагогическим искусством отца — наказать без обиды со стороны наказанного. В этом вся его незлобивая, но справедливая душа! Случай со старостой храма, о котором я упоминал уже, тоже яркое... И еще один случай. Как-то зимней ночью 1936 года деревенские мужички, может быть, по воле колхозного начальства решили похитить с заднего двора нами арендованного дома хозяйские сани-розвальни. Услышав шум и возню на заднем дворе, отец вышел из дома и, выйдя на задний двор, увидел, как трое пытаются перевалить через забор чужое добро. Отец наш не закричал «караул», не схватил дубину, он спокойно подошел к вору, взялся за сани и сказал: «Ну-ка, давайте-ка я вам подсоблю! Давайте, давайте!» Ворам стало стыдно за свой поступок, они бросили сани и убежали, не сказав ни слова.

Мы любили слушать, как отец наш читает нам вслух произведения своих любимых писателей: Некрасова, Гоголя. Мне, самому младшему, хотелось прижаться к старшим, лежа на полатах зимними вечерами, когда отец читал «Вия», «Заколдованное

место», «Пропавшую грамоту» и другие «страшные» повести Гоголя. Но по сей день помню чтение им «Тараса Бульбы» и тот момент, когда отец убивает своего сына — изменника Родины. И я спрашивал отца Константина: «Папа, а Тарас Бульба после смерти в рай или ад попадет? Ведь он сына убил». Годы стерли точный ответ отца, но можно предположить что-то аналогичное известному его воззрению на саму войну, когда защищающаяся сторона находится под благоволением Бога, справедливость и честь Божия — на стороне подвергшихся нападению, отсюда и правота Тараса как отца. Жестокая, противоестественная, но правота».

Шел к концу 1936 год, предпоследний год земной жизни о. Константина. Жизнь его, как духовная, так и материальная, не приносили необходимого удовлетворения и покоя. Он прекрасно понимал, какие сумерки сгущаются и над страной, и лично над ним — бывшим офицером и уже единожды репрессированным священнослужителем. Для того, чтобы представить яснее его душевное состояние в то время, приводим единственное сохранившееся письмо, которое написал о. Константин своей матери Марфе Яковлевне Ленковой.

26 октября (8 ноября) 1936 г.

Дорогая мамочка!

Дорогие мои, любимые! Вот, слава Богу, дождался я Вашего, мамочка, письма. А то все передумалось. Главное: страшно хочется еще свидеться с Вами в этой жизни, получить Ваше благословение и себе и своему потомству. Твердо верую, что в Будущей Жизни мы будем неразлучны с Вами. Потому что твердо верю, что Господь за все муки, которые мы переносим здесь оттого лишь, что желаем быть и остаться Его детьми, по Своему человеколюбию даст и Вам и мне уголочек вместе с папой, Володей, Горочкой. О, если бы там оказались и все наши остальные единокровные! Покаялись ли они, оплакали ли свою пустую ветряную жизнь? Счастливы, если — да!

Жаль, что Вы не пожелали повидать нас и погостить хотя бы с месяц. Хорошо, что Вы так любите Арика, но ведь не он же один Ваш внук! И мои дети бабушку Марфу ждут, как из печи пирог. А как Вы целуете-то его, некрещеного?! Конечно, младенец в этом не виноват, а недоразвитость его родителей. Но все-таки.

При свидании с Вами мне хотелось бы обговорить и мое положение, здесь у меня советчиков нет. Свои (жена и теща) меня только ругают да укоряют за все, что я делаю, как будто я их непримиримый враг. Никаких идеалов, кроме брюха и шкуры, они не признают. Поэтому, на беседу с Вами я возлагал надежду. В письме все не обсудить: надо целые томы книг исписывать. Однако, поговорю. Имейте материнское терпение выслушать и благословить.

Марфа Яковлевна
Ленкова. 1930-е гг.
Живописный
портрет.

Дети подросли. Учатся в семилетке последний год. Условия учения жалкие. Школа никаких наглядных пособий не имеет. Персонал педагогический также относится к нашему прежнему персоналу (по степени знаний), как наши прежние сторожа к нынешним учителям. Все основано на долбежке и зубрежке.

За первую четверть премированы: Сережа — пятью рублями, Женя — общей тетрадью, ручкой, карандашом и пятью штуками перышек, потерянных ею, Николай — тетрадкой, ручкой, карандашом. Не в стоимости премий дело, а в том, что, несмотря на классовость, все же пришлось их премировать: они оказались лучшими по успехам. Но когда я сравниваю их знания с моими в четвертом классе, то им далеко. Мое присутствие

при детях необходимо. А наши власти преследуют меня за то, что я хожу к семье!

Приходится задумываться: как устроиться, чтобы жить вместе. И упираться в необходимость переезда в город... Главным препятствием на дороге к осуществлению этой мысли служит мое идейное отношение к приходу как к моим духовным детям. Теперь полтора года проживши здесь, я вижу, что духовных детей у меня только полсотни стариков и старушек. Молодежи и людям среднего возраста я нужен как требоисправитель. А этой полсотне или, может, сотне легче будет содержать какого-нибудь малосемейного. Да по количеству работы на приходе его можно будет обслужить и силами батюшки.

Господь дал мне разумение и знания, дал желание служить Ему всеми силами, но здесь нет возможности это делать. И чтобы не быть осужденным за лень, надо искать место с более широким горизонтом. Куда? Тянет мысль к родной Тюмени. Урал — это угол безудержной стройки. Для религиозной работы там и без меня много делателей. Епархия Тобольская как будто спокойнее. По крайней мере, епископ Артемий восемь лет беспрепятственно управляет ею. Должно быть, он умеет ладить с властью имущими. А у такого епископа служить спокойнее. В Тюмени он недавно освятил (от обновленцев) кладбищенскую церковь. Хоть бы псаломщиком туда! Там есть техникум, и я мог бы быть своим детям долгое время репетитором.

Я начинаю видеть, что Верх-Суерский приход кроме муки нравственной и физической ничего мне и, главное, семье, не приносит. Интересно, что посоветует Ваш Владыка? Он Сергиевец или какой-нибудь раскольник? Как вот только добраться до Артемия? Неужели к нему ехать? Никаких финансов не достанет. А потом паспорт... дадут ли? То ли ждать Конституции, то ли не откладывать в долгий ящик? Квартирный вопрос

в городах очень остр. Домишко бы свой! Вот бы Андрей Дмитриевич согласился бы с нами перекочевать, около него не пропал бы!

Видите, мамочка, какие отрывочные, сумбурные мысли. А каких бессонных ночей они мне стоят! Сколько морицин они набороздили на лбу. И как нужны бы Вы были для совета! Посоветуйте как-нибудь, хотя бы оттуда. Да не задержите ответ.

О своей жизни что говорить? До сегодня сыты, слава Богу. Но жизнь здесь пугает. Пшеницу (и то из-под полы) продают уже по 50 рублей пуд. Картофеля у меня нет ни единой штуки, и в своем приходе достать невозможно.

Проклятая чесотка не покидает. У бедной Женюрки под правым коленком целый куст — нарывов десять. У Коли и у меня чирьи тоже не проходят. Теснота, грязь да вкоренившееся неряшество тут, по моему мнению, этому причина. Я вот, мамочка, боюсь из-за этого и переезда в город. Отвыкли мы от простынь, тарелок, а вилок и ножей почти не видели. Как мы появимся с нашими первобытными обрядами в доброе общество? Такие благородные личности, как Антонина Федоровна, пишут: «хотя не имеем счастья быть знакомой с Вашим семейством», а что она скажет, когда увидит моих дикарей?

На все воля Божия!

Целуем все и всех. Жду, мамочка, совета и ответа.

Благословите любящего Вашего сына.

Р. С. Здесь служим по-прежнему. Никакого ремонта часовенки старушки мои не произвели: от труб дым и копоть, от дверей ветер и холод. Разрешения на собрание верующим власть не дает. Храм Верх-Суерский не освобождают, он рушится. Защиты ни от кого и поддержки тоже. Печально. Быть мишенью для всех — тягостно.

Господи! Благослови мысль о переселении.

К.

Итак, постоянная семейная нужда и беспросветность будущего вынудили о. Константина искать место священнической службы в Тюмени — городе его детства и юности. В январе 1937 года он получил паспорт в Марайском (Мостовском) райотделе милиции, входившем тогда в Челябинскую область, а в марте приехал в Тюмень, пока один, без семьи. Места священника ему не нашлось: церкви и здесь почти все были закрыты властями. Его приняли на должность псаломщика кладбищенской церкви, предложили создать хор для кафедрального Знаменского собора и быть его регентом. В поисках певчих ему пришлось ездить по ближним к городу приходам. Спевки хора проходили на втором этаже большого церковного здания напротив храма свв. апп. Петра и Павла и велись под фисгармонию — ту самую, на которой Константин Ленков играл еще в родительском доме. Он привез ее от своей матери.

В июне 1937 года Сергей и Женя, старшие дети, получили свидетельства об окончании неполной средней школы. Из Просекова, где они жили на квартире с матерью, они пришли домой, в деревню Белову. Без долгих сборов, простившись с дедом Евграфом, семья отправилась к отцу в Тюмень. Он встретил жену и детей на вокзале и привел в свою квартиру по ул. Советской в доме № 73. В первые же дни показал детям здание бывшего реального училища, которое когда-то окончил, сводил в городской сад. Качал их на качелях, угощал мороженым, которого младшие сыновья никогда не пробовали. Несколько раз водил их на спевки церковного хора, учил играть на фисгармонии... Детям могло показаться, что будущее не сулит новых горестей и разлук.

Но всего лишь две недели детям довелось быть вместе с любимым отцом...

В городе начались массовые аресты духовенства. Одному тюменскому священнослужителю его сосед, работавший в НКВД, под большим секретом сообщил, что из центра пришла директива очистить город от недобитых «контриков» и уже составляются списки. Он предлагал ему, чтобы спастись, уехать куда-нибудь на две-три недели или даже на месяц — тот отказался. Всех православных пастырей, кто в это время служил в Тюмени начали по одному забирать. Формальным поводом для ареста о. Константина стало всего-навсего совместное чаепитие. В марте духовенство Всехсвятской кладбищенской церкви и члены церковного совета собрались в доме, в котором квартировал отец Константин, чтобы отметить годовщину возвращения церкви от обновленцев. Собрались у о. Константина, потому как он был одним из самых активных борцов с обновленчеством. Собравшихся было двенадцать, как когда-то апостолов на тайной вечери... И, как и тогда, среди собравшихся оказался предатель, тайно сотрудничавший с НКВД.

Глубокой ночью 6 июля, перед рассветом, семья была разбужена требовательным стуком сотрудников НКВД в двери. А. К. Ленков вспоминает: «Обыск был грубым и дерзким: недоверие у обыскивающих квартиру выплескивалось через край. Отец давал краткие, отрывочные пояснения. И только на одной книжке “Советы пчеловодам” задержали внимание ночные подручные власти. Они, обаянные подозрением, усмотрели в этой безобидной брошюрке угрозу советской власти и изъяли ее как “вещественное доказательство” виновности о. Константина в антисоветских делах». Потом хозяйке дома Анне Степановне Петуховой, позднее тоже проходившей по тому же делу, и о. Константину было объявлено, что они арестованы. Взволнованно помолвившись вместе с семьей, он в последний раз благословил и поцеловал каждого, простился с женой и ушел, уже навсегда. «И только белый отцовский плащ мелькнул как последнее

земное прощание на повороте улицы, когда его уводили под конвоем на рассвете. Матушка наша как-то еще при жизни вспоминала (чего она не любила делать), что на этот раз отец прощался как-то не так, как всегда при обысках и арестах. Какая-то печать предчувствия конца жизни отражалась на его лице. И в своем обращении прощальном к Богу, к Святителю Николаю и к семье была видна обреченность, хотя присутствия духа он не терял и сейчас».

Два раза в горотделе НКВД принимали передачи арестованному, а на третий заявили: «Осужден без права переписки на 10 лет». Что это означает, Ленковы, как и большинство простых советских граждан в то время, конечно, не знали, но почувствовали беду. Ольга Евграфовна сразу же после этого увезла детей в д. Белову к деду, что и спасло их от прямых репрессий.

Для семьи потянулись месяцы, годы и десятилетия томительной неизвестности. Никаких вестей до них не доходило. Марфа Яковлевна, узнав об аресте сына, стала писать в разные инстанции письма с просьбой сообщить хоть что-то о его судьбе. Ей сообщили из официальных инстанций несколько адресов возможного нахождения сына. Бесстыдная лож! К тому времени он давно уже был расстрелян. К счастью для матери, всей правды о мученической гибели сына ей узнать не довелось.

Огромную духовную поддержку осиротевшей семье оказал дед Евграф Иванович Кузнецов. Немошный старик до самой смерти оставался тем, кем он был — высокообразованным и высококультурным человеком. Отец Евграф после Далматовского духовного училища (где он был однокурсником А. С. Попова, изобретателя радио) окончил Пермскую духовную семинарию, до мобилизации в армию А. В. Колчака служил священником в г. Верхотурье. Обладал спокойным и уравновешенным характером, не был лишен чувства юмора. Зятя он любил глубокой, осознанной человеческой и истинно христианской любовью и часто увещевал свою супругу и дочь, чтобы они не ругали о. Константина за то, что тот «своими идеями осиротил всю семью».

Жена о. Константина после его ареста одна растила четверых детей, помогала престарелому отцу. В конце тридцатых годов она вступила в колхоз. Но какую работу ей могли там дать? Образованная женщина, учительница, она вынужденно стала ночным сторожем колхозного скота. Дети ходили к ней в сторожку ночевать, потому что клопов там было меньше, чем у хозяев на квартире.

По-видимому, нужда, лишения и постоянный страх за мужа и детей ожесточили Ольгу Евграфовну, в ней мало осталось от той романтической девушки, какой она была в юности. Чем же еще объяснить резкие слова, которые сказал о ней о. Константин в письме к матери: «Свои (жена и теща) меня только ругают да укоряют за все, что я делаю, как будто я их непримиримый враг. Никаких идеалов, кроме брюха и шкуры, они не признают».

Ольга Евграфовна Ленкова и ее дети — Александр, Евгений, Сергей. Фотография сделана в 1948 г. на ст. Иковка Курганской области, где Сергей Константинович стал учителем после возвращения с фронта

Свет, который светил о. Константину в любой тьме, ей почти не был виден, его затмевали ежедневные насущные заботы о куске хлеба для семьи. Но у кого повернется язык ее за это осудить? Она сохранила память о муже, спасла и вырастила четверых из пяти своих детей, помогла им получить образование и вырасти хорошими людьми, и все они вспоминали о матери с любовью и благодарностью. Когда младший сын передал ей то, что ему сказали в КГБ по поводу

смерти отца якобы от разрыва сердца, Ольга Евграфовна заказала в единственной тогда действовавшей церкви Кургана обряд заочного отпевания о. Константина. Землю, освященную при отпевании, она привезла в Челябинск, и сын поместил ее в могилу матери о. Константина, бабушки Марфы. Это место на городском Митрофановском кладбище, в пятидесяти метрах от братской могилы, стало святым для всей семьи Ленковых, оно как бы заменило им безвестную могилу отца. Там же покоится земля с могил о. Евграфа Кузнецова и его жены, матушки Марии, а также рано умершего младенца Георгия, сына о. Константина. Позднее туда положили землю с могил Ольги Евграфовны (умершей в 1980 году) и Евгении Константиновны (умершей в 1996 году).

О судьбе Константина Александровича Ленкова его родные не знали долгих 20 лет. Только в 1957 году на запрос сыновей из Тюменского КГБ пришел ответ: «Решение тройки НКВД отменено и дело производством прекращено». Потом справку такого же непонятного содержания прислали из Тюменской прокуратуры. В ответ на дальнейшие запросы о судьбе репрессированного из Тюменского бюро ЗАГС выдали свидетельство о смерти, в котором сообщалось: «Ленков Константин Александрович умер 9 мая 1945 года, возраст — 46 лет, причина смерти — кровоизлияние в сердечную мышцу, о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти 1957 года августа месяца 7 числа произведена соответствующая запись за № 85». Место смерти не указано.

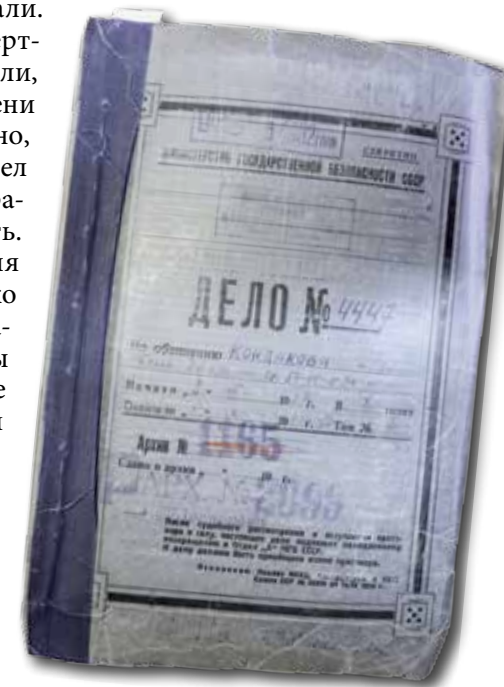
«Содержание этого официального “свидетельства”, — пишет Сергей Константинович, — было не только лживым, но и издевательски-кошунственным, ведь указанная дата смерти — день Победы. Выходило, что жертву репрессий “списывали” на войну! Мало того, это было оскорблением мне — участнику Великой Отечественной войны. Последние 30 с лишним лет я был

“непраздничным” солдатом. В этот священный день мы навещали могилку бабушки Марфы, умершей в Челябинске, символически считая ее могилой отца...»

Бывший оперуполномоченный 4-го горотдела НКВД, выписавший постановление об аресте о. Константина, Д. Ляпцев рассказывал в 80-е гг. XX века журналисту Р. С. Гольдбергу, что его начальник «для приведения приговоров в исполнение оборудовал в подвале специальную комнату, где раньше был склад. Стены обил, чтобы не было слышно выстрелов. В этом складе и расстреливали, а потом увозили на Затюменское кладбище. Могилы там копали милиционеры... У нас в Тюмени более «культурно» расстреливали. Вот вас ведут, и вы не встретите никого. Мертвые за загородкой. Вы вещи оставили, зашли, вам объявляют приговор, ставят на колени и расстреливают. Стеляют, конечно, в затылок. Потом — контрольный выстрел в висок. Потом, конечно, грузили, заворачивали в полог. Чтобы машину не пачкать. Заворачивали и увозили». Эти сведения были опубликованы Гольдбергом только в 1998 году, когда “дом НКВД” на ул. Семанова 17, в котором проводились расстрелы и допросы был разрушен. На этом месте в 2001 году Тюменским государственным университетом был построен информационный центр. 30 октября 2001 г., в День памяти жертв политических репрессий, у его стены открыли памятный знак с надписью: “Здесь в 1937–1938 гг. проводились массовые расстрелы невинных... НИКОГДА БОЛЬШЕ”.

Тюменский ЗАГС вторично выслал им свидетельство о смерти, в котором указывалась иная дата смерти — 12 октября 1937 г., и другая причина смерти — РАССТРЕЛ. Только спустя 52 года после гибели отца его дети узнали о том, что он был расстрелян!

Но и это еще была не вся правда. Когда С. К. Ленков возмущенно спросил, почему же их ложно информировали, сотрудник КГБ ответил: «Не информировали, а просто ввали». Еще о. Евграф, их дедушка, много лет назад называл СССР аббревиатурой РИС — Рекордно Изолгавшейся Страной... Оказалось, о. Константин стал невольным «виновником» казни еще тридцати пяти человек. Ему записали в «вину» — разумеется, незаконно и лживо — будто бы он, псаломщик Тюменской кладбищенской церкви Ленков Константин, Иван Марач и священник Лев Кондаков являлись руководителями «контрреволюционной организации церковников».

Обложка следственного дела 1937 г., по которому проходил о. Константин. Архив РУ ФСБ по Тюменской области

12 октября 1937 г. их всех, 36 человек, расстреляли, а тела зарыли на кладбище Затюменской церкви. Потом это кладбище сравняли с землей, а на ней построили завод железобетонных изделий. Страшный символический смысл этого акта отметил в своих воспоминаниях А. К. Ленков: «Забетонировали! Крепко, чтобы не поднялись безвинные на расправу!»

Настойчивое требование детей ознакомиться с «Делом № 4447» в 1989 году дало возможность узнать некоторые подробности смерти их отца-священника, истерзанного пытками и расстрелянного. Подробности об этом деле, одном из тысяч сфабрикованных «антисоветских заговоров», приводит в своих воспоминаниях С. К. Ленков. «В записях следователей-чекистов нет прямых указаний на главные причины преследования обвиняемых — религиозность, инакомыслие, идеологическое противостояние. В обвинениях сплошная трескотня и рычание о контрреволюционности, антисоветизме, терроризме и диверсиях. Сущность преследования становится понятной из подчеркивания следствием профессий и званий репрессированных: священник, псаломщик, бывший офицер, монархист, оппозиционный кандидат в депутаты и другие «клеящие» провинности. Невозможно без глубокой душевной боли читать все материалы «Дела № 4447». Но особенно гнусны «Обвинительное заключение» и «Протокол тройки НКВД» — бессудный приговор об умерщвлении».

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ²

Я, о/уполномоченный 4 отдела Тюменского горотдела НКВД, младший лейтенант ЛЯПЦЕВ, рассмотрев следственное дело по обвинению КОНДАКОВА Л. Я., ЛЕНКОВА К. А. и других, в числе 36 человек.

УСТАНОВИЛ:

Священник КОНДАКОВ Лев Яковлевич, 1885 г. р., в прошлом член монархической контр-революционной повстанческой организации «Союз Спасения России», совместно со священником, б/б [бывшим белым] офицером ЛЕНЬКОВЫМ³ Константином Александровичем, 1891 г. р., и бывш. участником двух губернских съездов [так в тексте] по выборам Государственных дум МАРACHEМ Иваном Павловичем организовали — в гор. Тюмени к-р. группировку реакционно настроенных церковников, спланировав их для подрывной работы, в частности, противопоставлению а/с. сил партийно-советским органам в предстоящие выборы в Верховный Совет СССР, для борьбы за выборы своего кандидата — МАРАЧА Ивана Павловича.

В целях создания недоверия Сов. власти, церковники распускали провокационные слухи о неизбежной гибели Сов. власти

² Архив РУ ФСБ по Тюменской области. Прекращенное архивное уголовное дело № 2099. Т. 2. Л. 330-336.

³ В материалах расстрельного дела фамилия К. А. Ленкова указана как Ленков.

в будущей войне с капиталистическими государствами, одновременно прививая отсталой части населения города и деревни пораженческие настроения.

К-р. группировка КОНДАКОВА и ЛЕНЬКОВА систематически проводила подпольные собрания своих членов, используя для этого всевозможные поводы, особенно совершение религиозных обрядов в домах у верующих, куда приглашались и посторонние лица. На этих собраниях проводилась к-р. работа в направлении обработки людей для вступления в к-р. группировку; дескредитировались [так в тексте] мероприятия партии и правительства, особенно в период проходивших процессов над фашистско-шпионской бандой врагов народа КАМЕНЕВА, ЗИНОВЬЕВА, ТУХАЧЕВСКОГО и др., где в целях подрыва доверия к Сов. власти осуждались решения суда и восхвалялись расстрелянные враги народа, представляемые ими, как невинно пострадавшие.

К-р. группировка КОНДАКОВА и ЛЕНЬКОВА заблокировалась с к-р. группировкой из бывш. белого офицерства, возглавляемой ИНОЗЕМЦЕВЫМ, КАЙДАЛОВЫМ, ЖУКОВЫМ, после чего между ними началась контактная работа в образовании к-р. организации.

КОНДАКОВЫМ и ЛЕНЬКОВЫМ проводилась работа в направлении организации кулацких повстанческих ячеек в соседних районах, в целях чего ими использовались прежние связи по линии духовенства. Ими созданы к-р. группы в Велижане, Н-Тавде, Упорово, Н-Заимке, Ялуторовске, Юргинском и Омутинском районах с количеством участников до 200 человек.

В задачи к-р. организации входили собрания антисоветских сил для вредительства, диверсии и восстания в период объявления войны Советскому Союзу со стороны капиталистических государств. Повседневной велась а/с. агитация в направлении дескредитации [так в тексте] идей колхозного строительства и проводилась к-р. деятельность по развалу колхозов.

На основании вышеизложенного обвиняются:

<...> 16. ЛЕНЬКОВ Константин Александрович, 1891 г. р., уроженец гор. Томска, проживал в г. Тюмени, в том, что:

Совместно с КОНДАКОВЫМ являлся руководителем к-р. организации церковников, принимал активное участие в к-р.

Освящение памятного знака священникам села Верхне-Суерского — протоиерею Евграфу Ивановичу Кузнецову, иерею Константину Александровичу Ленкову и их почившим родственникам на Верх-Суерском кладбище. Освящение совершает настоятель храма протоиерей Виктор Константинов

собраниях. Создал две к-р. группы в соседних районах. Проводил террористическую к-р. агитацию,

т.е. по ст. 19-58-8 и 58-10-11 УК. Виновным себя признал и изобличается свидетелями /том I, стр. 106, том II 57 и 78/. <...>

На основании вышеизложенного

ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело по обвинению КОНДАКОВА Л. Я., ЛЕНКОВА К. А. и др. в числе 36 человек, направить на рассмотрение Тройке УНКВД Омской области».

И, наконец, выписка из протокола № 31 заседания Тройки УНКВД Омской области от 10.10.1937 г.⁴

«СЛУШАЛИ:

Дело № 4447 Тюменского Горотдела НКВД по обвинению ЛЕНЬКОВА Константина Александровича, 1891 года рождения, служитель религиозного культа (священник). Б/б. [бывший белый] офицер армии Колчака. Активный участник бандвосстания в 1921 г. В 1931 г. был осужден по ст. 58-10-11 УК, Кол[легии]. ОГПУ на 5 лет к/лагерей [концентрационных лагерей]. Наказание отбыл.

Обвиняется в том, что имел связь с руководителями белогвардейской повстанческой организации, принимал активное участие в создании к/р организации церковников. Проводил вербовку новых членов. Активно участвовал в к/р собраниях, где проводил к/р агитацию. Кроме того, вел к/р террористическую агитацию.

Виновным себя признал, а также изобличается показаниями свидетелей и обвиняемых.

ПОСТАНОВИЛИ:

ЛЕНЬКОВА Константина Александровича — РАССТРЕЛЯТЬ».

На первых четырех допросах (6 и 19 июля, 27 и 30 августа) о. Константин свое участие в антисоветской деятельности отрицал и предъявленных обвинений не признавал. Ответы о. Константина на один-два коротких вопроса следователя в этих протоколах вполне отражают стиль речи священника. Совершенно иначе выглядит пространный протокол допроса от 7 сентября. Схематичный и безграмотный, он явно является «сочинением» дознавателя. Судя по всему, протокол от начала до конца выдуман и неторопливо написан в тиши кабинета до начала допроса. Подпись о. Константина под каждой из 15 страниц поставлена, скорее всего, после работы «мастеров заплечных дел». Несмотря на старательно выводимое псевдовежливое обращение на «Вы»,

⁴ Архив РУ ФСБ по Тюменской области. Прекращенное архивное уголовное дело № 2099. Т. 2. Л. 367.

следователь ни разу не обратил внимание на то, что фамилия подследственного во всех материалах дела указана неверно...

В октябре 1989 года А. К. Ленков отнес епископу Челябинскому и Златоустовскому Георгию письмо в адрес Московской Патриархии с просьбой установить постоянное поминовение о. Константина в числе других убиенных за Православную Веру, находясь на посту служения ей. Владыка Георгий внимательно ознакомился с сутью просьбы и отправил письмо со своей препроводительной запиской по адресу. Месяца через три он ответил, что имя убиенного за веру в Бога иерея Константина будет поминаться в монастырях России. Вскоре А. К. Ленкову пришел и официальный ответ из Патриархии:

«Сообщаем Вам, что Ваше письмо принято на рассмотрение Комиссией при Священном Синоде Московского Патриархата по изучению материалов, относящихся к реабилитации духовенства и мирян Русской Православной Церкви.

Имя священника КОНСТАНТИНА Ленкова будет внесено в синодики главных монастырей России для вечного поминовения.

Заведующий Канцелярией Московской Патриархии прот. Л. Ролдугин. 07.11.1990».

Итак, имя Константина Ленкова живет не только в его семье, среди потомков. Оно дорого всем, кто дорожит исторической правдой и чтит память сотен и тысяч русских священнослужителей, тружеников и страдальцев во славу Божию, которые остались верны Христу в самый страшный час своей жизни.

Приложения

ОТЧЕТ ДЕЛЕГАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КУРГАНСКОГО ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ О ВСТРЕЧЕ С КУРГАНСКИМ ПРАВОСЛАВНЫМ ЕПИСКОПОМ ГЕОРГИЕМ (АНИСИМОВЫМ)⁵

28 марта 1928 г.

Акт.

20 марта 1928 года Постановлением К. Е. У. от 10 марта с. г. за № 22 п. IV были делегированы к местному епископу Георгию — Зампред. К. Е. У. протоиерей П. Целярский, почетный член протоиерей Н. Буров и протоиерей А. Васильев для вручения ему письменного предложения начать объединенную согласованную

⁵ ГАКО. Ф. Р-464. Оп. 2. Д. 523. Л. 72–72 об. Рукопись. Копия. Этот и последующие документы публикуются в оригинальной орфографии и пунктуации, за исключением случаев, когда запятые поставлены во избежание двусмысленности.

работу к будущему поместному Собору, что рекомендует Вселенским Патриархом Василием III и повелительно диктуется разделением церковным и антагонизмом среди верующих Российской Православной Церкви, чем обессиливается и бесславится Православие.

Указанные лица в квартире Епископа Георгия сего числа в 12 часов дня застали протоиерея Чемагина, священника с. В.-Суерского Константина Ленкова и протоиерея Василия Соколова. В присутствии этих лиц была проведена беседа с Еп. Георгием и вручено ему предложение К.Е. У. с просьбой дать по существу написанного письменный же ответ. Подошедшего за благословением [неразб.] Еп. Георгий благословить отказался и заявил, что не имеет ни от Патриаршего Сергиевского Синода, или от Архиепископа тобольского Назария, коего он состоит викарием, никаких сообщений о получении Митрополитом Сергием Нижегородским грамоты от Патриарха Василия III. Не имея никаких директив от вышестоящих органов-инстанций, Епископ Георгий отказывается вести какие-либо переговоры по выработке плана объединенной подготовительной работы к Поместному Собору.

Дать расписку в получении предложения К.Е. У. и высказать свой взгляд по существу предложения Епископ Георгий отказался, говоря: «Свидетелями вручения мне Вашего письменного предложения являетесь Вы трое и наши присутствующие здесь отцы. Мнение мое остается при мне и я имею право его не высказывать [неразб.] те, которые признают меня — мне доверяют и, вот, о. Феодор подтвердит, что грамоты этой мы не получали. А как остальные Ваши отцы и миряне доверяют мне или нет — мне безразлично! Запрошу Архиепископа Назария, сообщу ему о Вашем предложении и он укажет, что делать, а пока ничего не может быть». В беседе участие принимали и присутствующие тихоновцы отцы, в частности о. Ленков, который заявил: «Если епископ Георгий будет решать совместно с Вами, т.е. обновленцами то мы отколемся от него». Ему было сделано возражение, что от Епископа дозволено отколоться только тогда, когда доказано будет, что Епископ еретик. На что Ленков ответил: «Значит, имеем право отколоться, если наш епископ объединится с обновленцами в подготовительной работе». Из слов его было определенно видно, что он обновленцев считает еретиками, на что ему было обращено внимание, тем более Васильеву, служившему в Марейской в соседях с Верх-Суерской с Ленковым, известна была работа этого раторборца за от... [неразб.] мутившего верующих Марейского района безблагодатностью и еретичеством обновленцев, и указано на неадекватность его выступлений по отношению к своему епископу... «отколемся от него». Ленков одно нашелся сказать: «простите Бога ради». О всем происшедшем решено записать в настоящий акт. Закрепить

подписями делегированных лиц и представить на благоусмотрение Епарх[иального] Управления. Подлинный подписали: Протоиерей Павел Целярский, Протоиерей Т. Буров, Прот [оиерей] А. Васильев.

С подлинным верно: Вр[еменно] и. д. секретаря, член Кург[анского] Епарх[иального] Упр[авления] И. Росляков.

Помета: В Административный отдел Курганского окрисполкома.

Настоящую копию акта Курганское епархиальное управление препровождает в Адм[о]тдел для сведения.

№ 229. Председатель КЕУ [Архиепископ Александр]

28/III 1928 г. Вр[еменно] и. д. секретаря К.Е. У. [И. Росляков]

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА⁶

// Л. 192

1931 года, ноября 4-го дня, я, Нач. 3 Отделения ПП ОГПУ по Уралу, допросил сего числа поименованного ниже гражданина в качестве обвиняемого, который показал:

Ленков Константин Александрович 43 лет, происходит из села Мехонского, 6/Шадринского уезда, 6/партийный, образование среднее, женат, семья из 8-ми человек — жена 33 л., сын 11 л., дочь 8-ми лет, сын 4 л., сын Александр 3 л., Георгий 1 года, мать 68 лет. В 1921 году судился за антисоветскую агитацию Ревтрибуналом, осужден был условно на 1 год. Отец занимался сельским хоз., после военной службы остался сверхсрочно и поступил в жандармское управление г. Томска старшим унтер-офицером, где работал с 1889 года по 1901 г., а потом по болезни со службы Ж. У. был уволен и до 1907 года работал продавцом в винной лавке в селе Бобылевском, 6/Тюменской губ.

Я первоначально учился в Тюменском реальном училище, которое окончил в 1909 году. С 1909 по 1911 г. был студентом Тюменского технологического института. В 1911 году, по случаю закрытия института был уволен из такового и поступил в гор. Тюмени в Сибирский Торговый банк конторщиком, где работал до июля 1912 года, в 1912 году перешел в Государственный банк, где был чиновником 1-го разряда. В сентябре 1915 года мобилизован на военную службу, первоначально находился в Тюменском 35 Запасном полку, а в мае 1916 года был направлен в Александровское военн. училище гор. Москва.

В октябре 1916 года воен. училище окончил и назначен прапорщиком в 193 запасной полк стоящий в гор. Москве.

⁶ Архив РУ ФСБ России по Тюменской области. Прекращенное уголовное дело № 7116. Т. 1.

С июня 1917 г. находился на фронте в 672 Яворском полку, где был начальником обоза 1-го разряда в чине подпоручика. В декабре 1917 года, по // (Л. 193) расформировании полка уволен в отпуск и прибыл в город Тюмень, где снова поступил в Государственный банк чиновником первого разряда. В февральской и октябрьской революциях участия не принимал, в феврале только нес караульную службу при полковнике Грузинове. А в Октябрьскую — был на фронте в Пинских болотах и наша часть против революционных частей в боях не участвовала. В июле 1918 года со службы в банке был мобилизован в Колчаковскую армию и назначен подпоручиком в 26 Тюменский полк, в котором находился в команде связи до декабря 1919 года. Отступая с полком до города Ачинска, заболел тифом и был взят в плен красными. Болел около 10-ти месяцев. По выздоровлении поступил в Ачинский отд. здравоохранения завхозом, затем переехал в Семипалатинск на Южно-Сибирскую дорогу счетоводом 1-го разряда. Счетоводом работал до сентября 1920 года. В сентябре 1920 года поступил на духовную службу и назначен Семипалатинским еписк. Киприяном в священники — в село Ново-Покровское в 35 верстах от гор. Семипалатинска, где находился до июля 1924 года. В 1921 году, будучи недоволен хлеб заготовками в своей проповеди высказал эти недовольства за что был привлечен к ответственности, судился Ревтребуналом, ввиду чистосердечного раскаяния приговорен на один год условно. В июле 1924 года переехал в Ялуторовскую епархию и еп. Серафимом был назначен в село В-Суерское — настоятелем. Причиной, побудившей меня переехать из Семипалатинской губернии в епархию Серафима Коровина было стремление переехать на родину. Епископ Серафим Коровин отнесся ко мне хорошо и узнав мое плохое материальное положение, назначил на более богатый приход, как В-Суерское. При Серафиме я был благочинным с 1926 года по день его ареста. После его ареста также был благочинным до января 1931 года. Последнее время входил в епархию епископа Иоанна Братолюбова.

// (Л. 194) В бытность в епархии Серафима Коровина, я с таким был все время в хороших отношениях. По церковным делам был у него ежегодно по 3–4 раза в год. Серафим, по приезде к нему всегда интересовался состоянием приходов. Спрашивал о том, каковая посещаемость приходов верующими, каковая доходность и проч. Интересовался он и политическим состоянием населения, т.е. как население относится к проводимым Соввластью мероприятиям, какие и чем высказывают недовольства. Я ему обо все докладывал, но от него никаких установок о том, что необходимо организовать вокруг церкви недовольные элементы — не получал. Он только говорил, что богослужением, проповедями и внебогослужебными собеседованиями

необходимо привлекать к церкви верующих и воспитывать в религиозном духе. О Соввласти он говорил, что ее нужно хвалить и не нужно ругать. После высылки еп. Серафима Коровина связи с ним я не терял. Переписывался и посылал ему помощь продуктовыми посылками, а иногда деньгами. При встрече с другими, ранее служившими в его епархии я передавал, что Серафим нуждается и просит оказывать ему посильную помощь. Записано с моих слов правильно и мне прочитано. ЛЕНКОВ

Допросил Нач. 3-го Отделения СПО: Костин.

Продолжение показаний попа ЛЕНКОВА Константина от 5/XI-31 г. который показал:

Еп. Серафим Коровин был епископом старого уклада, противником существующего строя. Он стоял на платформе собора 1917–1918 гг. Это хотя было видно из того, что с первых же шагов управления епархией он разослал распоряжение, чтобы на местах везде был принят устав /приходский/, выработанный собором 1917–1918 г. Как известно, этот собор стоял на платформе борьбы с Соввластью, // (Л. 195) т.е. принял решение о непризнании Соввласти и необходимости борьбы как таковой. Бывая у него, мне неоднократно приходилось от него слышать, что теперь для церкви мы переживаем тяжелое время. Для церкви нет свободного управления и вероисповедания, нам не разрешают открытие духовных школ, создание епархиальных управлений, много направлено в ссылку попов и ревнителей церкви, давят нас налогами прочее. Отсюда он говорил, что необходимо поднимать дух верующих, спланировать их вокруг церкви, путем произнесения проповедей, внебогослужебных бесед, создания хора певчих.

Далее им проводились следующие мероприятия:

1. Дабы иметь право законного управления общиной, епископ Серафим разослал письменное предложение зарегистрировать его во всех общинах викариатства.

2. Им разослано было распоряжение по благочинным об организации касс взаимопомощи для духовенства. При чем, для обсуждения был приложен примерный устав. Организация касс преследовала следующие цели — поддержка семей служителей культа, в случае смерти, ареста, ссылки и проч. Организация касс не встретила поддержки со стороны рядового духовенства и это мероприятие так и осталось неосуществленным.

3. Им было дано распоряжение о поминании покойного патриарха Тихона.

4. Организована была регулярная помощь находящемуся в ссылке в Хэ⁷ заместителю Патриаршего местоблюстителя Петру Крутицкому.

5. Разослал распоряжение требовать от верующих,

⁷ Хэ — поселок на берегу Обской губы.

вступающих во второбрачие и т.д., после развода исполнение одногодичной епитимии, которая заключалась в говении и в хождении в праздничные и воскресные богослужения. При чем, об епитимийцах требовал представления особой ведомости.

6. Далее не имея возможности готовить служителей культа // (Л. 196) через соответствующие школы, им предлагалось или вернее сказать рекомендовалось готовить служителей культа из мирян или псаломщиков.

В хороших, можно сказать близких отношениях еп. Серафим был с пермским еп. Иринархом. Когда последний был выслан, то он ему направлял регулярную помощь из средств, собранных на содержание Тюменского викариатства. Точно не помню, но кажется в 1928–1929 гг. летом еп. Серафим давал мне читать воззвание ленинградских епископов, в этом воззвании фигурировала фамилия и имя митроп. Иосифа /Ленинградского/. Сущность воззвания теперь не помню. При разговорах на эту тему епископ Серафим говорил, что ему было предложение присоединиться к ним, т.е. отколовшимся от Сергия епископам. Он колебался, наконец решил придерживаться пока митроп. Сергия. Епископ Серафим всегда интересовался политическим состоянием деревни, при поездках расспрашивал не только о том, как религиозные массы посещают церковь, и т.д., но и расспрашивал о том, какие мероприятия Соввластью проводятся на селе, как к ним относится население, какие выражаются недовольства. Ни в каких организациях а/с характера я не участвовал и епископ Серафим подобного рода организацию вступить мне не предлагал. Записано с моих слов правильно, мне прочитано. ЛЕНКОВ.

Добавляю, что епископ Серафим в беседах рекомендовал в проповедях и внебогослужебных собеседованиях внушать верующим необходимость защиты устоев Православной Церкви, путем объединения во круг ее верующих. Это я понимал так, что верующим необходимо постоянно разяснять, что без церкви жить нельзя, церковь необходима, что церковь нужно поддерживать. Эта установка епископа Серафима мною проводилась в жизнь, т.е. я проповедями старался привлекать верующих к церкви и в проповедях призывал таковых объеди- // (Л. 197) ниться вокруг церкви и вести борьбу с безбожием, путем примерного поведения и проч. Лично я никаких отдельных политических убеждений не имею, но считаю что Соввласть неправильно сделала отделив церковь от государства. Церковь и государство должны представлять одно целое. Отделением церкви от государства власть ослабляет свои силы, так как дух религиозности вытравить из масс нельзя. При такой враждебной политики власти к церкви неизбежны конфликты и осложнения, и церковь или должна сойти со сцены, как более слабая организация, или восторжествовать,

т.е. соединится с властью. Использование церкви, как орудие борьбы с Соввластью я отрицаю и таких установок мне еп. Серафим не давал. Политическую информацию о состоянии приходов, т.е. о недовольствах масс теми или иными мероприятиями Соввласти я не считаю вмешательством в государственные дела и противоречащей декрету об отделении церкви от государства. Записано правильно и мною прочитано. ЛЕНКОВ.

// (Л. 203)

АНКЕТА

арестованных и задержанных с зачислением за О.Г. П. У.

Лица, давшие неверные показания будут подвергнуты строгой ответственности.

Фамилия | Ленков

Имя и отчество | Константин Александрович

Гражданин какого государства | СССР, лишенный права голоса

Национальность | Великоросс

Место приписки (откуда происход.) | Губ. Пермской, уезд Шадринского, вол. Мехонской, село дер. Боровая

Возраст (год рождения) | 40 лет; родился в мае месяце 1891

Образование: а) грамотен ли | грамотен,

б) какую школу окончил | окончил Тюменское реальное уч.

Состав семьи | жена Ленкова Ольга Евграф. 33 [года], Место работы | домашнее хозяйство Место жительства (адрес) | с. Верх-Суерское, Марайск. р-на

Сын Сергей 10 [лет], дочь Евгения 8, сын Николай 4, Александр 3, Сергей 1, мать Марфа Яковл. 66, тесть Кузнецов Евграф Иванов. 75, священник, теща Марфа Михайл. 66 — домашнее хозяйство

Партийная принадлежность | Не состоял и не состою

Профессия | Священник

Род занятий и место службы на момент ареста | Священник при Верх-Суерском религиозном обществе Марайского р-на, Уральск. обл.

Стоял ли на государственной службе, в каком чине | Был помощником бухгалтера 1-го разр. в Тюменском отделении Гос. б-ка в чине губернского секретаря

Владел ли недвижимым имуществом | не владел

Если не служил и не работал, то на какие средства жил | Служил

// (Л. 203 об.)

Если служил или работал по найму укажите в хронологическом порядке | До сент. 1915 г. в Тюменск. отд. Гос. б-ка | пом. бухгалт. 1-го разр.

до декаб. 1917 | в Старой армии | младший офицер пехоты
до июня 1918 года | в Тюменск. отд. Гос. б-ка | пом. бухгалт.
1-го разр.

до дек. 1919 года | в армии Колчака | младший офицер
до сент. 1920 г. | в управлении Южно-Сиб. жд | счетоводом
1-го разр.

до ареста | в Семипалатинской епархии и в с. Верх-Суерском
| священник

Привлекался ли к ответственности по суду или в административном порядке | в 1921 г. Семипалат. Ревтрибуналом. При-
сужден условно

Отношение к воинской повинности | Офицер пехоты в чине
подпоручика.

Когда арестован | 1 ноября 1931 года

Кем арестован | по распор. ОГПУ

Где арестован | в с. Верх-Суерском, на квартире у себя

Когда и кем арестован | 1 ноября 1931 г. т. Ремезовым

Предъявлено ли обвинение | 13 ноября 1931 г. в участии в цер-
ковно-монархической организации

Место жительства перед арестом | Верх-Суерское Марай-
ского района

13 декабря 1931 г. Подпись заключенного Ленков (подпись)

// (Л. 243)

1931 года, ноября 11 дня. Я нач. 3-го Отд. СПО ПП ОГПУ
по Уралу — КОСТИН, допросил Ленкова Константина, который
ПОКАЗАЛ:

Политическая информация епископу Серафиму о настроениях
населения и об отношениях к проводимым кампаниям мною посы-
лалась раз в полгода письменно и об этом докладывалось устно
при каждом приезде. Я же сведения эти собирал через отчеты насто-
ятелей церквей. Об этом же мне выкладывалось в жалобах крестьян
при исполнении треб, на исповедях и проч. Кроме того, как прохо-
дит та или иная компания, был очевидцем и я сам. Для какой цели
эта информация нужна была епископу Серафиму я точно не знаю,
так же не знаю передавались ли епископом эти сведения куда либо
далее. Для привлечения верующих к церкви мною устраивались
внебогослужебные собеседования, т.е. после богослужения устра-
ивались беседы на религиозные темы. Такие же собеседования
как мне известно, устраивались и еп. Серафимом. Из благочин-
ных, которые были при епископе Серафиме, мне известны следу-
ющие: 1. Парфенов Николай, с. Погадаево, 2. Пономарев Петр —
с. Мостовское, 3. Козлов Зосима — с. Осиповское, 4. Покрышкин
Анатолий, с. Ермулинское, 5. Беляев Виктор — с. Мыс. Из них наи-
более близко я знаком с Парфеновым Николаем, на политические
темы с Парфеновым я разговора не имел, тем более о церковно-мо-
нархической организации, которая мне известна. Обнаруженные

при обыске в церкви Тобольские епархиальные ведомости, относя-
щиеся ко времени Колчаковщины — были в архиве церкви и мне
не принадлежали.

На вопрос имелись ли связи у еп. Серафима и лично у меня
с Омским и Петропавловским могу показать следующее:

Мне известно только одно, что в 1924–1925 гг. епископ Сера-
фим ездил в Омск на похороны омского епископа. Фамилию,
имя последнего не знаю. Мне лично в Омской епархии знакомы
иеромонахи // (Л. 244) Геннадий БАРИБЕНКО, ранее служил
в моем благочинии, а теперь где-то около Омска. В Петропавлов-
ской епархии знакомых не имею.

Будучи в Тюмени года два тому назад, я заехал к Антонине
Федоровне РАТОНОВОЙ и читал у нее письмо от еп. Ижев-
ского Синезия. В этом письме Синезий писал, что он отошел
от м. Сергия Страгородского и принял на себя крест страданий.
РАТОНОВОЙ он написал потому, что с ней знаком был ранее,
когда был иеромонахом в Тюменском монастыре. Какую цель
этим письмом преследовал Синезий, мне неизвестно, а так же
не знаю насколько это письмо получило распространение среди
церковных кругов Тюмени. В Тюмени родственников не имею.
Ранее там жили мои сестры и мать, а теперь сестры переехали
в Обдорск, а мать живет у меня. Повторяю, с епископом Серафи-
мом я был в хороших, и можно сказать в близких отношениях,
но об организации церковников, ставящей своей целью борьбу
с Соввластью мне ничего не было известно.

Записано правильно и прочитано.

Специальной политической информации никогда не требо-
валось и не предоставлялось⁸. ЛЕНКОВ.

// (Л. 259) В дополнение ко всем данным мною при допросах
показаниям, позволяю еще раз заявить, что все три предъявлен-
ных мне пункта обвинения: состояние в организации, ведение
работы среди населения и вербовка членов ни какими ни дан-
ными, не документами абсолютно не подтверждаются и под-
тверждены быть не могут, так как противником власти я не могу
быть принципиально, как нелицемерный служитель Бога. За все
время служения в Верх-Суерском приходе (7 лет и 3 месяца, с 14
августа 1924 г.) я всеми силами старался быть чуждым политики,
будучи в то же время исправным платильщиком всех налогов
и обложений. Предъявленное мне обвинение голословно. Ули-
чающих меня документов при следствии предъявлено не было.
Очной ставки с моими обвинителями не произведено.

Протестую против несправедливого обвинения и честным
словом свидетельствую, что от всякой контрреволюционной

⁸ Последняя строка дописана рукою К. Ленкова. В печатном варианте слово
«Специальной» заменено на «социальной», и в конце допечатано: «таковая предо-
ставлялась с информацией о церковных делах». — Прим. сост.

работы я чист, а потому смею надеяться на беспристрастное и справедливое ко мне отношение.

священник Константин Ленков.

13 ноября 1931 г.

Курган.

По требованию заявляю, что у меня есть знакомые в Семипалатинске: священник Виктор Климов, Священник Нестор Панин, там же живет сестра моя Павла Александровна Жильцова. В Омске и Петропавловске знакомых не имею. На хлопкострое был пом. бух. брат Анатолий Александрович Ленков, он предполагал переменить место службы и где он теперь не знаю.

Рукополагавший меня Семипалатинский епископ Киприян, слышал я, что был епископом во Владивостоке, где теперь — не имею сведений и переписки с ним не веду. В Тюмени, при (посещениях) приездах в нее из бывших сослуживцев — офицеров встречал бывшего офицера конной разведки прапорщика — // (Л. 260)/фамилии не помню/: встречал случайно на улице. Мимолетно попался однажды на глаза поручик ИЗБЫШ. С лицами этими переписки никогда никакой не вел.

Верно: Вр. Уполномоченного 3-го Отделения: Дурандин

// (Л. 262)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1931 года, ноября 13 дня. Я нач. 3-го Отделения СПО ПП ОГПУ по Уралу Костин, допросил сего числа священника Ленкова Константина, который показал:

Вопрос: Как понимать сказанные Вами слова 12.11 при допросах «Дайте мне документы или показания епископа Серафима, или очную ставку с ним и если в этих документах или показаниях будут действительно указания на организацию, то я даю Вам честное слово, что расскажу Вам все что мне известно об этой организации».

Ответ: эти слова были сказаны необдуманно. Ни о какой организации, возглавляемой Серафимом и ставящей своей целью борьбу с Соввластью — мне неизвестно.

Вопрос: Были ли у Вас какие либо разговоры с Парфеновым об организации еп. Серафима и близок ли Парфенов был к еп. Серафиму.

Ответ: Об организации ставящей своей целью борьбу с Соввластью с Парфеновым разговоров у меня не было. Парфенов был близок к еп. Серафиму так же как и я, если не более. Кроме Парфенова, близок к еп. Серафиму был благочинный Анатолий Покрышкин.

Ленков.

// (Л. 278)

1931 года, ноября 14-го дня, дополнительно допрошенный Ленков показал:

С Виноградовым Алексеем, протоиереем я встречался несколько раз. Нужно отметить, что Виноградов много стремился к тому, чтобы организовать духовенство, объединить его, но из его слов духовенство на это шло слабо. Так, например, он много занимался вопросами организации свечного завода, говоря, что если это мероприятие удастся провести, то епархиальному управлению будет существовать легче, но это мероприятие, т. е. организация завода, проведено не было. Привлечь к организации завода предлагали из Омска Копачинского и какого-то ялutorовского заводчика. Далее он, Виноградов, говорил, что надо сообща ставить вопрос об обучении детей, т. е. добиваться снижения платы за их право учения и беспрепятственный прием в школы и разрешили бы наем преподавателей для обучения детей служителей культа, частным образом.

Благочинного Виктора Беляева я встречал раза два у епископа Серафима. Беляев человек старого уклада, к сельским попам относится свысока. Дружбы с ним у меня не было. Священника Пятницкого Николая знаю. Он служил при Ялutorовском соборе, бывал у него раза два на квартире за получением бланков для записей рождения, крещения и прочее. Бердышев Петр служил в благочинии Парфенова. Мне приходилось бывать у него и служить совместно с ним. Священника Лепихина Константина так же знаю. У него был один раз проездом в Ялutorовск. Спрашивал рецепт жидкости для электрической машинки. Морозова встречал раз в Ильинской церкви города Тюмени. Со свящ. Яковом Карагузевым встречался у Парфенова Николая. Карагузев Парфенову родственник. Последнее время он проживал в селе Мокроусово. Наша последняя встреча с ним была в сентябре 1931 года. Исполнял он обя-// (Л. 279) занности псаломщика в Мокроусовской церкви. Со всеми этими лицами никаких разговоров на политическую тему у меня не было. Не было разговоров и о «Союзе Русского народа» и об организации «Союз Богоспасающий Россию».

В обнаруженной у меня книге при обыске имеется ряд выписок из разных церковных и окультных книг, в которых приводится мысль, что революция это есть явление антихриста. Эти выписки не являются моим мировоззрением. Меня интересует вопрос времени появления антихриста на земле и я занимался проработкой этого вопроса, изучая соответствующие книги и делая выписки. Лично я считаю что антихрист придет еще не скоро. Своими записями я ни с кем из населения не делился, а только спрашивал своих сослуживцев по религии не интересуются ли они этим вопросом, на что получал всегда шаблонный ответ: не наше время знать времена и сроки, который Бог положил в своей власти. Ленков.

Священнический наперсный крест
иерея Константина Ленкова.
Хранится у потомков о. Константина

// (Л. 281) Из числа Омского духовенства мне известен архимандрит Виталий. Последний рукоположен был в монахи Семипалатинским епископом Киприяном на несколько недель позже меня. В Семипалатинске Виталия я не встречал, а встретил его в гор. Омске в Ильинской церкви, когда переезжал из Семипалатинска в Ялуторовскую епархию. Я спрашивал у него адрес Омского епископа Алексея. Больше с ним не встречался и переписки не вел. В 1930 г. по инициативе Курганского городского духовенства, в частности по инициативе Маковеева ставился вопрос о выборе Виталия на Курганскую епархию. За подписью Константина Парфенова делали по этому вопросу запрос по благочинным. Я о Виталии дал положительный ответ как о человеке высокой христианской настроенности, т. е. как хорошего молитвенника. О политических его убеждениях мне ничего неизвестно. Насколько мне известно ходатайство его о назначении сюда епископом опоздало, т. к. митрополитом Сергием на Курганскую епархию уже был назначен Иоанн Братолюбов.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано. Ленков.
Допросил Н. Костин. 24.11.31.

// (Л. 282)

Из книги А. Сидонского «Антихрист», Ектрб. [Екатеринбург], 1919 г.

Касаясь тайны антихриста и кончины мира в беседе с одной монахиней из близких ему по духу монахинь Дивеевской обители прп. Серафим говорил: Вот, матушка, когда у нас в Дивееве будет Собор, тогда московский колокол Иван Великий сам к нам придет. Когда его повесят, да первый раз ударят в него и он загудит, тогда мы с вами проснемся. О, какая будет радость! среди лета запоят Пасху <...>

// (Л. 425)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

28 ноября, 1931 года. Я, сотрудник СПО 3-го Курганского Оперсектора ОГПУ Жуков, сего числа допросил Ленкова Константина, который показал:

За время служения благочинным в Ялуторовской епархии я бывал у епископа Серафима несколько раз, мое посещение его было вызвано исключительно служебными обстоятельствами, бывая у него по этим обстоятельствам я получал от последнего как благочинный — наставления, что-б выполнялась инструкция по богослужению, священники служили бы вечерни, читали бы проповеди, проводили бы собеседования с мирянами и этим увеличивали число верующих, как мне известно еп. Серафимом проводилось самим служение по праздничным дням, читались проповеди во время служения и проводились собеседования с мирянами, каких-либо интимных взаимоотношений

с епископом Серафимом у меня не было, бывая у епископа Серафима, последний в разговорах со мной интересовался вопросами материальной стороны духовенства, как проходит обложение, как выплачиваются налоги, какие обязательства взяла на себя община, какое имеется религиозное настроение населения. Как посещается храм, идет ли оно на убыль и причины этого. При этом еп. Серафимом, как благочинному давалось наставление, что посещающим церковь необходимо доказывать, что посещение ими церкви является необходимостью, заботиться об увеличении числа посещающих церковь, особенно проявить заботу об отступившихся от церкви и религии, стараться вернуть их обратно, особенно молодежь, стараться воздействовать на них через родителей, посещающих церковь и их родственников. При последующих моих посещениях епископ мною информировался, т. к. он меня спрашивал — как идет выполнение его наставлений, одно- // (Л. 426) временно просил информацию, какое отношение со стороны населения к тому или иному проводимому мероприятию со стороны Советской власти, как распространяется заем, самообложение и какое в связи с этим распространением и проведением настроение населения. Имели место разговоры о закрытии церквей, аресте священников по тем или иным причинам, и епископ Серафим приходил к выводу о том, что все гонения на религию имеются, и этим самым он был недоволен, т. к. говорил, что при существующем строе до Соввласти церкви не закрывались, а наоборот — строились и вновь открывались. При этом епископ указывал, что не только наша Православная церковь, но и вся наша страна проживает тяжелое время, нам не дают свободно организовываться, не дают свободного управления епархиями, дети служителей церкви не принимаются в школы для учения и делал выводы, что все это вызвано враждебным отношением Советской власти к церкви и религии, этим самым она ослабляет себя, и если соввласть не изменит своего отношения к церкви и религии, то рано или поздно должна будет уступить место другому строю.

Для улучшения имеющегося положения священников епископом Серафимом был разослан указ с приложением примерного устава братских касс взаимопомощи, устав предлагалось обсудить на благочинных собраниях для организации касс. Касса имела своей целью помощь больным священникам, заключенным священникам, вдовствующей семье, ссыльным и их семьям, в моем благочинии касса не была организована, как не встретившая сочувствия у членов причта, была ли организована в наших благочиниях, я не знаю.

Прочитано мною, записано верно: Ленков.

Дополняя свое показание от 28.11.1931 года, могу показать // (Л. 427) следующее:

Между мной и епископом были взаимоотношения хорошие и сердечные, бывали моменты и близкого расположения епископа Серафима ко мне, иногда с приглашением к столу, разговоры у меня с ним помимо указанных мною имели место и следующие.

Епископом Серафимом указывалось на необходимость создания вокруг церкви ядра истинно-верующих, опять-таки путем торжественного богослужения, пения, проповедей и внебогослужебного собеседования с мирянами, эта установка мною выполнялась и внебогослужебные собеседования проводились до апреля 1930 года. Епископом Серафимом обращалось мое внимание как благочинного, дабы я, в свою очередь обратил внимание священников своего благочиния на отступившихся от религии, стараясь вернуть их обратно к церкви, путем влияния через родственников верующих и родителей на молодежь, в том числе на членов партии, комсомольцев, возвращение их обратно к церкви, с раскаянием в своих грехах и с выходом из партии и комсомола. Церковный совет создавать из людей, любящих и ревнующих церковь, члены церковного совета, помимо выполняемых обязанностей должны заботиться о просветительном и нравственном состоянии посещающих церковь.

Протокол зачитан, записано верно. Ленков.

// Л. 2

10 марта 1932 г.

**ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ПО ДЕЛУ № 8654 ПОПОВСКО-КУЛАЦКОЙ
К-Р ПОВСТАНЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«СОЮЗ СПАСЕНИЯ РОССИИ»⁹**

<...> // (Л. 7) Платформа организации, задача и практика.

<...> // (Л. 13) <...> по словам члена организации благочинного Ленкова Константина:

«Современные быстрые темпы жизни и работы объясняются тем, что дьявол зная из пророчества, что не много ему остается времени, торопит людей, чтобы через них завершить работу разрушения <...> пора проснуться от влияния новых губительных веяний. Горе нам, если мы не проснемся. Нам более, чем кому либо, грешно не понимать значение времени. Нужно будить веру и дремлющих православных».

И далее говоря о том, что слова Серафима Саровского в этом отношении сбылись, он говорит:

«Мы видим, что царствие антихристово сейчас наступило и что Соввласть есть власть антихриста, ведущая гонение на церковь.» /Л. д. 292–3, том 1, и 150, том 3/¹⁰.

⁹ Архив РУ ФСБ России по Тюменской области. Прекращенное уголовное дело № 7116. Т. 5.

¹⁰ Цитаты сфабрикованы следователем на основе компилятивного труда А. Сидонского «Антихрист» (Екатеринбург, 1919), обнаруженного у о. Константина Ленкова. — Прим. сост.

<...>

// (Л. 33) Контр-революционная работа организации в деревне.

В своей к-р деятельности в деревне организация «Союз Спасения России» делала ставку на кулачество. Религиозная форма, в которую была облечена к-р платформа организации и те установки, под которыми эта платформа проводилась в жизнь привлекала к организации наиболее фанатичных крестьян из числа верующих, проводя через них мероприятия по срыву хозяйственно-политических мероприятий, проводимых соввластью и партией в деревне.

Антиколхозный и повстанческий характер деятельности организации давал возможность роста за счет кулацко-белобандитских элементов и подкулачников.

Руководители организации епископ Серафим Коровин и еп. Иоанн Братолюбов тщательно следили за настроениями деревни через благочинных, а также от приезжающих к ним по тем или иным вопросам попов, требуя политической информации о на- // (Л. 33) строениях населения. Член организации благочинный Ленков Константин показывает:

«Епископ Серафим при приезде к нему интересовался политическим состоянием приходов, т.е. как относится население к проводимым Соввластью мероприятиям, какие имеются недовольства и прочее. Я ему обо все докладывал и давал кроме того политическую информацию о настроениях крестьян письменно /Л. д. 194 и 243, том 1/<...>

// (Л. 47) На основании всего вышеизложенного, перечисленные ниже руководители и участники организации «Союз Спасения России» привлечены к ответственности по 58–11 ст. УК — обвиняются в следующем:

<...> // (Л. 52) 8. Ленков Константин Алексеевич, 43 лет, женат, из семьи жандарма гор. Тюмени/место приписки с. Мехонское, 6/Шадринского уезда, Уральской области/, б. студент 1-го курса Тюменского технологического института, до 1916 года чиновник 1-го разряда, в 1916 г. окончил Александровское военное училище, в старой армии служил в чине подпоручика, с июня 1918 г. по 1920 г. — в армии Колчака — подпоручик, с 1921 г. служитель культа — настоятель В.-Суерской церкви и благочинный, в 1921 году судился ревтрибуналом за а/с проповеди, в том что:

// (Л. 53) 1. Руководил районным филиалом организации «Союз Спасения России» по 7-му благочинию и наиболее близким к-р деятельности к руководит. организации еп. Серафиму.

2. Представлял руководителю организации еп. Серафиму политические обзоры об а/с настроенных крестьян по своему району и принимал активное участие по организации «братских касс», для помощи политическим и находящимся в изоляторах тюрьмах духовенству и ревнителям Православия.

3. Получал к-р нелегальные воззвания митр. Иосифа Петровых и др.

Виновным себя признал по пункту 2-му и 3-му, в остальном изобличается показаниями еп. Серафима.

<...>

// (Л. 70) Выписка из протокола заседания коллегии ОГПУ (судебное) от 14 мая 1932 г.

Дело № 123102 по обв. гр. Братолюбова Ивана Васильевича, Хлынова Владимира Александровича и др. в числе 11 человек по 58-11 ст. УК /Дело рассм. в пор. пост. През. ЦИК СССР от 9/6–27 г./

<...> 6. Ленкова Константина Александровича <...> заключить в концлагерь, сроком на пять лет, считая срок: <...> Ленкову с 1/XI-31 г. <...>

// (Л. 169)

ПОВТОРНЫЙ ДОПРОС¹¹

Допрос обвиняемого Ленкова Константина Александров [так в тексте] 7 сентября 1937 г.

Вопрос: на предыдущих допросах Вы не дали откровенных показаний о своем участии в к-р организации. Следствие имеет неопровержимые доказательства, устанавливающие вашу принадлежность к таковой. Намерены-ли Вы дальше запертаться.

Ответ: Я решил прекратить запертаться и буду показывать правду. Я действительно являюсь членом к-р организации, возглавляемой священником Кондаковым.

Вопрос: Когда и как возникла Ваша к-р организация?

Ответ: В 1931 году за к-р работу я был приговорен Коллегией ОГПУ к 5 годам к/лагерей. Вернувшись из концлагеря в июне 1936 года я устроился священником в с. Суерском Мостовского района Челябинской области. Работая священником в селе Суерском, в Суерской церкви, находясь в тяжелых материальных условиях // (Л. 169 об.) у меня сложилось убеждение что Советская власть для духовенства ничего не делает и тех привилегий, которыми духовенство пользовалось раньше, мы не получим.

Кроме того, сталкиваясь с отдельными кулацкими бандитами репрессированными и ущемленными сов. властью, я видел что к существующему строю они относятся враждебно и я решил развернуть активную к-р работу сосредотачивая вокруг себя враждебно настроенные элементы и группируя их в к-р группы.

Вопрос: Кто вовлечен Вами в группу?

Ответ: Будучи священником в с. В-Суерском, я установил связь со священником Упоровского района Поползухиным Иваном, проживающим в дер. Бердюгина, Пономаревым Александром, проживающим в селе Суерском и священником Чуклиным

Григорием, деревни [неразб.] Ново-Заимского района. Встречаясь с Поползухиным, // (Л. 170) Пономаревым и Чуклиным я выяснил, что они к Советской власти настроены также враждебно, после чего я им высказал свои к-р взгляды к существующему строю, они со мной согласились и мы договорились о необходимости развертывания к-р работы, главным образом среди кулачества и б/бандитов.

Пономарев мной был завербован в ноябре месяце 1936 года на его квартире когда я приезжал к нему в село Суерку.

Поползухин и Чуклин мною были завербованы в декабре 1936 года когда мы собирались на квартире Поползухина.

Вопрос: Какие установки Вами давались при вербовке в к-р группу?

Ответ: При вербовке мною как Поползухина, Пономарева и Чуклина в к-р организацию я давал установки по сколачиванию к-р кадров вокруг церкви путем проводимой повседневной к-р агитации, распространения ложных слухов о скорой гибели соввласти и подрыва // (Л. 170 об.) у населения доверия к существующему строю.

Вопрос: И это проводилось практически?

Ответ: Да. Поползухин, Пономарев и Чуклин мне говорили что они данные мною установки проводят в жизнь и Поползухин и Пономарев уже создали группу до 20 человек и Чуклин также создал к-р группу в 10 человек, причем они [неразб.] к-р работу в этом направлении они [так в тексте] продолжают.

Вопрос: назовите членов к-р групп [созданных] Поползухиным, Пономаревым и Чуклиным?

Ответ: Членов к-р группы не знаю, Поползухин, Пономарев и Чуклин мне их не называли и я не настаивал, имея в виду в ближайшее время с их работой ознакомиться глубже.

Вопрос: Дайте показания о Вашей деятельности в Мостовском районе.

Ответ: в Мостовском районе я развернуть [неразб.], но попытки к этому [были] к-р работа мною не была развернута потому, что // (Л. 171) местные власти хорошо знали по прошлой к-р деятельности и боясь провала я решил на месте к-р работы не проводить, к тому же в В-Суерке жил немного и вскоре уехал в город Тюмень.

Вопрос: С кем Вы были связаны по к-р работе и от кого Вы получали указания?

Ответ: Как я уже указал выше в к-р организацию меня завербовал священник Кондаков от которого и получил указания по к-р работе. С Кондаковым я познакомился в церкви 1937 г.

При первом же знакомстве на его квартире Кондаков начал высказывать обиду на Советскую Власть, жалуюсь на тяжелое материальное положение. Рассказал мне о том, что он за к-р деятельность был сужден. Я в свою очередь так же рассказал

¹¹ Архив РУ ФСБ России по Тюменской области. Прекращенное архивное уголовное дело № 2099. Т. 2. Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

Кондакову о том, что я отбыл в к/лагере за к-р работу и сейчас живу плохо. Убедившись в том, что Кондаков // (Л. 171 об.) к Советской власти настроен враждебно, я ему сообщил, что духовенство деревни, будучи лишено сколько-нибудь сносного существования к Соввласти настроено также враждебно, указав конкретно на завербованных мною священников Поползухина, Чуклина и Пономарева, которые уже имеют созданные к-р группы и назвал количество входящих в эти группы людей. Выслушав меня Кондаков сказал, что в гор. Тюмени существует к-р организация духовенства, поставившая своей задачей свержение советской власти, и что в эту организацию входит духовенство гор. Тюмени и пригласил меня, на что я согласился.

Одновременно Кондаков высказал мысль о том, что имеющиеся к-р формирование деревни должны быть подвержены влиянию и руководству городской организации, которую возглавляет он Кондаков. Предложил мне взять на себя руководство созданными деревенскими организациями // (Л. 172) и высказал необходимость развертывания активной работы на деревни по скалчиванию к-р кадров, главным образом среди кулацко-бандитского элемента и активно верующих, при этом упомянул, что к этому сейчас имеются все возможности. С доводами Кондакова я полностью согласился и таким образом я вошел в состав руководства к-р организации духовенства с задачей развертывания к-р работы в деревни.

Вопрос: Назовите членов к-р организации духовенства в Тюмени?

Ответ: Через Кондакова мне известно что членов к-р организации в г. Тюмени насчитывается до 40–45 человек, из информаций Кондакова, а также из личного знакомства в дальнейшей работе мне известно что членами к-р организации являлись: Красноцветов, Сажин, Петухова, Носырева, Алексеев, Турунов, Татищев, Ребрин, Румянцев и другие.

// (Л. 172 об.) Вопрос: Кто Вами вовлечен в к-р группу в городе Тюмени?

Ответ: Мною лично в к-р группу по заданию Кондакова были завербованы в к-р организацию священник Красноцветов Михаил Григорьевич, с которым я в мести служил в церкви, где мы встречались тайно.

Зная его, как непримиримого врага, недавно вернувшись из к/лагерей, я ему предложил вступить членом группы, на что он дал согласие, и в свою очередь развернул вербовку в члены к-р группы. Из дальнейших встреч узнал что им завербован в члены к-р группы Лисицин монах, недавно отбывший лагер.

Вопрос: Продолжайте Ваши показания о вербовки.

Ответ: Больше я лично никого не вербовал.

Вопрос: Кем вовлечена в к-р группу Петухова Анна Степановна.

Ответ: Да, признаю, что мною завербована в к-р группу Петухова Анна Степановна, у которой я жил на квартире.

Вопрос: Какая работа проводилась Вами по расширению состава к-р организации?

Ответ: Вопрос о вовлечении новых членов в к-р организацию, главным образом, из среды духовенства между мной и Кондаковым обсуждался неоднократно. Нами была поставлена задача объединить разрозненные к-р группы. Особенно этот вопрос усиленно нами обсуждался с мая 1937 года.

Вопрос: Чем это вызывалось?

Ответ: Это вызывалось во-первых тем, что были арестованы протоиерей Рождаев, епископ Артемий Ильинский. Мы признавали, что это могло вызвать боязнь, смятение в рядах еще не совсем твердых священников. Во-вторых к этому периоду наша к-р организация тесно связалась через меня и Кондакова с офицерской, повстан- // (Л. 173 об.) ческой к-р организацией ориентируя офицера [неразб.]цева, имеющего связи с [неразб.] Вопрос интервенции со стороны Японии и Германии стоял на очередных дня в ближайшее время, что нами было принято как сигнал к [неразб.] объединения всех разрозненных к-р групп.

Вопрос: Что Вами практически проведено?

Ответ: Как мной указано выше, в Упоровском районе и Н-Зимском районе были завербованы священники Поползухин, Чуклин, Пономарев, с которыми я систематически поддерживал связь. Особенно с Поползухиным, который приезжал ко мне в город в середине апреля 1937 г.

Мне известно от Кондакова, что им завербованы в к-р организацию следующие священники:

Нижняя Тавда — Князев

Велижаны — Мал[неразб.]

Ялutorовск — Жуковский

которые возглавляют к-р группы в районах.

Числа 29/VI 1937 года // (Л. 174) на квартире Кондакова он мне сообщил, что вчера к нему из гор. Ялutorовска приехал священник Жуковский, который сообщил, что им установленные связи со священником Ушаковым Омутинский район и священником фамилию не запомнил из Юргинского района, что ими созданы крупные к-р организации и идет усиленная работа по вовлечению новых членов. Передавая о Жуковском — Кондаков мне сказал, что это очень энергичный и инициативный человек, им, т. е. Жуковским, на Спасов день назначен сбор в Ялutorовском, где он соберет всех окружающих священников.

Вопрос: Что Вы знаете о личном составе к-р групп в районах?

Ответ: Кроме тех, кого я завербовал лично, мне известны были только руководители названных мною в предыдущем ответе мною в районах. Весь личный состав я не знаю,

но ориентировочно знаю, что в состав членов к-р // (Л. 174 об) организации с районными группами не считая офицерства 150–200 человек.

Также мне припоминается, что Кондаков разбирая со мной определенные к-р группы называл фамилии священников: Пономарский, [неразб.], Соловьев, Велижанцев, Лебедев Н-Заимка, Разу[неразб.] Юрга.

Вопрос: Расскажите о принципах деятельности Вашей к-р организации?

Ответ: Исходя из основной задачи свержения Советской власти, к-р организация главное внимание сосредоточила на вовлечении новых членов в к-р организации. В связи с чем Жуковым, Татищевым и членами к-р организации была развернута активная работа по вербовке новых членов, мной указано выше.

Кроме этого практическая деятельность по заданию Кондакова шла по линии развертывания к-р агитации, направленной против проводимых мероприятий партии и советского правительства. Кондаков использовал всевозможные сборы духовенства, где спланировал их на борьбу с Советской властью, подготавливал кандидатуру от духовенства для выборов в Верховный Совет СССР.

Вопрос: Из кого состояло руководство Вашей к-р группы?

Ответ: До ареста священника Рождаева и до связи с офицерской к-р организацией в руководящий состав входили: Кондаков Лев — основной вдохновитель, руководитель к-р организации, Рождаев Федор и я Ленков Константин.

Вопрос: Вы указали, что руководство Вашей к-р группы имело связь и контакт по к-р работе с к-р офицерской организацией. Расскажите как когда это произошло?

Ответ: Весной 1937 года ко мне на квартиру зашел б/б офицер Кайдалов Павел, с которым я знаком с детства. // (Л. 175 об.) Ведя разговор на политические темы Кайдалов рассказал мне о существовании к-р организации среди б/б офицерства, высказал при этом мысль о необходимости организованных действий против сов. власти всех обиженных людей, а также и духовенства. Я в свою очередь также рассказал о существовании к-р группы среди духовенства, возглавляемой Кондаковым и Рождаевым.

При обмене мнениями о составе к-р организации Кайдалов рассказал, что недавно встретил б/б поручика б/б армии Иноземцева, который высказал желание познакомиться с Кондаковым. На это Кайдалов заявил, что Иноземцев является одним из руководителей к-р организации среди б/б офицерства. Знакомство с Кондаковым [неразб.] только приветствует, тут же предложил свою квартиру для встречи Кондакова с Иноземцевым.

В мае 1937 г. // (Л. 176) в квартиру Кондакова собрались Иноземцев, Кондаков и я Ленков, где Иноземцев, выяснив состав к-р организации духовенства предложил иметь тесную связь и

контакт в к-р работе на что Кондаков дал полное согласие.

Показания записаны в протокол с моих слов верно, мною прочитаны. Ленков (подпись).

// (Л. 388)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Тройки УНКВД Омской области от 10.10.1937 г. о расстреле

<...> Ленков Константин Александрович. <...>

Приведено в исполнение 12 октября 1937 г.

// (Л. 530)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

президиума тюменского областного суда

Гор. Тюмень

9 февраля

Президиум Областного суда в составе:

председательствующего БОНДАРЕНКО

Членов Президиума Балакириной, Ядрышниковой, Пестова и Воронцовой

с участием областного прокурора Рытикова, по докладу члена Президиума ПЕСТОВА, рассмотрел дело по протесту областного Прокурора на решение тройки УНКВД Омской области от 10 октября 1937 г. которым по ст. ст. 58–10 и 58–11 УК РСФСР подвергнуты высшей мере наказания — расстрелу: <...>

16. ЛЕНЬКОВ Константин Александрович 1891 года рождения, уроженец гор. Томска, русский, беспартийный, со средним образованием, из крестьян-средняков, до ареста проживал в гор. Тюмени, служил псаломщиком кладбищенской церкви <...>

// (Л. 531) Президиум установил:

Вышеуказанные лица признаны виновными в том, что, являясь участниками контрреволюционной организации, производили нелегальные собрания, на которых занимались антисоветскими высказываниями.

Руководителями контрреволюционной организации являлись обвиняемые КОНДАКОВ Л. Я. и ЛЕНЬКОВ К. А. и ими же были созданы контрреволюционные группы в селах: Велижаны, Упорово, Новая Заимка, Нижняя Тавда, в гор. Ялуторовске, Юргинском и Омутнинском районах.

// (Л. 533) В задачу к/р организации входило собирание антисоветских сил для вредительства, диверсии и восстания в период объявления войны Советскому Союзу со стороны капиталистических государств.

Повседневно проводили антисоветскую агитацию в направлении дискредитации идей колхозного строительства и проводилась к/р деятельность по развалу колхозов.

Прокурор области с решением тройки не согласен, внес в Президиум Областного Суда протест, в котором ставит вопрос

Мемориальный знак в г. Тюмени, установленный на месте здания НКВД, где, предположительно, был расстрелян о. Константин Ленков. Фотография 2015 г.

об отмене решения тройки УНКВД и прекращении дела производством по следующим основаниям:

Признательные показания, допрошенных в 1937 году обвиняемых КОНДАКОВА, МИРТОВА, КРЕКОВА, ЛЕНЬКОВА, САЖИНА и других о существовании названной к/р организации, о том, что они являлись ее участниками и вовлекли в нее других обвиняемых по этому делу в своей правдоподобности вызывают сомнение и ввиду этого служить доказательством не могут.

Показания названных обвиняемых носят общий, неконкретный характер, их показания в части вербовки новых членов являются между собой противоречивыми и неправдоподобными.

Для установления истинного положения очные ставки между обвиняемыми проведены не были, их признательные показания остались не проверены.

Допрошенный в 1937 году обвиняемый КОНДАКОВ признал себя виновным, дал такие показания, что руководителями контрреволюционной группы в гор. Тюмени был он — Кондаков и священник РОДЖАЕВ [Рождаев], а после ареста РОДЖАЕВА, обвиняемый ЛЕНЬКОВ. Летом 1937 года обвиняемый ЛЕНЬКОВ познакомил обвиняемого Кондакова в квартире Кайдалова с бывшим белым офицером Иноземцевым, который сообщил ему о том, что является руководителем контрреволюционной белогвардейской организации и предложил Кондакову проводить контрреволюционную работу совместно. С этого времени, показал обвиняемый Кондаков, у них образовалось руководящее ядро в лице Иноземцева, Кондакова, Ленкова и Кайдалова.

Решение тройки УНКВД Омской области по делу Иноземцева постановлением Президиума Тюменского областного суда от 12 января 1956 года по протесту Прокурора Тюменской области отменено и дело производством прекращено.

Решение тройки УНКВД Омской области по делу Кайдалова и других в числе 46 человек постановлением президиума Тюменского областного суда от 13 октября 1956 года по протесту прокурора Тюменской области, также отменено и дело производством прекращено.

// (Л. 536) Очные ставки свидетелей с обвиняемыми для выяснения действительного положения не проводились и взаимоотношения между ними не проверялись.

Установленные и снова допрошенные во время проверки по делу в декабре месяце 1956 года Моор А. М., Тошаев Ф. Т., Ефанов С. И., Васильева К. Ф., Кучева Е. А. и Булатова А. К. фактов антисоветской агитации, проводимой обвиняемым Кондаковым Л. Я. и другими обвиняемыми не привели.

Анализ материалов следствия и произведенной проверки по делу показывает, что привлечение к уголовной ответственности обвиняемых и затем их осуждение являются необоснованными.

Соглашаясь с мотивами и доводами протеста областного прокурора и руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года, Президиум

ПОСТАНОВИЛ:

Решение тройки УНКВД по Омской области от 10 октября 1937 года по делу <...> // (Л. 537) Ленкова Константина Александровича <...> отменить и дело в уголовном порядке прекратить за отсутствием состава преступления.

Председатель президиума Тюменского областного суда — Г. Бондаренко

Член президиума облсуда Пестов (подпись)

ПИСЬМО

ОТ МАТЕРИ ИЕРЕЯ КОНСТАНТИНА ЛЕНКОВА
ЛЕНКОВОЙ МАРФЫ ЯКОВЛЕВНЫ

Блаженнейшему Патриарху Московскому
и всея Руси Владыке Сергию

от матери иерея Константина Ленкова
Ленковой Марфы Яковлевны,
прожив. в г. Свердловске, в д. № 37, кв. 6
по ул. Народной Воли.

Прошение.

Блаженнейший Владыка Сергей! Обращаюсь к вам с всепокорнейшей просьбой помочь мне в розыске моего сына иерея Константина Ленкова, служившего в храме Всех Святых в гор. Тюмени Омской области до 22-го июня 1937-го года (ст. ст.), когда он был арестован по обвинению в преступлении, предусмотренном 58-ой статьей У.К. СССР. В местной газете была напечатана статья о том, что якобы тюменские «попы» намеревались взорвать электростанцию. В один и тот же день все священники Тюмени были арестованы. Я ни на одну минуту не допускаю мысли, чтобы мой сын хоть раз помыслил бы такую нелепость, т.к. сам он был человеком культурным и высоко ценил всякое культурное достижение современности. Обвинение конечно было клеветническое. С тех пор я много хлопотала, старалась узнать о судьбе своего любимого сына, но тщетно, и только однажды, в июле 1938-го года, начальник тюменской тюрьмы сказал мне, что Ленков Константин Александрович в январе 1938-го года отправлен в распоряжение Владивостока без права переписки. На мой вопрос оттуда ответили, что «такого заключенного у нас нет и не было».

Умоляю Вас, Блаженнейший Владыка, помочь мне получить сведения о том, жив или нет мой сын, чтобы я знала, как о нем молиться.

Не подумайте, что я, как мать, пристрастно характеризую его Вам, но я совершенно объективно заверяю Вас, что это человек редчайшей души. Глубокая вера, бескорыстное служение престолу Всевышнего и способность побудить молящихся к умиленной горячей молитве делали его любимым пастырем прихожан. Присутствуя на его служении, слушая проникновенные его проповеди, невозможно было удержаться от слез, горячих слез раскаяния или восторга. С детства он был глубоко верующим; в юности, по окончании реального училища, работал по счетной части в банке, но всегда стремился к служению в храме, осуществить же это стремление не мог, т. к. воспитывал и давал образование своим рано осиротевшим братьям и сестрам, а женившись, уже не смог бы в достаточной мере помогать семье матери. Только в 1920 г., не взирая на то, что предвидел все неприятности и гонения, связанные со званием служителя Бога, он принял все же это звание и обрек себя на тернистую стезю.

К существующей власти он всегда был лоялен и принцип «всяка душа властем предрержащем да повинуется» т.к. «нести бо власть, аще не от Бога» — был у него руководящим. Будучи сам человеком культурным, он не только не заслуживал названия «мракобес», но наоборот старался просветить невежественных людей и своих детей воспитал на принципах общественно полезного труда (дочь его работает теперь заведующей семилетней школой, а сын сражается в рядах Красной Армии за свободу Отечества).

Еще и еще раз умоляю вас, Блаженнейший Владыка, помочь мне в моем глубоком горе, гнетущем меня уже в течение 6-ти лет.

Верю, что вы, как добрый пастырь, пекущийся о каждой овце своего стада, заинтересуетесь судьбой не только моего сына, но и всех, иже с ним, и окажете им посильную помощь.

Прошу Вашего благословения и прощения за причиненное
вам беспокойство, смиренная раба Ваша Ленкова Марфа.

24-го сентября 1943-го года.

[illegible]

*Письмо Ленковой Марфы Яковлевны Патриарху Московскому
и всея Руси Сергию*

Иеросхимонах Ермоген (Величутин) (1895–1995)

История возрождения в конце XX века Свято-Успенского Далматовского мужского монастыря пока еще насчитывает не очень много лет. Но любое святое дело привлекает к себе неординарных людей, ярко и щедро наделенных дарами Святого Духа — так уж идет из глубины веков. Старинная обитель еще не восстановилась во всей своей былой славе и красоте, но уже имеет собственный круг имен-легенд, имен-«магнитов», чья духовная сила притягивает к себе все новых и новых сторонников. Таким был иеросхимонах Ермоген (в миру — Григорий Андреевич Величутин, в монашестве — Герман). Редкая, удивительная судьба была у этого человека. Он прожил на свете почти сто лет. Сведений о его жизни, к сожалению, сохранилось немного: схимонах — фигура не публичная, в его жизни очень мало событий, основное содержание ее — внутреннее, духовное, скрытое от людских глаз. Поэтому сейчас для установления подлинных фактов приходится проводить полноценное историческое исследование, хотя после смерти о. Ермогена прошло всего 20 лет и еще живы свидетели, которым выпала честь его знать. Но источников осталось до обидного мало. Единственное радиointerview с о. Ермогеном было записано в начале 1990-х, когда ему было уже 96 лет. Остались устные воспоминания его племянницы, в семье которой он провел последние годы, а также его духовных чад — прежде всего ныне уже почившего схиигумена Серафима (Стрельникова) и схиигумении Серафимы (Альховской), а также тех верующих, кто общался с этим человеком.

Григорий Величутин родился в д. Камаган (сейчас Юргамышского района Курганской области) 15 августа 1895 г. Известно, что у него было двое братьев и три сестры. Петр впоследствии стал директором завода в Орловской области, а во время Великой Отечественной войны командиром партизанского отряда; его расстреляли немцы. Константин, самый младший в семье,

Очерк написан по материалам газетных статей: Варнава (Аверьянов), игум. Возрождение Далматовского монастыря в воспоминаниях участников и очевидцев. Замечательные люди. Иеросхимонах Ермоген (Величутин) // Православная газета. Курган. 2007. № 11 (ноябрь). С. 10 ; Иванова Л. Три имени монаха // Курган и курганцы. 1991. 20 дек.

На стр. 88:
Вид Глинской
пустыни.
Дореволюционная
фотография

работал в Юргамышском районе в прокуратуре. Он тоже погиб в Отечественную войну на фронте. Братья были членами партии. Сестер звали Феодора, Мария и Анна. Мария потом жила в Кургане, и о. Ермоген в старости переехал жить к ней.

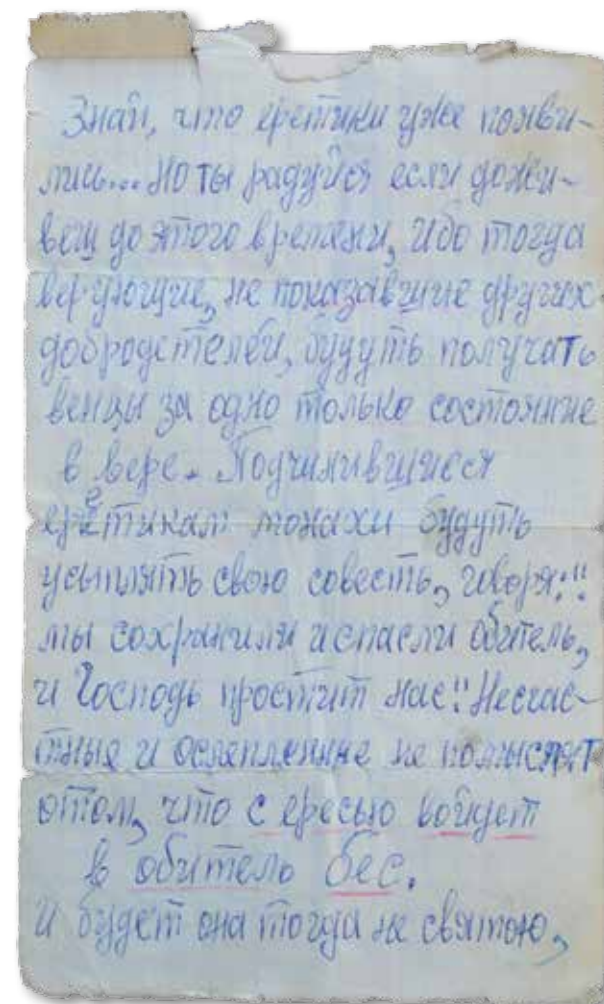
По-видимому, Григорий рано осиротел. Семья, жившая в Юргамыше, потеряла кормильца — пропал без вести отец, воевавший с турками. В те времена детей-сирот — хотя бы одного из нескольких братьев и сестер — старались отдать на воспитание в монастырь. В ближних обителях свободных мест не было, и пятилетнего Григория увезли в Глинскую пустынь близ Харькова. Монашество он принял рано. По свидетельству схиигумена Серафима (Стрельникова), в 18 лет Григорий был пострижен в мантию, а в 27 лет — в схиму. Хотя сам о. Ермоген говорил, что до Революции несовершеннолетних в монашество не постригали: до 22 лет сироту воспитывали при монастыре, а затем он сам выбирал, оставаться ли им там или идти в мир. Можно допустить, таким образом, что и Григорий до 22 лет был лишь послушником. В монашестве он принял имя Герман (Ермоген — это его третье имя, принятое при пострижении в схиму). Есть предположение, что постригал его сам Святейший Патриарх Тихон или кто-то из архиереев. «Тихон Задонский» — говорил он сам.

Глинская пустынь устояла во время страшного голода на Украине. Братия образцово вела монастырское хозяйство, сдавали государству все молоко и почти весь хлеб и овощи, оставляя себе на пропитание самую малость. А вот чудовищные гонения на Русскую Православную Церковь не обошли стороной древнюю обитель. В тот день, когда пришли арестовывать братию, у о. Ермогена было послушание пасти монастырское стадо. Вернувшись в монастырь, он был удивлен тем, что ворота, всегда обычно закрывавшиеся, распахнуты настежь. И тут же получил удар плетью от конного красноармейца так, что потекла кровь. «А я даже не заплакал», — вспоминал в простоте сердца, будучи уже глубоким старцем, отец Ермоген. Удивился и красноармеец, услышав в ответ: «А чего же плакать, если бьют за Христа?» В тот раз стойкость духа спасла монаха от ареста. Но вечером он вернулся в разоренный монастырь. Куда ему еще было идти, ведь монахи жили очень замкнутой жизнью и не знали даже монастырских окрестностей. Утром он попал под новую облаву и теперь уже был арестован и получил свой первый срок. А в 1937 году он был осужден на длительный срок — вероятно, на 10 лет. Такими, во всяком случае, были стандартные приговоры осужденным за религиозные убеждения. На суде схимонах мужественно отверг предложение судьи отречься от Бога ради смягчения приговора. «Я молился, молюсь и буду молиться», — ответил он. Впоследствии он рассказывал о таком эпизоде: когда судья объявил несправедливый приговор, то о. Ермоген, перекрестив его, сказал, что он-то, Бог даст, эти годы проживет, а вот

судья-то может и тотчас помереть. И, действительно, тот вскоре скорострительно скончался. Сам о. Ермоген об этом потом всегда сожалел, считая себя повинным в смерти человека. Однако нельзя не увидеть здесь силы веры исповедника и неотвратимости наказания Божия богоборцу.

Отец Ермоген отбыл в лагерях весь свой срок. Отправили его в Кемеровскую область. В лагере было много монахов. Жили в бараках в тайге, занимались тяжелой работой — валили и распиливали лес. Многие репрессированные, кто сумел выжить и сохранить для потомков воспоминания о том страшном времени, свидетельствуют, что «религиозники» (так называли осужденных за веру) работали очень хорошо и добросовестно, регулярно выполняли и перевыполняли план, и за это лагерное начальство нередко даже закрывало глаза на то, что их образцовые работники постоянно молятся, поют религиозные песнопения и стараются отмечать церковные праздники. Сказывалась крестьянская и монастырская закалка, привычка к тяжелому труду и воздержанность в пище. И, конечно, негасимая вера в Христа поддерживала этих людей, давала силы для преодоления испытаний. Не случайно умный и прозорливый Варлам Шаламов особо отмечал, что «религиозники» дольше других сохраняли в тюрьме и лагере человеческий облик, не поддавались разлагающему влиянию системы, целью которой и было уничтожить, вытравить в человеке все человеческое.

После того, как срок был отбыт, последовали годы поражения в правах. Отец Ермоген провел их там же, в Кемеровской области. Он работал на строительстве железной дороги, которую прокладывали к коксохимическому заводу, поучаствовал и в строительстве самого завода. Затем, по одним данным, он служил

Листок с наставлением о. Ермогена своим духовным чадам, написанный рукою старца

священником где-то в Средней Азии, а по другим данным, накопив денег и немного подлечившись, уехал в Ростовскую область — кажется, в станицу Степную близ Ростова. По хозяйству ему в то время помогала монахиня. В своих воспоминаниях об о. Ермогене его племянница называет эту монахиню Марфой Дмитриевной. Сестра Марфы Дмитриевны умерла при родах, но новорожденный ребенок остался жив. И они вместе с отцом Ермогеном взяли его на воспитание, назвав Владимиром. Отец Ермоген даже усыновил его.

Все было в жизни схимонаха Ермогена — и мирная монастырская жизнь, полная труда и радости молитвенного общения с Богом, и кошмар тюрем и лагерей, и нелегкое житье священника, монаха в стране, где духовные опоры были разрушены. И даже радость отцовства довелось ему испытать, но вместе с ней постигло его и горе, самое страшное, какое только может выпасть родителям. В десятом классе Владимир погиб, разбившись на мотоцикле вместе с одноклассницей. Отец Ермоген принял и это испытание с христианским смирением. Водителю машины, которая сбила мотоцикл, грозила тюрьма, но в милиции батюшка сказал: «Я отца от детей отнимать не буду. Вы меня больше не приглашайте. У меня погиб сын. Мне Бог дал, Бог и взял». Владимир был верующим юношей, и после его гибели один из его школьных друзей также пришел к вере.

Когда Марфа Дмитриевна умерла от рака, у о. Ермогена осталась пустовать отдельная комната, и он пустил к себе жить старушку-монахиню Марию Магдалину. Та отсидела 32 года за веру, а потом под старость, оставшись без средств к существованию, вынуждена была просить милостыню. Узнав об этом о. Ермоген предложил: «Чего ходить-то? Вон комната — занимай и живи. Может, когда сварить мне что-нибудь, постираешь...» Они прожили так 17 лет. Матушка Мария Магдалина умерла от рака груди неожиданно для всех. О своей болезни она никому не говорила и врача вызывать отказывалась, хотя, вероятно, испытывала мучительные боли.

После смерти монахини Марии Магдалины о. Ермоген, уже будучи глубоким стариком, написал письмо своим родственникам в Курган — единственным оставшимся у него в живых родным людям. В Кургане жила его сестра Мария с дочерью и зятем. Они тогда были людьми неверующими: племянница о. Ермогена работала секретарем партийной организации в газете «Советское Зауралье». Но дома было спокойно, тихо (зять не пил, не курил, не ругался). Отец Ермоген был в растерянности, писал родным в письме: «Мария умерла, я не знаю, что делать. Наверное, придется в дом старости пойти. Или в монастырь, только там работать надо, а я работать уже не могу». С общего согласия («смешно было бы при живой-то сестре старика послать в дом старости», — сказал зять) о. Ермогена привезли в Курган.

Иеросхимонах
Ермоген.
Фотография 90-х гг.
XX в.

В Кургане он прожил около пяти лет. По свидетельству племянницы, отец Ермоген очень много молился ночью. Утром вставал, умывался, не завтракал никогда и сразу шел в церковь. Прихожане курганского собора во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского обратили внимание на появившегося благообразного старца-схимника. Люди подходили к нему в церкви, шли со своими нуждами даже и домой. «У нас дома всегда было, как в мавзолее», — вспоминала его племянница, имея в виду непрерывающийся поток людей, которые хотели пообщаться с о. Ермогеном. И многие действительно получали от него помощь в своих бедах, замечая благодатную силу его молитв. Например, известен случай, когда в Кургане с помощью молитв и совета старца верующие «всем миром» вымолили молодую девушку, ушедшую к «белым братьям», дочь женщины, обратившейся за помощью к о. Ермогену.

Вот свидетельство курганской журналистки, которая видела о. Ермогена в храме и даже беседовала с ним.

«...В только что открывшемся храме святого Александра Невского готовились к богослужению. Народ заполнял помещения. Выделялся высокий худощавый старик с черной монашеской скуфейкой на голове. Простое, доброе лицо с окладистой, чуть рыжеватой бородой. Внимательный прищур голубых глаз. Отец Ермоген. На первый взгляд ему около семидесяти. На самом деле — 96-ой... Прекрасная память, ясная грамотная речь. К нему постоянно подходили люди. Кланялись и просили благословение старушки, обращались за советом те, кто в нем нуждался. Я тоже подошла и теперь благодарна судьбе за этот подарок.

— Что значит для человека вера?

— Когда человек с Богом, ему ничего не страшно, — говорит отец Ермоген. — Вера дает ему быть сильным духом. Вера научила его постичь себя, следовать в жизни тем законам, которые были оставлены для человечества тысячи лет назад.

“Почитай отца твоего и мать твою как повелел Господь Бог твой...

Не убивай.

Не прелюбодействуй.

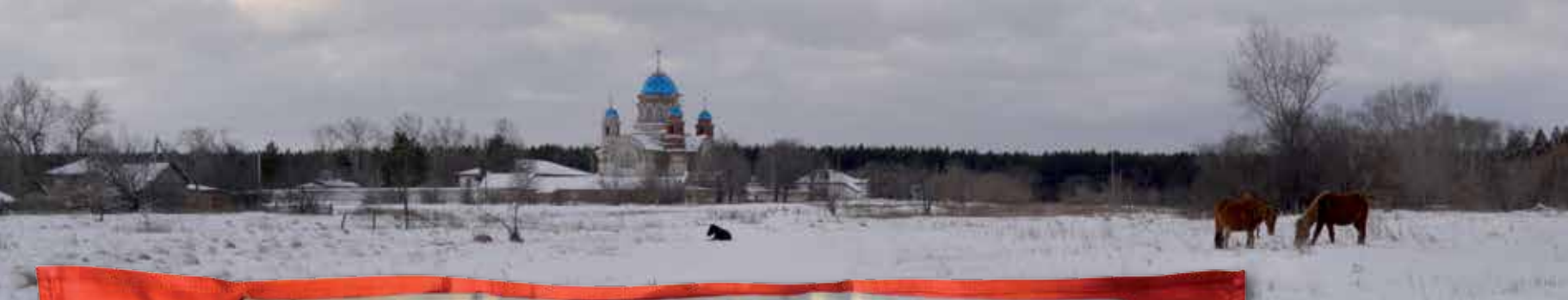
Не кради.

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего...”

Десять простых и мудрых заповедей закона Божьего. Если бы мы следовали хотя бы некоторым из них, на земле намного меньше стало бы беззакония и насилия».

Как у всякого человека, и у отца Ермогена бывали ситуации, в которых он не сразу находил верный путь. Об этом умалчивать не стоит: способность осознать свою ошибку, покаяться также свидетельствует о силе духа подвижника. И великие святые, бывало, претыкались, уклоняясь даже от чистоты

Иеросхимонах Ермоген за столом в монашеской келье. Фотография 90-х гг. XX в.

Вид Верх-Теченского
монастыря.

Схиигумения Серафима
(Альховская) показывает
документы и личные вещи
о. Ермогена.
Фотографии 2015 г.

Реликвии о. Ермогена, хранившиеся у настоятельницы Свято-Введенского Верх-Теченского женского монастыря схиигумении Серафимы (Альховской): дореволюционный антиминс, освященный архиепископом Донским и Новочеркасским Александром (Добрыниным) (1820–1885 гг.), требный саквояж, платок с вышивкой

веры — не по злему умыслу, но по немощи человеческой; затем приносили покаяние и восстанавливали в прежней силе. Так и о. Ермоген, вероятно, по своей простоте и доверчивости, неискренности в церковных делах, а может быть и из-за невнимательности и черствости некоторых сослужителей-собратьев, будучи в Кургане, примкнул к группировке диакона Аркадия Маковецкого, то есть некоторое время пребывал в расколе. К чести старца, после увещевания правящего архиерея, епископа Курганского и Шадринского Михаила и бесед с другими лицами он разобрался в ситуации, покаялся, просил прощения и провел остаток дней своей жизни в общении с Православной Церковью.

Будучи с молодых лет монахом и благоговейно почитая монашеский чин, о. Ермоген, надо полагать, желал и просил у Бога окончить жизнь в стенах какой-нибудь обители. Поэтому и племяннице своей наказал, чтобы позвала для погребения иеромонаха — о. Иустина (Стрельникова), а не кого-нибудь из белого духовенства. «Впрочем, — говорил он ей, — умереть-то я должен все-таки в монастыре». Так и случилось. К тому времени в Курганской и Шадринской епархии действовал уже Свято-Успенский Далматовский мужской монастырь, восстановленный в статусе монашеской обители решением Священного Синода Русской Православной Церкви в 1992 году. В конце 1994 года наместником монастыря был назначен иеромонах Иустин (Стрельников). Отец Иустин, духовное чадо старца, и перевез о. Ермогена в самые последние дни его жизни в Далматовскую обитель. 7 декабря 1994 г. батюшку привезли в Далматово, поместив в одной из комнат архиерейских покоев. В соседнем помещении для него была устроена о. Иустином, по благословению епископа Михаила, временная домовая церковь. Сам о. Ермоген ни в Кургане, ни в Далматове не служил, хотя владыка предлагал ему, а причащался запасными Святыми Дарами. Первое время, живя в монастыре, он ходил на службы в монастырскую Скорбященскую церковь, надевая при этом схиму. Потом для него ходить уже стало не под силу из-за немощи телесной. Последний раз он был в храме в конце Рождественского поста во время пострига в мантию монахини Серафимы (Альховской). Монахиня (впоследствии — схиигуменья Серафима, настоятельница Верх-Теченского женского монастыря Шадринской епархии) и ухаживала за о. Ермогеном. Он готовил ее к постригу, тщательно проверяя все детали монашеского облачения — чтобы все было сделано правильно.

У отца Ермогена в Далматовском монастыре был и «келейник» — молодой послушник Сергей Осенников. Иногда батюшка просил его почитать вслух утренние или вечерние молитвы, но это, как вспоминает схимонахиня Серафима (Альховская), нужно это было скорее для самого «келейника», чем для старца. Отец Ермоген, постоянно пребывая в молитве, какого-то особого

На стр. 98:
Отпевание
о. Ермогена.
в Скорбященском
храме совершает
наместник
Далматовского
монастыря
иеромонах
Иустин,
впоследствии —
схиигумен
Серафим
(Стрельников).
Фотография
В. Бухрова, 1995 г.

правила не вычитывал, по крайней мере, заметным для окружающих образом. Лишь изредка молитвенные возгласы выдавали его сокровенную внутреннюю жизнь: например, «Слава Тебе, Христе Боже!», — вдруг как-то однажды внезапно среди беседы произнес батюшка, — вспоминал схиигумен Серафим (Стрельников).

Недолго прожил в Далматовской обители иеросхимонах Ермоген. 14 января 1995 г. на праздник Обрезания Господня после Божественной литургии столетний старец мирно почил на руках о. Иустина и матушки Серафимы. Похоронен он был у южного придела Скорбященской церкви. На отпевании, которое совершал наместник Далматовского монастыря иеромонах Иустин, присутствовал и приехавший в тот день в Далматово Преосвященный епископ Михаил. 6 августа 1998 г. останки иеросхимонаха Ермогена, по просьбе о. Иустина и матушки Серафимы, с благословения владыки Михаила, были перевезены в Верх-Теченский женский монастырь и там перезахоронены.

Хотя о. Ермоген провел в Далматовской обители совсем короткий срок, его пребывание оставило довольно глубокий след как в жизни первой, пусть немощной, братии, так и в душах прихожан. К сожалению, в годы богоборчества прервалась живая традиция монашеского опыта. Во вновь открывшихся монастырях сейчас фактически невозможно увидеть старцев-монахов, принявших постриг хотя бы в послевоенные времена. И то, что Господь привел в возрождающуюся Далматовскую обитель живого носителя традиций русского иночества, воспитанника Глинской пустыни, исповедника веры в годы гонений, столетнего иеросхимонаха Ермогена, можно считать великой милостью Божией.

Приложение

«О ЧЕМ ОН МОЛЧАЛ 96 ЛЕТ. ВЕРОЙ И ТРУДОМ СОВЕТУЕТ ЖИТЬ НАМ МУДРОСТЬ НАШЕГО МИРА»

Беседу провели диакон Свято-Троицкой церкви р. п. Мишкино Аркадий Маковецкий и [Карпов].

Говорят, что человек этот является единственным в своем роде на весь Сибирский регион. Приехав полтора года назад из Ростова и поселившись у своей племянницы в Кургане, словно добрым знаменьем освятил он нашу землю.

— Что помогло вам сохраниться столь энергичным? Ваша духовная жизнь?

— Живу я в монастыре с детских лет. И жизни этой мы от души радовались.

Раньше при монастырях была и скотина своя, и птица. Сами

Справка
о смерти
о. Ермогена.
В фондах музея
Далматовского
монастыря

пахали и боронили. Сами пшеницу сеяли. И себя снабжали всем необходимым, и государству отдавали.

Много коров было. Но молока никогда не пили. И вообще никогда ничего скоромного не кушали. К примеру, приходит пасха — одно яичко на двоих разбили, скушали — и все. И жизнь у нас по настоящему была радостной. И когда начали закрывать монастыри, мы громко плакали.

— Расскажите немного о тех днях.

— В те дни у меня было послушание. Я пас коров. Обычно, когда пригонял стадо к монастырю, ворота открывал привратник, а тут прихожу — ворота открыты. Во дворе никого нет. На входе стоят здоровенные детины.

Один из них, ничего не говоря, ударил меня по спине плетью... А я был под рясочкой да в рубашке. Повернулся к нему, поклонился и говорю: «Спаси тебя Господь!».

Он опешил и кричит второму: «Глянь! И не плачет.»

Я отвечаю: «А когда за Господа бьют, то не плачут, а радуются. Спаси Вас Господи!»

Второй подошел, да через другое плечо как врежет плетью... Я и ему также ответил. Он, видно, никак не ожидал такой реакции и мягко так говорит: «Иди отсюда».

Я ушел. А сам понять ничего не могу. Нас ведь не предупреждали ни о чем. В монастыре никого нет. Ни священника. Ни игумена... Никого!

Думаешь, то ли посадили их, то ли убили. Нас ведь также — кого побили, кого в тюрьмы пересажали.

Прошли годы, и мне вот дали десять лет. А за что,

спрашивается? Только за то, что Богу молился.

Освободили в 1947-ом. В те годы начали открывать церкви и монастыри. Я был уже в возрасте. Пробовал пристроиться в Псково-Печерский монастырь, просился в другие, но мне отказывали. В монастырях же нужны были молодые люди, чтобы работать могли, выполнять послушания.

— Отец Ермоген, что бы вы посоветовали людям, желающим найти духовное утешение в нашем Мире?

— Первый совет: креститься. Во вторых: Господь, он ведь не лицемерный. Он верный. Если хочешь, подойди поближе да поклонись пониже, да прослезись. Что бы ты ни попросил доброе, все Господь даст.

— Очень многие ученые и философы приходят сегодня к идее единства Мира и его религий. Что вы думаете об этом?

— Есть единая православная христианская вера, но написано, что на смену ей должна придти [другая, и] сегодня мы стоим на пороге этого события.

Когда я жил в Ростове, был там митрополит Владыка Владимир. Доводилось ему ездить за границу, встречаться с католиками. И он и они говорят о единении наших вер. Мы ведь все хотим, чтобы Миру был мир. Но православные к такому единению идут с большим трудом. Ведь у православной и католической церковью даже службы совсем разные. Взять, к примеру, Причастие. В нашем обряде присутствует кровь. А у них облатки (булочки) выпекают.

Принять это все очень трудно. Но написано, что католики должны взять верх. А после католической веры должен прийти буддизм.

Все это идет по писанию. И чтобы мы не делали, но все так будет.

— Вы, наверно, знаете, что произошло в стране в середине августа... (имеются в виду события августовского “путча” 1991 года. — ред.). В связи с этим многие стали говорить о свершении пророчества Иоанна Богослова («Апокалипсис»). Можно ли утверждать это категорично?

— Об этом говорить трудно. Мы ведь не знаем ни Бога, ни сатаны...

— Религии говорят, что Господь един. Получается, что и сатана в нем. Зачем же Бог создал его в себе?

— Я и сам раньше спрашивал об этом. Но ведь если бы его не было, то Царствие Небесное досталось бы очень легко.

Все ужасы, творящиеся на Земле, только от невидимого злого духа. Он человека совращает, и человек все делает. То, что произошло в правительстве, тоже от него. Ведь президента можно было и по-другому заменить.

— Как нам быть стойкими к козням диавола?

— Монахи всю жизнь живут, и он к ним не подступается.

На стр. 103:
Вверху: погребение
о. Ермогена у
Скорбященского
храма
Далматовского
монастыря.
Фотография
В. Бухрова, 1995 г.

Внизу:
В Далматовском
монастыре
у могилы
о. Ермогена
схигомен
Серафим
(Стрельников),
схимонахиня
Фомаида
(Иванчикова),
схигомен
Серафима
(Альховская).
Фотография
начала 2000-х гг.

Дом в г. Кургане
по адресу: ул.
Комсомольская,
д. 25, где в
конце 90-х гг.
XX в. проживал
о.Ермоген

Почему? А вот монаху хоть сто лет, а он бежит по заданию, только бодренько трепещется. Послушание!

И они не боятся этого диавола.

А когда стригут в монахи, учат, чтобы Иисусову молитву всегда творили: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». И диавол не может подкрасться.

— Иисусова молитва побеждает все его козни?

— Совершенно верно. Ведь и человека можно очистить этой молитвой от злого духа.

Когда мы прощались с отцом Ермогеном, он крепко жал наши ладони. Чувствовалось, что сильные мозолистые руки его еще очень многое могут сделать для нашего мира своим верным монашеским трудом.

Церковный сан о. Ермогена — схимонах — является одним из высочайших званий Православной Церкви. И носить его может лишь мудрейший человек, практически постоянно пребывающий в молитве к Богу.

«УРОК ОТЦА ЕРМОГЕНА»

Страница радиожурнала «Семье навстречу» Курганского областного радио. Август 1994 г.

Беседу с отцом Ермогеном провела Кузнецова Галина Евгеньевна, педагог-психолог Курганского городского Центра социальной защиты семьи, внештатный корреспондент Курганской областной телерадиокомпания.

— Следующая страница нашего радиожурнала — «Урок отца Ермогена». На исходе август. Еще какая-нибудь пара

дней — и залиvistый школьный звонок позовет ребят на первый урок. Состоится праздник — День знаний. О чем поведает учитель своим ученикам? Я лично очень завидую нынешним школьникам. Можно выбрать предмет, можно выбрать учителя, форму обучения, вплоть до обучения на дому, в семье. Интересно: семейное обучение, воспитание, урок.

В нашей передаче сегодня тоже состоится урок, урок нравственности, так бы я сказала. А преподаст этот урок отец Ермоген, в миру — Григорий Андреевич Величутин. Его бесхитростный рассказ о, кажется, известных вещах меня лично взволновал до глубины души. Отец Ермоген — живая история. 15 августа ему исполнилось 99 лет! Слушайте и внимайте».

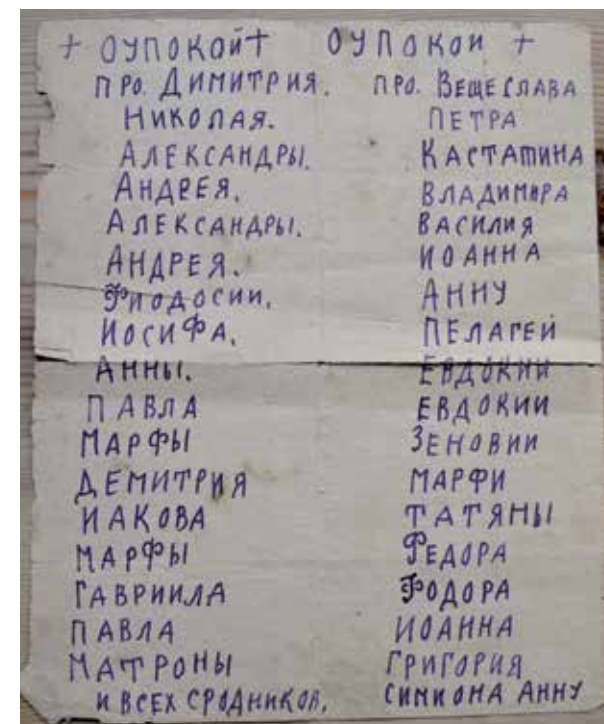
— Дорогой наш человек, отец Ермоген, поздравляем Вас с Днем рождения! С 99-летием! Здоровья Вам! И да многих лет жизни! Низко кланяемся Вам.

— Спаси вас Господи! Заботитесь об нас. У меня родных уже никого нет. Все родные померли. Было два брата, убили на фронте. Две сестры померли. Ну, я у племянницы сейчас живу, — вот и все.

Наша жизнь прошла, конечно, не легкая. Но мы работали в монастыре, пахали, боронили, хлеб сеяли. И хлеб какой был! Вот, рядом вот была межа: вот это — колхозный хлеб, а это — монастырский хлеб. Монастырский хлеб был добрый хлеб, а колхозный — маленький, колосок был маленький. А вот ездили из обкома, ездили, смотрели, какие поля. Из райкома ездили, все удивлялись. Надо сказать, мы работали на совесть.

— Какой же это монастырь, где это было?

— Глинская пустынь, это около Харькова. А тогда был закон царя: если остаются сироты — были же войны — их брали в монастырь на воспитание. Тогда было, значит, совершеннолетний человек — 22 года было. И вот до 22 лет мы учились грамоте. После 22 лет спрашивали, куда ты хочешь, или в мир пойти,

Поминальная
записка
о. Ермогена.
Передана в музей
Далматовского
монастыря
протоиереем
Михаилом
Шушариным

откуда взяли, или же остаться здесь в монастыре? Меня спрашивают, куда я желаю? Я говорю: я желаю остаться в монастыре. Ко грамоте-то меня научили, а тогда зачали учить духовному делу, сначала на дьякона, а потом зачали учить на священника. И так я священником проработал. В 38 году закрыли монастырь только. И когда закрыли монастырь — все можно рассказывать? — нас, значит, судили.

— За что?

— За то, что мы работали в монастыре.

— И что суд решил?

— Суд решил... Значит, так: в воротах сидит судья, сидит прокурор, заседатели. Судья спрашивает: «Откажисси от Бога? Меньше срок дадим». А я, просто как выработалось, так и говорю: «Я молился, я молюсь, я молиться и буду!» А мне судья и говорит: «30 лет за то, что ты молился!» Я говорю: «Ну что ж, я, можа, 30 лет еще и проживу, а ты, может быть, и сейчас же помрешь». И он, знаете, он как упал, и сразу помер...

— И день в день отбыл Григорий Андреевич — отец Ермоген — 22 года тюрьмы в лагерях Кемеровской области. Жили в бараках — и все монахи — 750 человек. Работали в тайге, пилили лес, нарезали шпалы, строили коксохимический завод, прокладывали железную дорогу. Потом 30 лет прожил в Ростове — так распорядилась жизнь. А пять лет назад вернулся на родину, в Курганскую область.

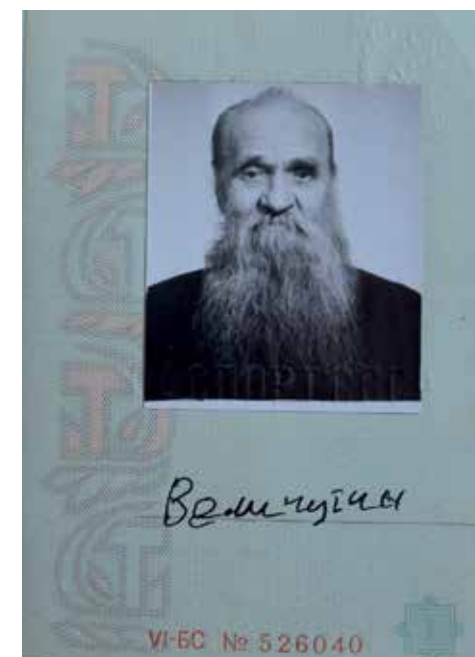
— Ведь раньше-то каждый имел свою землю. А жили как хорошо! А сейчас дожили до того, что... Ведь сам я из Юргамышского района, там есть деревня Камаган. Такая земля была хорошая! Село было большое. Какие дома были. Постройка была богатая такая. Им сейчас так не восстановить.

— Не восстановить?

— Нет. Земля-то — она осталась землей, а деревня-то пустая. А ведь мы, надо сказать, что мы надеемся на то, что привезут из села: и мясо, и молочко, сметанку, масло коровье и масло подсолнечное. Тогда много сеяли коноплю. Какое оно, масло конопляное-то — вкусное, запашистое.

— Отец Ермоген, а вот какой Вам запомнилась тогдашняя природа — леса, озера, реки?

— Реки? Я тебе про реки скажу. Вот мы еще в детстве были, так старики говорили, что эти реки пересохнут, некоторые реки называли. А вот какие там озера — они обмелеют, рыбы не будет. Озера... У нас же кругом озера в Юргамышском районе. А рыбы сколько было! Ведь раньше, посмотри, сухую рыбу продавали зимой шестами. В шест накладывают пуд, как раз 16 килограмм.

А сейчас ее нет. Да и в озерах мало рыбы.

— А куда она делась?

— Видите ли, нам дали трактора для того, чтобы обрабатывать землю, а они, трактористы, прямо заезжают в озеро, моют эти трактора. Там и керосин, там и масла. А рыба-то этого не любит. Она больше не расплывается, вот... А, видите, ведь раньше было: около села землю не распахивали, оставляли ее и там скотина ходила. А потом начали возле самой деревни ее распахивать. Все распахали. А вода-то, куда она? В это же озеро и со всею землей. И все! Вот поэтому, значит, обмелели наши реки, озера и не стало рыбы. А хозяева наши — о чем они думают, я не знаю... Раньше леса были разделены. Ходили только каждый в свой лес. Хозяин там срубил какое дерево, так он все кусочки соберет. Все подберет — и в лесу чисто. Когда время подошло — берите ягодки, сколько угодно. А надо сказать, в тех местах, в Юргамышском районе, там в лесах и вишня, и малина, и клубника, и земляника, костяника. Костянки, ой костянки... Возьмешь кисть — полная горсть.

— Скажите, а как в семье это было, каким-то ремеслом занимались? Отец учил, дед учил?

— Отец учил, дед учил. У каждого отца свой разум. Если у него два или три сына, одного он оставлял с собой, а двух отдает в город или куда ремеслу учиться — или на жестянщика, или на кирпичника, или плотника. Ведь плотники какие были — мастеровые были. В деревнях строили дома и что хошь.

*Паспорт
о. Ермогена.
Передан в музей
Далматовского
монастыря
схигоимением
Серафимой
(Альховской)*

И по железу, и по кирпичу. А сейчас заставь печку сложить — и не найдешь мастера.

Отец Ермоген ненадолго прервал свой рассказ. Глаза его как-то повлажнили... Он глубоко вздохнул и продолжил:

— Беда, беда-то какая... Оторвали людей от земли, с корнем вырвали. От веры отлучили. Храмы порушили. Все беды от этого. Это сатана все это. Он не дает покоя людям. А вот загляни в церковь — молятся. Помолись и ты. И не трудно это — молиться. Пришел в церковь: «Господи, да помоги ты мне. Вот у меня дочь плохо живет со мной». Поставь свечку, где распятый Спаситель. Эта свечка горит. Ведь воск делается мягкий, когда горит. Вот и у твоей дочери сердце будет такое мягкое. Она с тобой согласится на любые вопросы.

— Он устал нести свои годы, но не устал творить добро, творить молитву во спасение и защиту людей. Как же интересно слушать почти столетнего человека, внимая его житейской мудрости. Я сама получила урок великой нравственности. Я благодарю отца Ермогена, Григория Андреевича Величутина от имени всех слушателей за участие в радиожурнале «Семье навстречу», за урок нравственности, который он преподнес нам! До земли кланяюсь ему и слышу в ответ:

— Спаси вас, Господи!

На стр. 109:
Место погребения
(перезахоронения)
о. Ермогена
в Верх-Теченском
женском
монастыре.
Фотография
2015 г.

Инокня Антония (Середкина) (1952–1999)

Жизнь, служение и мученическая кончина матушки Антонии опровергают тезис, который иногда можно услышать от скептиков — мол, время духовных подвигов, исповедничества и мученичества за веру уже прошло. Да, в наше время верующим христианам за их убеждения уже не грозят тюрьмы, но люди, выбирающие для себя путь духовного служения, путь монашества, знают, что им предстоят нелегкие испытания их стойкости в вере. Не всем и не всегда удается преодолеть их и принять волю Божию с таким же смирением, кротостью и любовью, как героине этого очерка. Матушка Антония была человеком редкой духовной чистоты и красоты. Такой она запомнилась всем, кто знал ее сначала в миру, а потом в Боровской обители Похвалы Божией Матери, где она приняла послушание и постриг.

Ее мирское имя — Антонина Александровна Середкина. Она родилась 27 августа 1952 г. в Горьковской области. Тоню и ее младшую сестру Алевтину мать воспитывала одна, семья сильно нуждалась. Переехав в Курган к родственникам, они жили некоторое время в съемной квартире, потом купили домик.

Юность Тони Середкиной текла так же, как у большинства ее сверстниц. Девушка окончила восемь классов, выучилась на продавца, проработала около года в продовольственном магазине. На восемнадцатом году вышла замуж, а вскоре проводила мужа в армию, в это время она уже носила дитя под сердцем. После рождения сына устроилась работать нянечкой в ясли-сад, а когда муж вернулся из армии, семья переехала в Алма-Ату, к родственникам мужа. Но супружеская жизнь не сложилась, и после развода Антонина вернулась домой, пошла работать на завод, в одиночку растила сына Сергея. Жили трудно, не имели ничего, кроме квартиры и самых необходимых вещей. Антонина не теряла надежду обрести полноценную счастливую семью, и ее мечта сбылась — она встретила своего второго мужа.

Очерк написан по материалам книги А. В. Дьяковой «Не прикасайтесь помазанным моим» (М., СПб, 2001).

На стр. 110:
Кафедральный
собор святого
Александра
Невского
в Кургане.
Фотография
2000-х гг.

Антонина
Середкина —
юная невеста

Антонина хотела уйти на пенсию в пятьдесят лет, отработав двадцать лет на вредном заводском производстве, но до этого срока не доработала — ее сократили. Через службу трудоустройства выучилась шить, стала хорошей портнихой. Обратилась в ризничную Курганской епархии, почти не надеясь получить там место, но ее сразу приняли на работу.

Было, наверное, в ее судьбе некое предопределение, нарек на духовное избранничество: когда-то давно ее верующая бабушка, глядя на подготовку Тони к замужеству, сказала: «Эх, девка, не ходила бы ты замуж, а шла бы в монастырь». И вот, спустя многие годы, произошло событие, направившее жизнь Антонины по иному руслу.

После окончания службы, в храме святого Александра Невского в Кургане, к протоиерею Александру Никулину, подошли благословляться его курганские духовные чада. Отец Александр, устроитель девичьей Боровской обители Похвалы Божией Матери, в тот раз приехал в город по делам. Антонина уже знала об этом батюшке и тоже очень хотела к нему подойти, но из-за большого скопления народа осталась стоять на месте. Тогда священник сам подозвал ее и благословил деревянным нательным крестиком, освященным у Гроба Господня. Удивленная такой милостью Божией, она не поняла, почему — крест, и почему — именно ей? Тогда местная блаженная (это была Валентина Клепинина, очерк о которой тоже вошел в настоящую книгу) объяснила, что это батюшка благословил Антонину на путь монашества.

Антонина в то время даже не помышляла об этом и, конечно, не приняла все произошедшее близко к сердцу. Но человек предполагает, а Господь располагает, и Его промысел неизменно прокладывает путь в человеческом мире, полном случайных, казалось бы, никак между собой не связанных событий.

Антонина не получила хорошего образования, она была простой русской женщиной-труженицей, каких в нашей стране миллионы, но от других ее отличала особая душевная тонкость и склонность к внутренней жизни, ее душа с юности стремилась к познанию невидимой сути вещей. Позднее, уже будучи монахиней, она говорила: «Я всюду искала подтверждение существования другого, невидимого мира. И, придя в Церковь, я, наконец, обрела его». Для будущей матушки Антонии утешение от небожителей, «посещение благодатию» было обычной реальностью жизни. Она как будто непрестанно соприкасалась с жизнью невидимого мира и была убеждена в его реальности задолго до того, как Господь привел ее на путь монашеского служения.

В иноческом звании это чувство в ней еще более окрепло. Матушка рассказывала о посещении ее благодатию на могиле

старца о. Константина (Шипунова). Причем это благодатное посещение было видно всем сестрам, с нею находившимся. Говорила она так: «У меня было очень тяжело на душе. С надеждою и верою я, припав к могилке старца, вопияла всем сердцем, просила помощи и утешения. Откуда-то вдруг три голубя спустились на крест, что на могиле. Я удивилась. Потом

уже мне сказали, что когда отец Константин хочет кого утешить, то голуби опускаются на вершины креста: по два, редко когда их спускалось три...» После этой поездки матушка Антония поведала своему духовному отцу, что Иисусова молитва сама творилась в ее сердце в течение дня до 5-ти часов вечера, и она чувствовала при этом необыкновенную радость и любовь ко всем. В день она читала по одному Евангелию.

Все это было позднее, в новой, монашеской жизни. Но и в миру невидимая сила уже начала направлять Антонину на предопределенный для нее путь. Первый раз Антонина побывала в Боровском, навещая друга своего сына — Петра Стрекалева, который после армии ушел в монастырь, а впоследствии стал игуменом Павлом. Ей очень понравилось в обители, и ее там полюбили — женщину трудолюбивую, доброжелательную, открытую, готовую всегда прийти на помощь. И через полгода, вскоре после женитьбы сына, Антонина решила оставить мир. Попросила прощения у мужа, с которым прожила семь лет, вымолила благословение у матери. В обитель она приехала в праздник Покрова Божией Матери, 14 октября 1996 года. Было ей тогда 44 года.

Сначала Антонина боялась, что не сможет понести всех тягот монашеского жития. К труду она была привычна, но все-таки возраст уже неюный, организм изношен вредным производством, а работа в монастыре — это даже не восьми часовая рабочая смена. К тому же она страдала сильными головными болями и мучилась нестерпимым чувством голода между трапезами. Она даже благословила у духовника брать после обеда хлеб, чтобы хоть как-то выдержать до следующей трапезы. Но, прося помощи у Господа и Царицы Небесной, превозмогая боль и голод, она неустанно трудилась, и со временем пришло облегчение. Потом она уже спокойно переносила пост, а затем стала такой

Антонина
Середкина с
сыном Сергеем
за несколько лет
до пострига

Фотографии
на стр. 112–113
из личного архива
Антонины
Середкиной

Инокня
Антония

постницей, что целую неделю могла ничего не вкушать и не пить, выполняя свои обычные послушания. Одна монахиня рассказывала, что матушка Антония особенно любила вот такие, строгие посты, потому что чувствовала при этом необыкновенную радость на душе и легкость молиться и возносить ум свой к Богу. Матушка еще говорила, что по молитвам ее духовного отца Господь показал ей, как молитва сама может совершаться внутри сердца, что бы внешне она ни делала.

По воспоминаниям насельниц, Антонину отличали любовь, душевная чистота и доверчивость. К сестрам относилась внимательно и заботливо. Если кто-то болел или хандрил, помогала добрым словом, ласковым материнским прикосновением, молитвой. «Любовь и особенное благорасположение ко всем как-то отличали ее от других. Любила она всех утешать, даже когда самой было плохо.

И хоть не будет спать, но все равно сошьет что-нибудь и утешит ближнего», — рассказывали сестры.

Одна молодая послушница вспоминала:

«Осенью я приехала на послушание на неделю, встречи были короткие (шла уборка урожая), но такие запоминающиеся. Перебирали картошку, все устали, матушка Лидия говорит: “Кто хочет идти в погреб и высыпать картошку из мешков?” Матушка Антония вскочила, ни секунды не было на раздумье, и говорит: “Я хочу”. Меня поразило это рвение, горение, и ни малейшего принуждения, этот порыв был так естествен...

Опять картошка. Подошла матушка Антония, села с нами перебирать и говорит с таким дерзновением, уверенностью: “Знаете, девочки, я так верю, что у нас в обители все будет хорошо, вот увидите”.

Вечер. Перед Богородичным правилом я сидела в беседке, подошла матушка Антония, села со мной, — столько участия, милосердия, спрашивала, как я себя чувствую. Меня мучили головные боли, она говорила, что, наверное, у меня идет очищение, рассказывала, что, когда приехала в обитель, очень болела первое время. Мимо шла послушница Елена, ей было плохо — матушка Антония, можно сказать, вспорхнула. И подошла к ней, спросила, что с ней, что болит. Говорит: “Пойдем, я тебя полечу”, и увела. И так все время: она не пройдет, не сказав доброго слова, не приняв участие. Один раз вечером она вышла из храма вся в слезах. Какие были слезы! Я только поняла, что это слезы не обиды, не горя. Запомнилось, что все, что она делала, делала так тщательно, добросовестно».

Духовная красота, выделяющая матушку Антонию из остальных, была видна и мирянам. Одна прихожанка, выражая не только свое мнение, сказала: «Все матушки хороши,

На стр. 115:
Церковь свт.
Николая
Чудотворца в
с. Боровское

Инокания
Антония возле
Никольского
храма

но матушка Антония была какой-то особенной, рядом с ней не хотелось быть плохим». Матушка внушала такое доверие, что хотелось открыть ей свое сердце. В каком бы расстройстве она ни была, пришедшего к ней за помощью она умела утешить. В секунду могла забыть свои невзгоды, искушения и болезни. От исходящего от нее тепла и света медленно просыпалось жесткое, огрубевшее сердце, и разрасталось в душе желание жить.

Около двух лет прожила послушница Антонина в швейной мастерской мона-

стыря. Работала целый день, а нередко и ночью, и всё сокрушалась, что ничего не успевает. В это время ей дали дополнительное послушание — быть келейницей схимонахини Марии. Ухаживала за старицей Антониной с большим терпением и любовью так, что матушка Мария к ней сильно привязалась.

А потом в мастерской произошел пожар, и Антонина стала жить в летнем дощатом, узком, без окон чуланчике богадельни вплоть до своей мученической кончины. Словно ей уже не было места на земле! Никому, даже духовнику обители, при жизни Антонины-Антонии мысль об этом в голову не приходила: настолько все привыкли полагаться на нее, и ее аскетизм тоже воспринимался как должное. Обстановка этой келейки в богадельне была такой: топчан, над ним несколько иконок, на полу лежал под тряпочкой небольшой камень, на котором Антонина молилась. В Боровской обители почитается великий угодник Божий, преподобный Серафим, и камушек был принесен в келью в подражание ему. Когда же она молилась? Конечно, только ночью. Днем она, не переставая, обшивала всю обитель — женский монастырь и мужской скит¹.

В 1999 году день памяти святого праведного Иоанна Кронштадтского (2 января по гражданскому календарю) стал для Антонины счастливым днем пострижения в иночество с именем Антонии. Матушка была счастлива. Вместе с тем после вступления на монашеский путь случались у нее искушения,

¹ После преобразования решением Св. Синода в 2000 г. монашеской общины в женский монастырь Похвалы Божией Матери в с. Боровское Катайского района Курганской области братия (монашествующие и трудники), подвизавшиеся при храме свт. Николая Чудотворца, перешли в мужской скит прп. Далмата Исетского, устроенный при часовне на месте исчезнувшей деревни Черный Яр Далматовского района.

и она опасалась, что не готова к ним и не сможет их преодолеть. До пострига, в 1998 году, когда в мастерской случился пожар, она сказала одной из сестер: «Что-то Господь посылает мне такие сильные искушения, я ведь еще совсем недавно пришла, совсем еще не готова к такому, не смогу понести». И все-таки она несла все, что посылал ей Господь. Инокания Антония горячо любила свое иноческое звание, любила и преподобного Антония — своего святого покровителя, и праведного Иоанна Кронштадтского, в день памяти которого она приняла постриг. Говорила, что очень долго не хотела снимать с себя тот подрясник, в который ее облачили при постриге.

Матушка Антония рассказывала сестрам, как однажды ночью, читая Неусыпаемую Псалтирь, она молилась и горько плакала, мучимая сомнениями: ее ли это место и этот путь? Ей хотелось уехать в Дивеево, и вдруг в сердце она услышала ласковый голос Владычицы: «Там трудно, сможешь ли ты выдержать? А Я тебя для этой обители готовила». И душа наполнилась радостью и покоем. Матушка Антония, по ее словам, именно тогда поняла, почему все складывалось в ее жизни в прямую дорогу к монастырю: она легко и просто выучилась шить, хотя раньше никогда этим не занималась, легко получила место в ризничной епархии, легко попрощалась со своими родными...

И второй раз слышала матушка Антония голос Божией Матери в Успенский пост 1999 года, когда ночью шила, торопилась все закончить к очередному постригу. Ничего не получалось, она поролла и перешивала, плакала и молилась Божией Матери: «Помоги, не могу, не выдержу, не успею к постригу».

Братия и
трудники скита
Боровской обители
на месте бывшего
села Черный Яр
Далматовского
района

Инокания Антония (крайняя справа) после пострига монахини Вассы (Ляпиной), ставшей впоследствии настоятельницей женского монастыря Похвалы Божией Матери в с. Боровском

Какие слова сказала Царица Небесная, матушка не упоминала, но, по словам сестер, так утешила Владычица матушку, что все стало получаться, и работу удалось закончить к сроку.

Возвратившись из паломнической поездки в Дивеево в ноябре 1999 года, мать Антония очень изменилась. Одна из сестер вспоминала: «Она была такая грустная, плакала. Я привезла ей в подарок подсвечник, она так обрадовалась, но радость была тихая, кроткая, и сказала: “Ты меня утешила, у меня такая скорбь на душе”, — и взяла только с благословения батюшки. На следующий день благословила мне просфорочку из Дивеева. После поездки в Дивеево она стала еще кротче, смиреннее, какая-то мирность от нее шла».

А вот что рассказывает преподаватель Екатеринбургской духовной семинарии Андрей Викторович Разин, знавший матушку Антонию: «Особенно стало заметно изменение, происходящее с ней, перед ее кончиной. В ней стала проявляться как бы некоторая горячность и истончение, как если бы человек болел какой изменяющей его болезнью. Какая то внутренняя благородная нервичность, как бы перед очень важным делом — сейчас понятно, перед каким. Этим она выделялась среди остальных сестер».

Мистический склад души матушки Антонины, ее чувствительность и ранимость в это время, казалось, не выдерживали напора искушений, и она даже говорила, что если не справится, то уйдет. Но вновь и вновь выдерживала все испытания, черпая силы в любви и милосердии к сестрам-насельницам, в труде и в молитве.

Она всех утешала, без устали трудилась и была духовно очень красива так, что о. Александр Никулин про нее говорил: «Это наш цветочек». В ней открылся дар необычайной любви и понимания, она не перечила духовнику, была ему всецело предана, сознавая, что с его помощью идет ко спасению скорбным и претрудным путем смирения и послушания.

Огромной радостью для нее была работа в Богородичном садике (теперь этот садик называют «Сад матушки Антонии»). Она сама ездила за саженцами, сама сажала, сама расправляла каждый корешок, сама подсыпала плодородную землю под каждый куст или деревце. Не все ее послушания были так же приятны и близки ее натуре — например, ей приходилось выписывать и возить кирпичи из г. Асбеста для монастырской стройки. Но любую работу в монастыре матушка выполняла с любовью и исключительной ответственностью.

Матушка Антония, по словам насельниц и настоятельницы монастыря матушки Вассы, любила читать Псалтирь, и непременно ночью; ее время, неизменно благословенное батюшкой, было с 3-х до 4-х часов. Очень редко, только когда был срочный пошив и она шила ночью, то соглашалась подменить себя. А последний год она еще читала обязательно канон или акафист Царю-Мученику Николаю. Она так почитала Святых Царственных Страстотерпцев, что готовилась к встрече чудотворной иконы Царя-Мученика, как к встрече самого Царя. Часто матушка Антония обращалась в молитвах за помощью — и Царь-Мученик ей помогал. Зная ее любовь к последнему Русскому царю, матушка Васса однажды дала ей нести на крестном ходе икону Царя-Мученика Николая; она потом горячо благодарила ее, говорила: «Ты даже не представляешь, какая для меня была радость».

«После первого отъезда иконы Государя из храма Псалтирь читалась перед нашей иконой Царя-Мученика в Царском

Инокания Антония в одном из келейных корпусов

Мироточивая икона Царя-Страстотерпца, привезенная в Курганскую епархию в 1999 г. Перед этой иконой произошло убийство инокини Антонии

приделе, — свидетельствует еще одна сестра. — Я должна была читать Псалтирь после матушки Антонии в 4.00 и, как всегда, пришла раньше на 10–15 минут. Я разделась в храме, подошла к матушке Антонии и только тогда, когда матушка показала мне псалом, начиная с которого нужно продолжать чтение Псалтири, я увидела, что по щекам ее текут слезы: Царю она молилась со слезами. Она не отирала их, не пыталась как-то скрыть. Сказав мне необходимое, ушла...

Когда икона Царя-Страстотерпца посетила наш храм во второй раз, я договорилась с матушкой Вассой читать вместо нее канон и акафист Государю перед чудотворным образом. Проснувшись в 3.40, решила поспать еще минут 5–10, чтобы не бежать раньше своего времени. Проснувшись уже в 4.30, вскочила, надевая на ходу попавшиеся под руку вещи... Когда я вбежала в храм, матушка Антония даже не обернулась, будто и вовсе ничего не слышала. Я подбегаю к ней: «Матушка Антония, прости, проспала...» Она повернулась ко мне, улыбается и говорит: «Наоборот, очень хорошо, я так давно мечтала побольше помолиться Государю. Когда впервые привезли икону Царя, нам (матушкам) давали по 45 минут всего, но матушка Васса всегда приходила раньше минут на 15... Я так расстраивалась... Делать нечего, уйду к себе, но прямо до слез расстраивалась, доходила до отчаяния... Теперь хоть помолилась от души, я так тебе благодарна!»

Прибытие мироточивой иконы в Далматовский монастырь после того, как она побывала в Боровской обители. Фотография 1999 г.

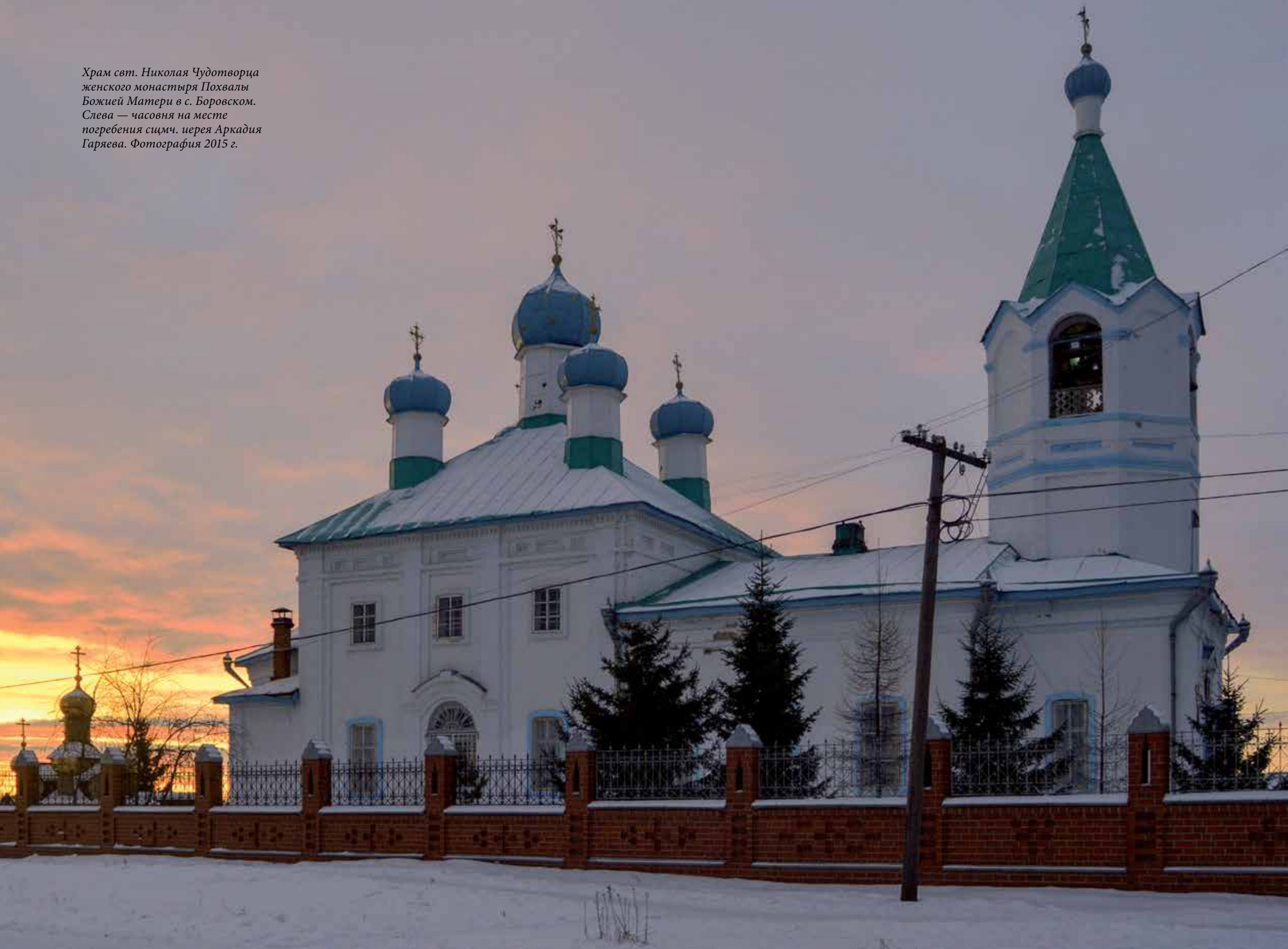
«В ее последний вечер, — рассказывает одна из послушниц, — когда мы провожали икону Царя, старшая сестра по младшим сестрам дала мне и еще одной послушнице послушание, чтобы мы постелили половики до ворот храма. Но так как был ветер, половики разлетались. Мы начали пришивать их между собой. У нас обеих сильно замерзли руки так, что тяжело было шевелить ими. Матушка Антония случайно увидела наши покрасневшие руки, взяла их в свои руки и начала растирать. «Вы, сестрички, пострадали немножко за Царя-Мученика, теперь просите у Него, что хотите — все исполнит», — сказала она с такой любовью, с таким восторгом, что не передать, какая она была радостная за нас».

Расставаться с иконой ей было так трудно, что она говорила: «Давайте молиться, чтобы эта икона к нам сама пришла навсегда». Прощались с иконой трогательно, со слезами. Это были последние часы жизни матушки Антонии...

Те, кто когда-либо видел матушку Антонию даже мельком, недолго, вспоминают ее необыкновенные глаза — пронзительно-голубые, лучистые, полные какого-то неземного света. Вот только одно свидетельство, примечательное тем, что автор этого воспоминания видела матушку Антонию накануне гибели:

«Помню, как я впервые увидела ее глаза, они поразили меня чрезвычайно. И не столько красивая форма глаз, сколько

*Храм свт. Николая Чудотворца
женского монастыря Похвалы
Божией Матери в с. Боровском.
Слева — часовня на месте
погребения сщмч. иерея Аркадия
Гаряева. Фотография 2015 г.*

Плат со следами крови и частица кости черепа убиенной инокини Антонии. Хранятся в женском монастыре Похвалы Божией Матери

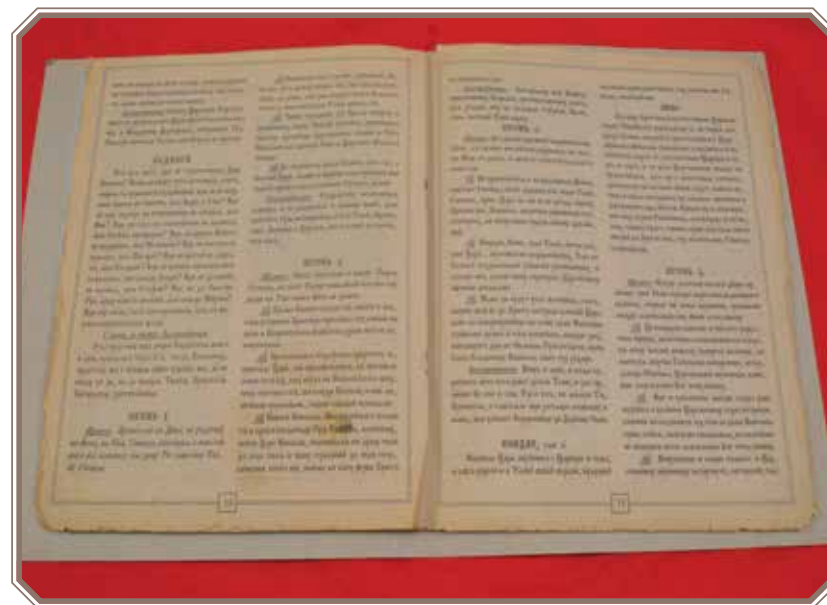
их пронзительная голубизна. Не помню, чтобы я встречала когда-либо еще такие лучистые глаза.

Когда я видела матушку Антонию в последний раз, то снова в очередной раз удивилась ее чудным глазам. Меня тогда сильно поразили контраст между землисто-желтым цветом лица (в последний день матушка жаловалась на нездоровье: «То меня в жар бросит — вся вспотею, то в холод — морозит») и чистой голубизною ее глаз. Такие неповторимые глаза: даже в минуты житейских забот, болезней не потеряли они того ровного и спокойного света. Этот контраст я наблюдала не больше минуты в течение нашего разговора. Какое-то беспокойство и смутное предчувствие коснулось меня. Помню, даже хотела спросить матушку, почему она такая, но сдержалась. Потом все стало по-прежнему, как обычно».

...В роковую ночь убиения инокини Антонии читать Псалтирь в храме должна была матушка Иоанна, но случилось так, что матушка Антония ее подменила. Кроме того, в то утро три человека подряд проспали свою череду.

За два дня до этого, 22 декабря, обитель встречала мироточивую икону Царя-Мученика Николая II. После праздничного богослужения и трапезы состоялось соборование. Матушка Антония стояла с большой свечой, которая за время совершения таинства почти полностью сгорела, что очень удивило ее и других сестер. Мог ли кто тогда предположить, что это было последнее соборование в ее жизни?

...Матушка Антония погибла в половине четвертого ночи 24 декабря 1999 года, была ее очередь читать Псалтирь...

На окровавленном аналое лежал раскрытый на 6-ой песне канон Царю-Мученику. Несколько капель мученической крови осталось и на страницах канона — как высшее свидетельство любви во Христе. Все произошло через шесть часов после проводов мироточивой чудотворной иконы...

За 10 дней до своей мученической кончины матушка Антония написала письмо. Это удивительный документ, личное свидетельство о внезапном прозрении Божьей Воли, которое предстало чистым глазам и бесхитростному сердцу матушки, об осознании и полном принятии ею в эти минуты промысла Божьего относительно ее собственной судьбы и судьбы всей страны. Даже далекий от Церкви человек, читая это свидетельство, не может не ощутить трепет.

«Хочу рассказать о случившемся в вечер 12 декабря 1999 года. Когда все готовились к великой встрече с иконой Царя-Мученика Николая.

В тот день я не понимала реальности всего происходящего, но, как и все, готовилась к встрече. За несколько минут перед встречей я сильно разрыдалась с покаянным чувством и ушла в пустынное (безлюдное) место. И вдруг мой взгляд остановился на небе, на котором я увидела удивительно-пречудный месяц. Он был очень огромным, будто чаша залитая кровью, чему я удивилась. Красный месяц очень быстро двигался (такого движения я еще не встречала). И перед самым его уходом за лес (т.е. заходом за горизонт) эта чаша перевернулась. Создалось впечатление будто на землю перевернулось что-то могучее, (то, чего ждали долго и терпеливо) постепенно вылилось на нас до последней капли.

Акафист св. Царю-Страстотерпицу Николаю, который читала в Никольском храме инокиня Антония в момент своей гибели. На страницах сохранились капли ее крови. Хранится в женском монастыре Похвалы Божией Матери

В этот момент я полностью сознала грех народа за убийство Царской семьи. Мое сердце так переполнилось чувствами, что в те считанные минуты я начала глубоко сознавать бытие человечества, я чувствовала, что сила с нами пребывает. От распаления сердца побежала к ждущим великой встречи и сказала им: «Чувствуете, не зло победит зло, а только любовь?!» И только это звучало в голове.

После чего состоялась встреча, мне показалась, да и не только мне одной, что Сам живой Батюшка, наш Царь Николай приехал. Который до сих пор печется о нашей стране.

Инок. Антония — 46 лет. 14.12.99 г.»

...Убийство совершил 19-летний рабочий скита. Когда на встречу мироточивой иконы 22 декабря собрались все скитские насельники, будущий убийца идти отказался. Отец Александр ему заметил: «Зачем же ты с нами, мы же здесь этим живем?!» По свидетельству сестер, с тех пор убийца не знал покоя, сильно нервничал. На следующий день после убийства рабочий сам пришел в милицию и сознался в содеянном. На вопрос, почему он сделал это, ответил, что его неотступно преследовал властный голос: «Иди — убей! Иди — убей!», и он не мог ему сопротивиться.

На суде преступник сказал, что признался матушке Антонии в испытываемой к ней плотской страсти. Когда она отклонила его домогательства, он в ярости слесарным молотком нанес ей удар. Пол и стены церкви обагрились кровью. Убийца протащил потерявшую сознание матушку по храму и сбросил в подвал. Сняв с ее головы апостольник, он пытался вытереть им кровь около аналая, на скамье, на полу и стенах. Затем спустился в подвал и стал добивать беззащитную женщину. Ее предсмертные конвульсии он принял за признаки жизни и нанес мученице еще около тридцати ударов молотком по голове.

Стены и ступеньки подвала были в крови, череп матушки был весь раздроблен, сзади зияла огромная рана. Но когда сестры, обмывая матушку Антонию, смыли кровь, то увидели спокойное, умиротворенное лицо, без единого синяка. Она три дня лежала в гробу и совершенно не изменилась. Глядя на нее, все удивлялись, какая она красивая. Когда гроб несли к могиле, многие заметили, что руки у матушки мягкие, не окоченевшие.

Приведем свидетельство о. Александра Никулина, духовника Боровской обители. Оно как нельзя лучше передает атмосферу гнетущего страха и предчувствия того, что в обители произойдет нечто ужасное. Именно это ощущение мучило матушку Антонию накануне гибели. Наверное, она со свойственной ей чуткостью понимала, что избрана. За пару дней до своей мученической кончины она сказала одной из сестер: «Тяжело мне... Наверное, я должна умереть». Рассказ священника снова наводит

Мантия и мешочек для святынь, сшитые инокиней Антонией в Боровской обители в 1996 г. для инока Стахия (впоследствии — игумена Варнавы (Аверьянова))

на мысль о высшем промысле относительно судьбы матушки Антонии...

«Ужас совершенного потряс всех — мы не могли ни есть, ни спать в течение нескольких дней, — пишет о. Александр. — Как один, мы все содрогнулись при этом открытом забрале и оскале дьявола. Никто ничего подобного никогда не испытывал, даже видевшие немало смертей...

Когда я зашел в швейную мастерскую, где первоначально положили гроб матушки, то первое, что меня поразило — лицо ее сияло, было невыразимо прекрасным (на это обратили внимание все, включая приехавшую ее маму). И что-то заставило меня повернуться. В углу висела фотография почившего моего старца, о. Павла (Чазова), которая благоухала, по словам матушки Антонии. Я еще более удивился присутствию духа старца в такую минуту и услышал так отчетливо в душе слова, что невольно сказал: «Так Богу угодно...» Это было его любимое выражение. Как будто через меня сказал сам отец Павел. Это меня поразило.

Вообще, поразительно было все. Приезд иконы Царя. Накануне страшная, ни с чем несравнимая буря. За три дня до мученической кончины — знамение: луна наливалась кровью и переворачивалась. Видели это многие, в том числе и сама матушка. Связывали это с пролитием крови Царственных Мучеников или даже началом гонений на веру. И притом видели не только в Боровой, но даже за четыреста километров, в поселке Арти Екатеринбургской епархии, где живут наши паломники. Затем ужас после убийства, леденящий ужас. Никто в кельях не мог спать один, спали на полу все вместе, не раздеваясь. Боялись входить и выходить. Успокаивались только у гроба матушки. Только к моменту отпевания началось ослабление напряжения, все более

Иконы
преподобного
Антония Великого
и мученицы
Антонины,
принадлежавшие
инокине Антонии.
Хранятся
в женском
монастыре
Похвалы Божией
Матери

ощущалось торжество. В те дни мы ощутили, подобно апостолам, страх и смятение, как они от Гефсиманской ночи до Воскресения.

Отпевание было замечательным. Собрались все питомцы Боровой — восемь священников и многие наши паломники. Отпевание, это восхождение богоугодной души, вдохнуло и в нас живительные силы отверзшегося Неба. Близость матушки все эти дни и духовное родство постепенно, казалось, перерастали в тонкое устройство души, близость к Богу».

Свидетелям бросилось в глаза, что в некоторых деталях смерть матушки Антонии совпадает с мученической кончиной Царской семьи. Совпадает ее возраст и возраст императрицы Александры Федоровны — им было по 46 лет. Совпадает время предсмертных мучений (три часа ночи по местному времени), совпадает место принятия смерти — подвал. Преступник тащил оглушенную матушку вдоль стены придела, на которой в отдельных иконах во весь рост изображены все члены Царской семьи в белых одеждах. Стать новой мученицей за Царя, горячо любимого и почитаемого матушкой Антонией святого, — наверное, она и не мечтала о лучшей доле для себя...

Сразу же после кончины матушки в обители заметили явления чудес. Одна из сестер общины хранит как величайшую святыню камень из подвала со следами крови убиенной инокини Антонии. В феврале этот камень начал благоухать, и благоухание это продолжалось несколько лет. Есть свидетели, почувствовавшие сильный запах ладана, исходящий от матушки Антонии во время бдения над ее гробом. И потом чудо повторилось. «Литургию простояла с матушкой Антонией и даже не заметила, как служба прошла, как на одном дыхании, и ни усталости, ни боли не чувствовала, — вспоминает свидетельница. — И вот на сугубой ектении, когда батюшка Александр молился у Престола Божия за упокой матушки Антонии, пошел опять запах — чистый, сильный, ароматный. Я думала, что от кадила, но стояла далеко и потом, сколько не пыталась уловить от кадила запах, такого аромата не было. И, может, это обольщение или мое воображение, но я, грешная, по великому милосердию матушки Антонии чувствовала ее присутствие в храме, ее участие в молитве».

Андрей Викторович Разин поделился удивительным воспоминанием о том, как матушка Антония сразу же после смерти

явилась одновременно ему и его жене. «Пребывание Царской мироточивой иконы в 1999 году до сих пор вспоминается как одной самых благодатных, счастливых событий жизни — это была Царская Пасха, торжествующее шествие самого Царя-Мученика. Икона вначале была привезена в Екатеринбург и почти сразу отбыла в Курганскую и Шадринскую епархию, но до этого была у нас дома, в квартире на седьмом этаже, где совершалось богослужение. Из большой комнаты была вынесена мебель, чтобы могло поместиться как можно больше людей, поставлены аналои. Благоухание от иконы расходилось по всему дому.

После торжественного шествия, иначе и не скажешь, иконы по Курганской епархии она возвращалась домой. Поезд был утром, и потому хранители иконы приехали снова к нам, чтобы переночевать и с утра отправиться на вокзал. Москвичи, три человека, и среди них — один священник (насколько помню, его имя Андрей) были очень вдохновлены тем, как встречали икону Государя в Зауралье. Все поужинали, выпили чаю и наконец отправились отдохнуть.

В комнате все еще сохранялась богослужebная обстановка, стоял аналой посередине, куда и была возложена икона. Я прилег на пол в комнате, где была икона, но не успел еще и заснуть, как раздался звонок из Боровского: «Убили матушку Антонию». Просили молиться перед иконой. Никакие обстоятельства произошедшего не были тогда известны.

До сих пор помню потрясение, произведенное этим известием, подобного которому в жизни не было. Сразу стало

Интерьер храма
свт. Николая
Чудотворца
женского
монастыря
Похвалы Божией
Матери в
с. Боровском

понятно, что произошло нечто особое, чрезвычайное, и особое потому, что злодейское, невыразимое преступление, совершенное в храме, совершилось именно сейчас, когда душа ликовала вместе со многими в этом явлении правды Божией, явлении великой святости, торжества Христовой Пасхальной победы в благоуханном образе Царя-Мученика. Государь был здесь с нами, была Пасха Христова.

Разбудил всех, стали молиться со слезами, и когда закончилась эта первая поминальная молитва у мироточивой иконы Государя, был дан и первый ответ на мучительное вопрошание сердца: «Что это, почему?!» Справа от аналоя я увидел монашеский силуэт, в клобуке, сзади, и понял, что это матушка Антония, прикладывающаяся к иконе, а затем она повернулась и как бы посмотрела, ответила лично. Хотя лица непосредственно не было видно в свете нескольких зажженных свечей, но было совершенно ясно, что это матушка. Это и был ответ, что любовь к Богу и святым Его, святому Царю-Мученику, даровала матушке исполнить и высшую христианскую добродетель — пострадать Христа ради. Когда через некоторое время я рассказал об этом Ирине, свой супруге, то оказалось, что и она видела то же самое в это время, все совпало».

На погребение приехали мать и сын матушки Антонии. Вся обитель скорбела о своей сестре. Никто не понимал, как убийца мог поднять руку на эту женщину, никому не сделавшую зла, ни о ком не сказавшую ни одного плохого слова. Плакали сестры. Братья из мужского скита, сколачивавшие гроб для матушки, едва сдерживали гневные порывы, кто-то сожалел, что не может собственноручно расправиться с убийцей. Даже рабочие кирпичного завода в Асбесте, позже узнавшие о гибели матушки Антонии, горевали о ней.

Но сквозь скорбь прорывалась и радость. Когда один человек из обители оказался в паломнической поездке на Кавказе, он пришел в пустынь в горах к старцу и сказал: «Отче, у отца Александра большая скорбь в обители...» Пустынник перебил его: «А у меня большая радость! Какую заступницу сподобились иметь на Небесах!»

Да, подобно Оптиной Пустыни, где в 1993 году приняли мученическую кончину иеромонах Василий, иноки Трофим и Ферапонт, скромная Боровская обитель близ города Катай-ска тоже обрела свою небесную заступницу. Господь сподобил инокиню Антонию кровию засвидетельствовать свою верность Ему. В 2000 году Боровской девичьей обители Похвалы Божией Матери был присвоен статус монастыря. День 24 декабря утвержден в монастыре днем памяти о мученице.

На стр. 131:
могила инокини
Антонии в
Богородичном
садики около
Никольского
храма женского
монастыря в
с. Боровское

Блаженная Валентина (инокиня Алевтина (Клепинина)) (1931–2007)

О блаженных, юродивых «Божьих людях» — а именно такой была Валя из села Мишкино — писать очень трудно. Этот дар Святого Духа, особая способность лицезреть Бога, говорить с Ним и возвещать другим людям Его волю еще меньше, чем другие дары, поддается рациональному постижению. Хотя ученые предполагают, что юродивыми были, например, ветхозаветные пророки — достойные мужи древности, но в обыденной жизни встреча с юродивым у обычных людей вызывает скорее неприязнь и страх. И здесь особенно важно просто поверить и принять, что Бог иногда посылает таких людей на землю с особой миссией — напомнить другим о жизни Адама и Евы до грехопадения, об их первозданной детской искренности и чистоте. Несмотря на то, что слово «юродивый» происходит от старославянского «юрод» — дурак, сумасшедший, на самом деле «безумие» юродивых не имеет отношения к психиатрии. Они «юродствуют Христа ради», и именно ради Него обличают сомнительные ценности этого мира и терпят оскорбления и унижения со стороны «нормальных». При этом они сохраняют способность здраво судить обо многих мирских делах, чувствовать людей, читать в их сердце.

Как раз из их числа была инокиня Алевтина, при жизни известная как блаженная Валя Мишкинская.

Вспоминает о. Александр Никулин:

«В свои студенческие шестидесятые, бывая в походах, длинными зимними вечерами у костра мы очень часто играли в «Слово». Например, кто-нибудь объявлял “Жилище!” И все начинали называть виды «жизневместий»: шалаш, вигвам, дворец, хоромы, — хотя последнее уже означало качество жилья, меру превосходности. И никто не сказал — “Небесный Чертог”,

*На стр. 132:
крестный
ход вокруг
стен Псково-
Печерского
монастыря.
Фотография
конца 1950-х гг.*

“Дом Божий”, “Святая Святых”, “Храм Бога Живаго”, “Царство Небесное”, которое внутри нас, или “Свят Господь на и во святых почиваеши...”, т. е. Бог отдыхает в сердцах верных...

Такого сознания у нас тогда не было, еще 10 лет оставалось до Святого Крещения, и неопределенное время — до того, когда сбудутся и на нас слова “Буду им Бог и похожду в них”, а условием Божиего соприсутствия в нас — “Изыдите от среды их и нечистоте не прикасайтесь, и буду вам Бог и вы люди мои”.

Границей сознания между полным безверием и полной верой является отвержение или восприятие Святого Писания (или Библии), притом в духе. Божьи люди отличаются от людей мира сего полной погруженностью в Дух Писания и Предания, иногда даже не умея читать. Таковы юродивые Христа ради, такова была и “блаженная Валя”, “Валя Мишкинская”, как я ее называл по месту жительства, ее Капернаума, в который она все время возвращалась, как бы ожидая, когда ее в очередной раз побьют камнями.

Возраст ее в 1990-е годы был самый неопределенный — от 40 до 70-ти, но, будучи блаженной, она была самым настоящим живым и озорным ребенком... То и дело раздавалось ее «у-тю-тю-тю», сопровождаемая таким радостным аккордным смешком, напоминающим музыкальный пассаж из кантабиле¹. А по сути, это было ее “Радость моя, Христос воскрес!”, извлекающее нас от уныния».

Блаженную Валентину в миру звали Валентиной Андреевной Клепининой. Про себя она рассказывала, что родилась в поселке Логовушке Кетовского района Курганской области 1 августа 1931 г. Родителей звали Андрем и Анной². Еще была младшая сестра Ольга, которая умерла в младенчестве.

Семья лишилась отца, когда Валя была совсем маленькой, жили они вдвоем с мамой³. Мама была очень верующим человеком и часто совершала с дочерью паломнические поездки, даже на очень дальние расстояния — в Почаевскую лавру и Псково-Печерский монастырь. В те страшные для Церкви годы они и сами рисковали свободой, отправляясь в такие поездки, и оказывались свидетелями злодеяний, совершаемых представителями советской власти в отношении духовенства, монахов и верующих мирян. Их духовным отцом был схиигумен Савва Псково-Печерский. Знали они и преподобного Кукшу Одесского, и Амфилохия Почаевского.

С детства Валя сильно болела. Согласно одному из свидетельств, в раннем детстве за ней не досмотрели и она выпала из окна второго этажа. Она часто убегала от матери,

1 Музыкальное произведение или часть его, исполняемые певуче.

2 Во время посещения Далматовского монастыря Валенина попросила наместника игумена Варнаву (Аверьянова) помянуть о упокоении следующие имена: Андрея, Трофима, Евфросинии, Наталии, Симеона, Анны.

3 Есть свидетельства, что отец Валентины пострадал за религиозные убеждения.

Блаженная
Валентина
(в центре)
во время
паломничества

ее приходилось разыскивать и возвращать домой. Отец Савва молился о ее здравии, брал за голову и читал молитвы. А однажды сказал матери: «Я ее вылечил наполовину, чтобы замуж не выходила. Для людей она будет больной, а для Бога здоровой».

Позднее Валентине довелось ухаживать за преподобным Кукшей, когда тот был уже стареньким и немощным, мыть и одевать его. Именно он, как она рассказывала, и благословил ее на подвиг юродства. В те же годы она приняла постриг с именем Алевтины, но постриг был тайный, Валентина осталась жить в миру и до поры до времени никому об этом не говорила.

А потом у Вали умерла мать. Какое-то время девочка-подросток жила с тетей в Челябинске, тетя тоже была верующим человеком. Они вместе ходили в Свято-Симеоновский храм, участвовали в его восстановлении, имели награды от церковного начальства.

Оставшись одна, Валя продолжала ездить в Почаевскую лавру, что теперь было равносильно подвигу. Во-первых, свои поездки она совершала на электричках из Кургана до Почаева (он находится в Западной Украине!). Даже здоровому человеку выдержать такое очень трудно. Возможно, она это делала потому, что у нее была справка об инвалидности и льготный проезд, а возможно, — по духовным причинам. Во-вторых, в 1960–1970-е годы на монахов и паломников в Почаеве устраивались облавы, и многих из них отправляли в психиатрические

клиники на длительное принудительное лечение. Такие больницы мало отличались от тюрем, и из рук советской психиатрии многие инакомыслящие выходили по-настоящему душевнобольными. Но многим удалось выстоять. Подобному заключению подвергался св. Амфилохий Почаевский и многие другие подвижники того времени. Валя вспоминала, что она тоже попадала в такую больницу.

После смерти матери Валентине в наследство достался дом (или часть дома) в Мишкино. Кто-то из местных жителей уговорил ее поменять это жилье на комнату в общежитии в центре поселка. Этот человек сказал, что комната благоустроенная, и ей одной там будет лучше. На самом деле ее там ожидал настоящий ад. Валя жаловалась, что дверь комнаты постоянно взламывали местные пьяницы и воровали иконы и другие ценности. Из-за частых взломов дверь в комнату перестала закрываться, но один добрый знакомый за несколько лет до Валиной смерти поставил простую железную дверь, чему Валя очень радовалась и с благодарностью называла имя своего благодетеля.

Господь даровал блаженной Валентине дар прозорливости. Она понимала, что у каждого человека на душе, легко могла сказать причину болезни и посоветовать, как от нее исцелиться, многим людям говорила, что их ожидает в будущем, но говорила чаще всего юродствуя, иносказательно. Были случаи, когда она громко обличала или ругала кого-либо, смеялась или плакала, даже могла обзывать плохими словами. А потом в беседе со своими знакомыми говорила, что это было полезно для смирения того человека.

Отец Александр Никулин так рассказывает о своей первой встрече с Валентиной в Боровской обители. «Кто-то привез Валу в Боровую году в 1997-м, когда еще жива была матушка Антония (впоследствии убиенная), или даже до матушки Антонии. Мне сказали — приедет блаженная и побудет с нами. Я разволновался... Во время каждения храма на вечерне я разглядывал небольшую группу людей, сгрудившихся, уступавших место священнику во время прохода, и среди знакомых лиц совершенно не обратил внимание на радостное лицо с широко открытыми голубыми глазами...

— Ну, видел блаженную? — спросили на клиросе.

— Ну, да... — ответил я как-то неопределенно.

Я собственно искал, будучи человеком мира сего, немного сумасшедшую, а все были, даже эта незнакомая, и она особенно, с осмысленным взором...

Почти все, кто знал и любил Валентину, отмечали, что она могла как бы «включать» юродивую, а могла и рассуждать совершенно спокойно, здраво и разумно. Одна из прихожанок храма Александра Невского в г. Кургане рассказывает: «С Валентиной я встретилась во время поездки с сыном в Далматово. Она сама

Валя
(сидит в центре)
в семье своих
друзей на
Святках за
праздничным
столом

подошла к нам и всю дорогу была рядом. Во время беседы Валентина была абсолютно здоровым человеком. Смотри на моего сына, много раз повторила, что ему не нужно идти в армию, велела его не отпускать. Я отвечала, что это не в моих силах.

Спустя некоторое время сыну сделали операцию. При встрече с Валентиной, я сообщила ей об этом, и она ответила, что все это знала, но тогда, во время поездки, не могла мне сказать, потому что материнское сердце могло бы не выдержать. Впоследствии сына действительно не взяли в армию, как раз из-за этой операции. Так Валентина предсказала мне волю Божию о сыне.

«Блажила» она большей частью в храме, даже во время службы, а в домашней обстановке или в дороге была милой и спокойной. Могла много хохотать и как бы даже плясать. Часто обижалась, причем эти обиды порой сопровождались проявлениями настоящей болезни. «Удивительно в ней в те годы сочеталась болезнь и благовестие, — вспоминает о. Александр Никулин. — Слепленным из глины мирских похотений, нам казалось, что любое проявление святости было приурочено к нам. Но это так часто не происходило, а частные — людям — предсказания и указания — мы потихонечку стали вменять и приписывать ее болезни. Иногда действительно были приступы болезни. Лицо ее принимало землистый цвет, она кричала: “Ничего у вас не выйдет, вы Бога не любите, только Вальку гоните...”, и ей говорили: “Валя, надо уезжать”».

Одну прихожанку храма Александра Невского Валя часто обличала, но иносказательно. Например, у женщины была очень сильная обида на мужа, она очень переживала из-за этого и приходила в храм с мыслями: «Не люблю я его». И вдруг в один из таких дней Валя при всех, глядя на эту женщину, стала громко говорить: «Не люблю я тебя, не люблю я тебя, вот и все». Женщина ей в ответ: «Валя, это же не по-христиански!» А та опять твердит все одно и то же: «Не люблю я тебя!» Так она вразумляла человека, иносказательно показывая его грехи и заблуждения.

По-видимому, кого Валя любила больше всех, тем и «доставалось» от нее больше всего. Вот что вспоминает Елена Р., которая очень хорошо знала Вальку, постоянно ей помогала и относилась к ней с любовью и заботой. Валя тоже очень любила Елену и всю ее семью, но никаких поблажек не давала: «Первый раз я встретила Вальку в Чимеево в 1994-ом или 95-ом году на престольном празднике в честь Казанской иконы. Она сразу привлекла внимание. Было совершенно непонятно, какого она возраста. Я приблизилась, и Валя что-то сказала мне про аборт. В храм я зашла уже вся в слезах, настолько было пронзительное и точное слово. И так она от меня и не отступила».

«В 1997 году мы с Валею поехали в Верхотурье через Боровское. Это было в ноябре, мы приехали в Боровской монастырь на престольный праздник иконы “Всех Скорбящих Радость”. В этот день был крестный ход до Катайска. Мы прошли крестным ходом, зашли в храм и должны были возвращаться обратно в монастырь на автобусе. И тут Валя стала возмущаться на весь храм: “Так не ходят в крестный ход! Так не делают!”

Валя среди
участников
крестного хода

Валя
(вторая слева)
среди прихожанок

Монахини с большой любовью стали успокаивать ее: «Ну, Валя, ну что ты ругаешься?» Подошел отец Александр, обнял ее и тоже спросил: «Валечка, ну что ты ругаешься?» А она продолжает: «Так не ходят в крестных ход, это не правильно!» Потом дернула меня за рукав: «И вообще, пошли отсюда, нужно идти обратно, нечего ездить на автобусе!» И мы пошли пешком.

Уже смеркалось, началась страшная метель. Я иду в недоумении, даже в некотором раздражении и ропоте, а Валя идет впереди и рассказывает мои мысли. Я в сердцах сказала: «Что ты у меня в мыслях роешься?», а потом поняла, что от меня нужно и начала молиться. Валя тут же смягчилась.

Любимым ее выражением было: «Грешников все видят, кающегося никто». Она могла обличить, заругать за какие-то грехи, но и она всегда подавала руку помощи и «вытаскивала». Со мной это было неоднократно. Меня обличала со страшной силой, «подавала» — будь здоров! Потом, по прошествии какого-то времени, я ее спросила: «Валя, что-то ты давно меня не ругала?» А она отвечает: «Так тебе хватит уже». То есть она от меня добила чего-то, какого-то уровня, дала какую-то крепость».

А в любви Вали, искренней, чистосердечной, подлинно христианской, сомневаться не приходилось. Елена Р. вспоминает:

«Валя всегда приезжала, когда у меня начинались какие-то жизненные проблемы. Вот уже все закончилось, нет ни денег, ни еды, какие-нибудь напасти, кто-нибудь тебя уже «съедает, топчет», и тут звонок в дверь. Валюша с мороза, в где-то испачканной одежде, уставшая, но улыбается: «А я к тебе в гости приехала! Как я по тебе соскучилась!» И понимаешь, что пришло спасение, она помолится, и все пройдет».

Но не все так относились к Вале. Из-за ее шумного поведения, смеха, слез и обид многие даже верующие люди считали ее душевнобольной, а некоторые боялись, что она может навредить им самим или их детям. От недоброжелателей в храме Валя обычно держалась в стороне, не предсказывала им и не давала советов, но иногда из добрых побуждений могла вмешаться. Например, одной женщине Валя сказала, что у ее ребенка болит ухо, и повела его ко Причастию. А когда чуть позже у ребенка действительно заболело ухо, эта женщина во всем обвинила Валью. Часто бывало, что за добро люди отвечали блаженной Валентине злом и недоброжелательством, и она смиренно несла этот крест унижений и обид.

Вообще, всех людей, знающих Валью, можно было бы разделить на две группы: любящих ее и пренебрежительно относящихся к ней, как к душевнобольной. Среди второй группы находились и люди, обижавшие Валью, а некоторые даже обвиняли ее в колдовстве. Гордые люди злились на нее за то, что она их обличала. Но те, кто ее любил, понимали и прощали ее «чуждачества».

По причине недоброжелательного отношения окружающих людей Валя не могла посещать храм в Мишкино, а ездила в Курган, в храм св. Александра Невского.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в храме появилось много новых прихожан, по большей части молодых женщин с детьми, пришедших в Церковь через семейные скорби и болезни. Валя видела это и часто приходила на помощь: обнимала и ласкала детей, молилась за них, давала духовные советы мамам, иногда иносказательно. Говорила, что когда умрет, обязательно будет молиться за детей. Она знала много песен о Пресвятой Богородице, многие прихожанки их запомнили и пели потом своим детям.

«Когда она приезжала, — рассказывает о. Александр Никулин, — все по обыкновению обращались к ней за предсказанием, такова уж слабость людская, и она никому не отказывала. И это как-то было обычным, хотя и незаурядным делом.

— Валя, почему это батюшка мне крест подарил? — спрашивала будущая матушка Антония.

— Это он тебя в монашки готовит.

Отвечала она так быстро, что вопрошающий едва успевал высказать недоумение, как Валя с обыкновенным смешком пропечатывала ответ.

Свято-Троицкий
храм, поселок
Мишкино,
Курганская обл.
Фотография
2006 г.

— Валя, а со мной что будет?...

— Тоже монашкой будешь, но потом — смотри...

И в глазах у нее вырастали как бы добавочные “кругляшки”.

Блаженная Валентина очень любила детей и сама часто вела себя как ребенок. Марина Кагилева вспоминает: «Когда меня попросили проводить занятия в воскресной школе храма Александра Невского, я стала замечать, что на занятия вместе с детьми стала приходить и Валя. Она очень почтительно обращалась ко мне, всегда на “Вы”. Меня удивляло такое чрезмерно почтительное ко мне отношение, ведь я годилась Вале в дочери (хотя у меня никогда не получалось назвать ее иначе, как Валею).

Однажды кто-то пытался возразить против ее присутствия на занятиях для детей. Валя тогда очень обиделась. Свою обиду она всегда выражала громко и открыто, часто искренне плакала, как ребенок. И как ребенок говорила: “Не нужна мне ваша школа, не буду я больше к вам ходить!” Мне она всегда казалась большим ранимым ребенком, и так же, как бывает трудно с детьми, иногда было трудно и с ней, особенно, когда Валя была в плохом настроении».

Когда Валя приезжала в Курган, ночевать ей было негде. Иногда ей позволяли остаться на ночь в храме, иногда — нет. Тогда Валя просилась на ночь к кому-нибудь из прихожан. Как потом заметили, она попадала в дом к тем, кому в тот момент было очень тяжело в жизни, кто нуждался в помощи, и она помогала своей молитвой.

Вспоминает прихожанка храма св. Александра Невского Ольга Федоровна Каравдина:

«Как-то раз ко мне неожиданно обратилась одна моя знакомая

из нашего храма. Она сказала, что со мной хочет познакомиться одна женщина. Я удивилась, откуда эта женщина обо мне знает, но согласилась. Так я познакомилась с блаженной Валентиной. Валя сказала: “Можно я у тебя переночую?” Я ответила: “Да, только давай благословимся у отца Аристарха”. Отец Аристарх в ответ на нашу просьбу, обращаясь к Вале, сказал: “Хорошо, только веди себя смирно”.

С тех пор Валя стала часто бывать у нас дома, хорошо узнала нашу семью, и видно было, что ей у нас нравится. Подойдет, бывало, к моему мужу и скажет: “Дядя Лёня, можно я у вас немножко поживу?” А он отвечает: “Ладно, поживи немного”. Она и останется.

По ночам она часто молилась в темноте. Я ей говорю: “Валя, тебе свет включить?” А она отвечает: “Нет, мне света не надо”. И продолжает молиться.

У моей дочери не ладилась личная жизнь, но Валя успокаивала меня, говорила, что у дочери будет хороший муж — человек церковный. Я сомневалась, а она говорила: “Вот увидишь, так и будет”. Все сбылось, как она обещала.

Когда моей внучке Насте было чуть больше года, она не вставала на правую ножку и не могла нормально ходить. Валя, узнав об этом, в приказном порядке скомандовала мне: “Повезем Настю в Далматово! Собирайся!” Я никак не могла собраться, отговаривала ее: “Как мы повезем в электричке такого маленького ребенка?”. А Валя сказала: “Не беспокойся, она будет всю дорогу спать”. И действительно, когда мы поехали, то Настя спала всю дорогу и проснулась только перед тем, как нам приехать. Когда мы вышли на станции, то Валя стала торопить меня. А я, не понимая, зачем спешить, шла медленно. Валя же сказала: “Пошли быстрее, если хочешь жить!”. И так быстро повезла ребенка в коляске, что у Насти голова затряслась. Перед самыми воротами Далматовского монастыря я увидела, что за нами бежит человек с палкой, но мы успели зайти в монастырь.

После службы, когда все люди прикладывались к мощам преподобного Далмата, Валя подошла к наместнику и попросила приложить Настю к открытым мощам святого, объяснив, что у ребенка болит нога. Батюшка открыл стеклянную крышку и опустил мою внучку к мощам так, чтобы она касалась мощей. Какими же были наше удивление и радость, когда, по возвращении домой, мы увидели, что ребенок стал нормально ходить, ступая на обе ноги. От болезни не осталось и следа. А ведь врачи не могли ничего сделать!»

Был и такой эпизод. Марина Кагилева рассказывала: «У сына моей знакомой врачи обнаружили серьезное нарушение обмена веществ, которое современная медицина еще не умеет лечить без серьезных осложнений. Она спросила совета у Вали, и та строго ответила: “Не лечиться у врачей! Они могут сильно

навредить”. Женщина стала подробно объяснить, но Валя еще строже повторила: “Нельзя лечиться у врачей!” А затем и вовсе закричала: “Не благословляю! Слышишь? Не благословляю!” Женщина совсем не обиделась на эту строгость, потому что чувствовала, что Валя говорила не от себя». Разумно ли поступила прихожанка, поверив блаженной и отказавшись от медицинской помощи? Со светской, мирской точки зрения, с этим едва ли можно согласиться. Но если действительно верить, что Божьи люди видят и познают то, что другим видеть не дано (в том числе загадочную связь событий, которая неведомо как проявит себя в будущем: можно вспомнить про случай с сыном одной из прихожанок и операцией, спасшей его от армии), то довериться Вале — разумный, логичный поступок.

Валентина очень почитала Пресвятую Богородицу. Если собрать все ее высказывания о Ней, изустно переданные близкими людьми, то получится настоящий хвалебный гимн, но гимн не велеречивый, а трогательный и простодушный, проникнутый безграничной любовью и доверием ребенка к матери.

Еще когда Валя была совсем маленькая и ходила в круглосуточный детский сад, Богородица явилась ей впервые. Однажды зимой воспитательница оставила детей в спальне, а сама отлучилась. В это время Валя выскочила на улицу, побегала по дворику, а когда захотела вернуться, дверь уже была заперта. Воспитательница не посмотрела, что ребенка нет в спальне. И всю ночь Валя провела во дворе, было ей тогда три или четыре года. Наутро, когда все выяснилось, ее спросили, как она не замерзла. Валя ответила: «А со мной была какая-то тетенька, она меня согревала, и мне было с ней хорошо». Место, где она сидела, было теплое, она даже не заболела.

О.Ф. Каравдина рассказывает: «Довелось мне ухаживать за Валею, когда ей делали операцию, кажется, по удалению желчного пузыря. На эту операцию в больницу Валью устроила Елена Александровна Кибирева, а меня она попросила подежурить, когда Валя будет выходить из наркоза и ночью, так как надо было следить, чтобы больная во сне не задела операционный шов и трубочки, проведенные от него. Под утро Валя проснулась и говорит мне, показывая на потолок: «Смотри, Пресвятая Богородица ходит!» Я говорю: «Где? Не вижу!» — «Вон, вон ходит. Она больных навещает, чтобы быстрее выздоравливали. И около меня останавливалась, значит я еще буду жить. Так Матерь Божия о людях заботится». Я отвечаю: «Я не вижу». А Валя в ответ: «А тебе, наверное, не дано видеть»».

О поездке с Валею в Чимеево вспоминает Елена Р.: «В монастыре тогда не было еще паломнической гостиницы, поэтому все расположились в храме. Наутро я решила встать пораньше, посмотреть, как все просыпается. Выхожу из храма

и встречаю Валью. Она схватила меня за руку: “Пошли, я тебе покажу, пошли!” Я в недоумении: “Да что там?” Она: “Там Матерь Божия”. Встали с ней за алтарем, а вдалеке лес. И она показывает на лес: “Вон, видишь, идет?” И я понимаю, что она действительно видит. А Валя продолжает, показывая на свое плечо: “Вот здесь-то у нее звезда, звездочка такая!” И столько у нее радости, как будто маленькому ребенку игрушку дали. И от этой радости и мне радостно стало, уныние отошло. Но все же сказала: “Ну, наверное, да, только я-то не вижу”».

Марина Кагилева тоже вспоминает: «Ее самый первый совет любому был такой: “Молись Божией Матери! Она поможет”. Когда мы с мужем приехали к Вале, она так и сказала: “Мне Божия Матерь вас прислала! Мне вчера приснился сон, что ко мне придут два человека”. И еще все время повторяла: “Как меня недостойную любит Матерь Божия! Как она нас всех любит!” И сама удивлялась, что ее молитвы услышаны».

Можно очень долго рассказывать о прозорливости Валентины (сохранилось множество рассказов о том, как она предсказывала будущее детям, и почти все это сбывалось). О ее доброте к детям и ко всем несчастным, страдающим людям (по ее молитвам бездетные супруги обрели полноценную семью и постоянно благодарили Валью при жизни, и это, разумеется, не единичный случай). О ее эксцентричном, как виделось со стороны, поведении. Еще следует упомянуть о многочисленных злоключениях, сопровождавших ее по жизни. Один раз она чуть не замерзла в лесу, дважды была избита до полусмерти (и не кем-нибудь, а священником, которого она громко и прилюдно обличила за грехи). А сколько раз ее били пьяные соседи, взламывали дверь, воровали деньги и портили ее нехитрое имущество, сколько раз ее обижали словом, взглядом! Валя не роптала и, как заповедовал Христос, молилась за своих обидчиков. Когда ей становилось совсем невмоготу (и вовсе не из-за личных обид, а из-за тяжести людских грехов, которые она чувствовала и переживала

Игумен Павел (Стрекалов) и блаженная Валентина в Далматовском монастыре

Валя держит
в руках портрет
св. мученика
Царевича Алексия
и колокольчик

как свои собственные), она садилась на стул, брала гармошку и начинала ее разворачивать и сворачивать. Эти резкие, негармоничные звуки давали ей хоть какую-то разрядку.

Но самой, наверное, примечательной чертой блаженной Валентины была ее независимость от мира. «Приручить» ее было невозможно. Она ускользала, как вода, из любых запруд, и упорно держалась своего нищего жилья, своего трудного и опасного образа жизни. Маленькая, подвижная, одетая «с бору по сосенке» и с неизменным рюкзаком за плечами, она не подчинялась никому, кроме своего Отца Небесного. Священник Александр Никулин рассказывает: «Много раз мы ее пытались оставить у себя, так сказать, для святости, но она убегала или отказывалась, желая, по-видимому, принадлежать единому Богу, а не человекам, жаждущим из всего извлекать выгоду... Приезжали к ней в Мишкино, в огромный дом-барак, где она имела свою комнату.

- Всё, Валя, мы тебя забираем...
- Да я бы поехала, так у меня же кошка.
- Возьмем с собой.
- Она не поедет. А потом у меня иконы дорогие — смотри сколько! Куда я их дену...
- Валя, да это же не иконы, — патриархийные образки, все выцвели. Зачем они тебе? Ну, давай возьмем!
- Что-ты, что-ты — это же и-ко-ны, — так твердо сказала. Я тут Матушке Божьей молюсь...
- Да у нас помолишься.
- У меня тут пенсия по инвалидности... У-гу-гу!.. Не смогли увезти.
- ...Попытлся в это время увезти ее к себе и “приручить” отец Иустин с игуменией Серафимой из создаваемой ими Верх-Теченской обители. И опять невозможно было поймать земным силком ее небесное блаженство.

Однажды зимой уже точно ее собрались увезти в Боровую.

— А как это машина на трех колесах-то поедет?

— Валя, — говорю, — да сейчас таких машин не бывает инвалидских, это было после войны — у нас нормальные “Жигули”...

— Вот и я говорю — как на трехколеске вчетвером поедет? Ха-ха-ха!

Уехали без нее. У поворота на Тюменский тракт порвалось колесо, сменили — и оно лопнуло... Пришлось 16 км дуть по морозу до ближайшей деревни в ту ночь...

И еще один очень важный штрих к портрету блаженной Валентины, страстно почитавшей память расстрелянной Царской семьи и как никто умевшей напомнить людям о том, что действительно важно, а что — второстепенно. «Валя много утешала меня в период нашего изгнания из Боровой. Но приехала в Утку всего один раз, когда на Царские дни был “крестный ход” (как мы его называем), на 12 машинах и автобусе. Тогда мы трое суток были поочередно в Храме-на-Крови, в Алапаевске и на Ганиной Яме, всюду совершая ночные службы в память Царственных Мучеников. Характерно, что Валя, прежде носившая какую-нибудь “знаковую” одежду (чтоб вразумить нас или какую-нибудь иную штукину выкидывала со своим неизменным смешком “веселящим юность мою”), на сей раз была во всем темном, если не сказать, в черном. У всех во время “хода” были какие-нибудь иконы. Валя выбрала мой портретик Царевича Алексия, Светлого Отрока Земли Русской, не пощаженного Уралом. И когда одна питерская “юристка” после многих попыток завладела-таки в обед всей нашей аудиторией, рассказывая о новых документах и как с ними бороться, откуда-то появилась Валя, с неожиданным колокольчиком и стала ходить вокруг нашего стола и звонить им, и греметь на все неприхотливые лады.

— Валя, ты же мешаешь человеку говорить...

А она:

— Ха-ха-ха!.. У-тю-тю!.. Ують-ують-ують!.. Ха-ха-ха! — и так далее...

В апреле 2004 года Валя заболела, и ей опять помогли лечь в больницу в Кургане. Трудная жизнь и пожилой возраст стали причиной болезни сердца. Соседки по палате поначалу настороженно и недоброжелательно приняли ее, но, увидев, как с Валею обращаются те, кто к ней приходил, изменили свое отношение.

А навещали ее многие. В основном прихожане храма Александра Невского. Люди приходили навестить и утешить больную, и, конечно, надеялись и сами получить от нее духовный совет и помощь. И действительно получали от нее утешение и наставления, которые, по признанию многих, помогают и сейчас.

Когда Валею выписали, ее приютила у себя дома давняя знакомая Ольга Федоровна Каравдина, которая затем и отвезла Валею в Мишкино, на попечение социального работника Татьяны

Ивановны Можаяевой. Здоровье Вали улучшилось ненадолго, и в Мишкино она снова попала в больницу. Но по какой-то причине вместо того, чтобы лечить ее сердце, Валью отправили к психиатрам.

Вспоминает Марина Кагилева:

«Мой духовный отец, протоиерей Александр Никулин позвонил мне и попросил навестить Валью в Мишкино и помочь ему разрешить его личные вопросы (ответ Вали был для него очень важен, я знала, что он относится к ней с большим почтением). Было это во время Успенского поста в 2007 году.

Так получилось, что мы с мужем приехали к Вале на своем автомобиле уже ближе к вечеру. Когда я зашла в комнату, то увидела Валью. Она была острижена налысо, но в платке, вся отекая, как бывает при “водянке”, в теплой одежде (дома было холодно). Она очень обрадовалась, увидев нас и заплакала, сказала, что она знала, что за ней сегодня люди приедут, что она просила о помощи Божию Матерь. Потом она села на кровать, наклонила голову и со слезами воскликнула: “Как тяжело спастись!”. Это были слезы обессиленного человека и настоящий крик души.

Валя попросила забрать ее к нам домой. Конечно, оставить ее здесь мы бы и не смогли, слишком ужасным было ее состояние и окружающие условия. Уже поздним вечером мы разыскали Татьяну Ивановну Можаяеву, которую Валя хотела предупредить о своем отъезде и отдать ей ключи. Татьяна Ивановна рассказала, что в больнице Валью “лечили” так, что она отекала, не выдержало сердце, и работники больницы, испугавшись, что она умрет, поспешили ее выписать. Натальное и постельное белье, матрас и некоторую одежду забрали на санобработку. Принести же новый матрас никто не догадался, и больной пришлось спать на металлической сетке.

Прожила Валя у нас дома 10 дней до 1 сентября 2007 года, эти дни я запомнила очень хорошо. Первым делом мы с мужем свозили Валентину Андреевну в храм св. Александра Невского на Исповедь и Причастие. Она очень радовалась этому и благодарила нас, еще говорила: “Меня пособорует отец Александр, и я буду ножками бегать”. После первого Причастия отеки у Вали прошли, и она повеселела. Примерно через неделю мы снова повезли ее на Причастие. Мы торопились на раннюю литургию в храм Александра Невского, но в этот день по какой-то причине ранней литургии не было, хотя раньше такого не случалось. Муж сказал, что поедем в храм святителя Луки при госпитале ветеранов войн. Когда мы приехали в этот храм, многие прихожане узнали Валью и с радостью приветствовали ее, как свою близкую знакомую. Тогда-то я поняла, что Валя знала многих в Кургане и области, для многих она была родным человеком и бывала у них дома.

В храме святителя Луки Валя встретила свою подругу, кажется, ее звали Параскева. Она была примерно того же возраста и внешне даже похожа на Валью. Они сели рядом на скамейку и крепко держали друг друга за руки. Это было трогательно до слез. Это была их встреча и прощание одновременно. Позже я поняла, что мы попали на службу в этот храм по Божию промыслу.

В те дни, когда Валя жила у нас, ее знакомые, узнавшие об этом, приходили навестить ее и спросить какого-нибудь совета, как у прозорливой старицы. Многие замечали даже, что она отвечала на их мысли. И сейчас, знавшие ее, говорят, что многое из того, что она говорила им сбылось.

Еще до отъезда Вали к отцу Александру ее пришли навестить две очень хорошие знакомые, у одной из них Валя часто жила, когда бывала в Кургане. Вчетвером мы сидели на кухне за обедом и весело беседовали. Валя была в хорошем, радостном настроении. Когда мы стали провожать гостей, и они уже стояли в коридоре, Валя вдруг громко и радостно сказала: “Я буду молиться за ваших детей!” Последовала пауза. Она еще раз повторила, показав пальцем в небо и сделав ударение на слове “там”: «Я там буду молиться за ваших детей!» Этот разговор произошел примерно за 40 дней до ее кончины. Позже нам стало понятно, какое обещание она нам дала. Зная о своей скорой кончине, она дала нам надежду на ее помощь.

А 1 сентября утром моя дочь пошла в школу. Валя благословила ее, и мы отправились в дорогу до поселка Новоуткинска Свердловской области. Наш духовный отец благословил привезти Валью к нему в общину, где была богадельня для старушек.

*Отпевание
блаженной
инокини
Алевтины в
п. Новоуткинск
Свердловской обл.
совершают
(слева направо)
прот. Александр
Никулин,
прот. Евфимий
Козловцев,
игумен Павел
(Стрекалев)
2007 г.*

Там Валя и провела последний месяц своей жизни. За ней ухаживали сестры обители, отец Александр причащал и соборовал ее. Духовные чада отца Александра, приезжавшие к нему на службы, обращались к Вале с вопросами о своей жизни, и она давала всем духовные советы и наставления».

Вспоминает Марина Кагилева: «Я не думала, конечно, что Валя так мало проживет у отца Александра, поэтому когда моя духовная сестра Лидия передавала от нее поклон и говорила: мол, Валя спрашивает, когда ты приедешь, — я думала, что еще не раз смогу приехать и увидеть ее. Но получилось иначе. 2 октября, ровно через месяц после того, как мы отвезли Валью в Новоуткинск, мне сообщили о ее кончине.

С большим трудом я уговорила свою больную маму отпустить меня на похороны и приехала в Новоуткинск 3 октября уже поздним вечером. Когда я зашла в помещение богадельни, то увидела тело Вали, уже одетое в тонкое длинное голубое платье и в светлый платочек. Наклонившись, чтобы поцеловать ее руки, я увидела, что Валино лицо сияет радостной улыбкой, то есть она не улыбалась, как это делает живой человек, но вся светилась от радости.

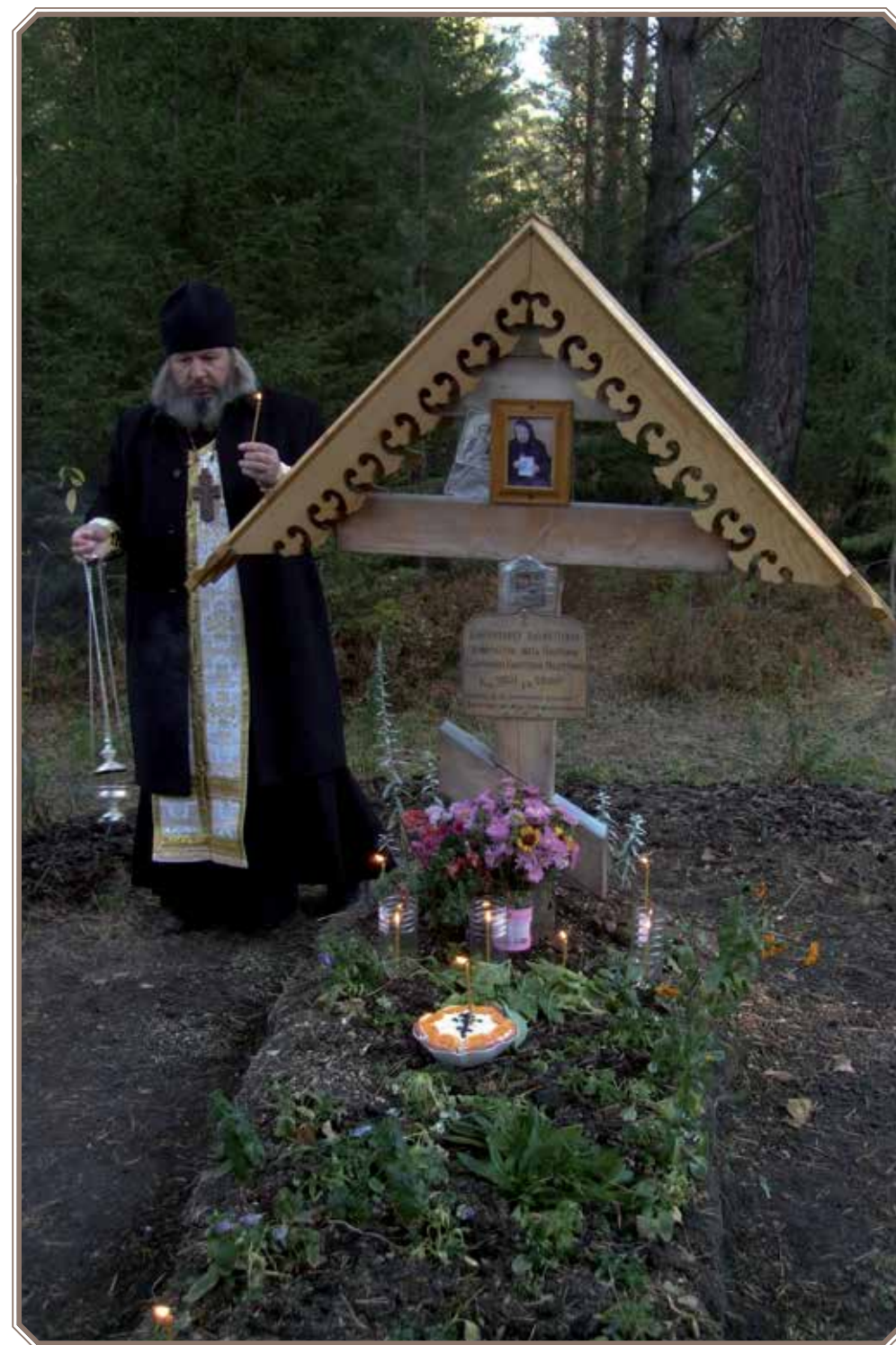
Отец Александр благословил читать у Валиного гроба Псалтырь и Акафист Божией Матери. Стали решать вопросы с похоронами, запланированными на следующий день. И тут ее хорошая знакомая Елена Р., тоже приехавшая на похороны, подошла к отцу Александру и сообщила, что Валя рассказывала ей и нескольким другим знакомым о принятии тайного пострига, что она является инокиней Алевтиной. Решили позвонить Елене Кибиревой, хорошо знавшей Валью при жизни и помогавшей ей. Елена Александровна подтвердила слова о постриге.

После этого о. Александр принял решение: отпевать Валью по иноческому чину. Он также благословил переодеть ее в монашескую одежду. Когда Валью облачили во все иноческое, я с удивлением заметила, что выражение ее лица изменилось, стало очень серьезным, даже строгим. Она как бы указала нам на серьезность происходящего и на то, что каждому из нас придется дать ответ за свою жизнь.

Прошло уже восемь лет со дня кончины Вали. Уже много раз я прибегала к обещанной ей помощи, молясь на Валиной могилке в поселке Новоуткинске, и всегда получала ее...»

Отец Александр Никулин до сих пор сожалеет, что за целый месяц, пока она жила у него в обители, удалось причастить Валью всего один раз из-за досадного стечения обстоятельств. И, выражая мнение множества людей, кто знал и любил Валью — курганцев, боровчан, далматовцев, новоуткинцев, — он нашел удивительно точные слова, подводящие итог воспоминаниям о ее земной жизни: «Как нам без тебя невесело, мать наша, инокия Алевтина, Валя-Вальюша — небесный колокольчик!»

На стр. 151:
панихида на
могиле инокини
Алевтины.
Поселок
Новоуткинск

Блаженный Николай (Николай Евфимьевич Неугодников) (1925–1952)

Об этом человеке осталось так мало сведений, что читателям, особенно молодым, он может представиться мифической, архетипической фигурой, кем-то вроде героя «Очарованного странника» Лескова. Образ странника, бродяги, как и образ бесконечной дороги, близок русской душе. До Революции русские странники, случалось, доходили до Иерусалима и Афона, преодолевая значительную часть этого пути пешком. После Революции, не смирившись с закрытием церквей и запретом на отправление религиозных обрядов, многие верующие (среди них были и священники) принимали образ страннической жизни. Это был их способ сохранить свою свободу, внутреннюю и внешнюю. Их нередко арестовывали, судили за бродяжничество и приговаривали к тюремным срокам, но бывало, что власти предпочитали не связываться с людьми, выглядящими явно «не от мира сего» (как правило, кроме странничества, они несли и подвиг юродства Христа ради). И они, не скованные никакими путами, продолжали бродить по стране, от селения к селению, своими «дорогами, ведущими к храму». Храмов, в материальном смысле, на этих дорогах встречалось немного, ведь большинство из них большевики закрыли и разрушили — так, в огромной Свердловской епархии (в которую входила и территория Курганской области) действовало менее 30 церквей. Но религиозная жизнь народа не угасала, и верующие принимали Божьих странников у себя в домах. Им давали приют, кормили, лечили, заботились о них, молились вместе, внимательно прислушивались к их словам, зачастую провидческим. Странники нигде не задерживались надолго. Их скитальческая жизнь была их свободой, их возможностью быть с Богом. Блаженные странники редко доживали до старости. Но даже в молодые годы некоторые из них внутренне достигали такой святости, что люди их помнили даже спустя полвека, а после смерти на их могилах совершались чудеса.

Блаженный Николай (Николай Евфимьевич Неугодников) родился в 1925 году и жил с родителями в селе Корюковском на берегу реки Катайки. Его отец Неугодников Ефимий (Ефим)

*На стр. 152:
Село Корюково
Катайского
района
Курганской
области.
Фотография
2015 г.*

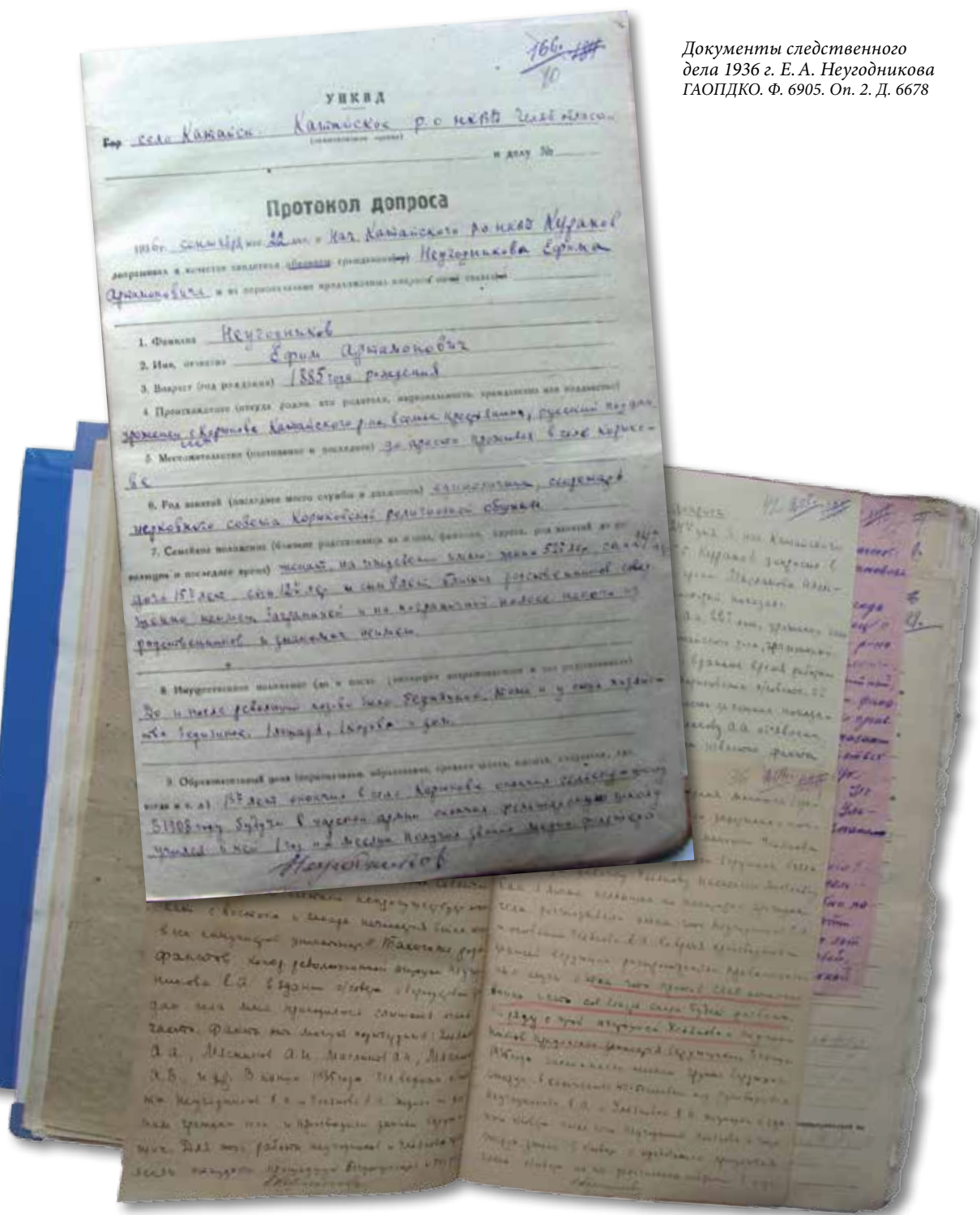
Документы следственного
дела 1936 г. Е. А. Неугодникова
ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 6678

Армамонович, 1885 г. р., служил старостой Корюковской церкви и был арестован в 1936 г. по статье 58, п. 10 — «принадлежность к контрреволюционной организации». Это был стандартный пункт для осуждения за веру, по нему отправляли в лагеря приходских священников, дьяконов, старост, активных прихожан. В следственном деле Е. А. Неугодникову инкриминируется много поступков такого типа: «утверждал, что если будет война против советской власти, то он тоже выступит против, потому что ему советская власть ничего хорошего не сделала», «пытался избить работников сельсовета», «злостный несдатчик хлебазаготовок, уклоняется от молоко- и мясозаготовок». Хулиган, саботажник и антисоветчик — так это выглядело для представителей властей. К этому добавляется и последний, роковой пункт: «недоволен закрытием церкви и выступает за ее восстановление». То, что Ефим Неугодников и церковнослужители, осужденные вместе с ним и разделившие его трагическую судьбу, придерживались не обновленческой, а тихоновской ориентации, тоже усугубило их «вину» перед государством.

Е. А. Неугодников был осужден на три года лагерей. По всей видимости, оттуда он не вернулся. О его дальнейшей судьбе ничего не известно, кроме того, что в 1990 году он был посмертно реабилитирован. Следовательно, маленький Николай и его братья и сестры были детьми «врага народа».

О закрытии церкви в родном селе Николая известно следующую. В селе Корюковском незадолго до Революции служил священник Алексей Меркурьев. Батюшка пострадал за веру, его убили летом 1918 года. При нем в Корюково было начато строительство большого каменного храма. В год рождения Николая священником там служил о. Александр Чиркин. Там, очевидно, мальчика и крестили. Храм этот каким-то чудом был достроен уже после Революции и оставался действующим вплоть до 1933 года. Постановлением президиума ВЦИК в 1933 году храм был переоборудован под школу. Николаю в то время было восемь лет. Неизвестно, отдали его родители в эту школу, или, не смирившись с кощунством, обучали грамоте дома. Возможно, что отец сам учил сына вплоть до своего ареста. С уверенностью можно предполагать одно — разорение храма, в котором Николай бывал с рождения, произвело на отрока сильное впечатление. Сброс колоколов при большом скоплении народа, вынос икон из храма, разграбление священной утвари, оскорбления в адрес священника и прихожан... Возможно, 8-летний мальчик стал этому свидетелем, и глубокая рана в его душе осталась на всю жизнь.

Мать Николая, Марфа Афанасьевна, была очень набожной. Когда она умерла, Николай один молился над ней. В семье было еще четверо детей: Александр (погиб на фронте в Великую Отечественную войну), Михаил (умер глубоким стариком), Анна

Деревянная церковь Вознесения Господня с. Корюковское. Фотография из сельского музея

(была псаломщицей в Боровской церкви) и Елена (мать Ивана Васильевича Маслакова, сообщившего нам большую часть сведений о Николае).

«Когда он был маленьким, лет пятнадцати, все читал книгу, — рассказывает И. В. Маслаков. — А тогда жили без электричества, мать-то у него говорит: “Коленька, что же ты все читаешь, ведь керосин жгешь, а денег-то у нас ведь дома совсем нет”. Книга та была Библия. Примерно с этого возраста, еще до войны, он начал убегать в церкву, на службы. А по соседству, в Боровой, церковь тогда еще не работала (она была открыта в 1943 году), и он убегал в соседние районы, где церковь работала — в Шадринск, например. И потом он начал ходить по церквам, которые все вокруг — там Богданович, другие храмы. Останавливался в домах, жил у тех, кто приветит его. К нам домой он возвращался совсем ненадолго, придет только навестить нас...»

К этому рассказу нужно добавить, что в городе Богдановиче в те годы действующей церкви не было. Либо родственники неточно запомнили название населенного пункта, либо Николай ходил не в храм, а к тайно верующим людям, которые жили в самых разных больших и малых уголках России и держались вместе небольшими общинами.

Николай был ростом невысок, русоволос. Странничать он, как следует из рассказа племянника, начал еще чуть ли

не в подростковом возрасте. Судя по упоминанию Богдановича, он мог пройти пешком до ста километров, причем ходил босиком, и, по некоторым сведениям, даже зимой. Внутренняя, молитвенная его жизнь, то, о чем он думал и что чувствовал, навсегда останется для нас загадкой. Большинству людей были видны только его странные, непонятные поступки, хотя деревенские жители уважали и принимали его как «человека Божьего». «Почему его называли блаженным? — вспоминает И. В. Маслаков. — Ну потому что он часто что-нибудь учудит... Однажды, рассказывали, приветили его. Дело было летом — он лук у них вырвал. Вырывает да бросает. Многие между собой о нем говорили: смотри-ка, Коля идет».

Многое из того, что он говорил, впоследствии сбывалось. В одной семье он взял топор и закинул его в реку, а потом выдернул лук — как раз об этом случае рассказывает его племянник. Его отругали за это, топор достали, но вскоре этим топором кто-то кого-то убил. В другой раз он стучался ночью в одну церковь где-то за Богдановичем, кричал «Открой!». Вскоре в эту же церковь ночью ломился местный священник. Может быть, был пьян — не все священнослужители, особенно в советские годы, отличались праведной жизнью, — а может быть, спасался от преследования.

Блаженному Николаю была открыта посмертная участь некоторых родственников. Однажды, когда вся семья сидела

Каменный храм в с. Корюковском, построенный в начале XX в. Впоследствии здание было переоборудовано под школу. Фотография 2015 г.

После панихиды на могиле блаженного Николая Неугодникова в г. Далматово: (слева направо) эконо́м Далматовского монастыря иеромонах Софроний (Григорьев), наместник Далматовского монастыря игумен Варнава (Аверьянов), настоятель Кирилло-Мефодьевского храма п. Шатрово игумен Павел (Стрекалев), казначей Чимеевского монастыря иеромонах Афанасий (Коренкин), трудники и паломники Далматовской обители. Фотография 2015 г.

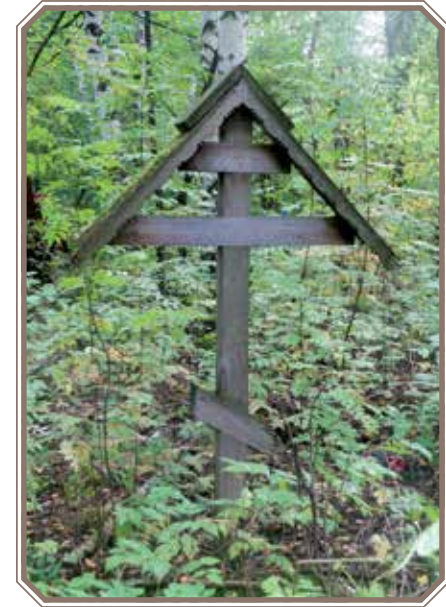
за трапезой, блаженный воскликнул: «Слышите? Наша тетка Марфа в аду кричит! Сильно нужно молиться за нее...» По воспоминаниям Татьяны Полухиной, ее мать Надежда слышала от родных сестер Николая, что об одной сестре, Анне, он сказал: «Эта спасется», а о другой сестре, Елене: «Эта погибнет».

Когда он собрался в свое последнее странствие, то сказал: «Пойду в долгий путь». Милиционеры нашли его замерзшим в стане-избе на полпути от Катайска до Далматова. Он стоял на коленях с воздетыми руками. Милиционеры его сфотографировали, но фото родственникам не отдали, хотя те очень просили. Тело завернули в ткань и похоронили на кладбище в Далматове.

Вскоре блаженный Николай приснился родственникам и попросил похоронить его по-христиански. Они разыскали его могилу, сделали гроб, крест и отпели. И стали свидетелями чуда. Когда Божьего странника полагали во гроб, на теле не было никаких признаков тления, хотя с момента смерти прошло несколько месяцев.

Через много лет, уже в девяностые годы прихожанка Боровской Свято-Никольской церкви Надежда (мать Татьяны Полухиной), нашла заброшенную могилу блаженного и рассказала его эту историю о. Александру Никулину. Он организовал изготовление креста и установил его на могиле. Крест был изготовлен иноком Павлом (Стрекалевым). При установке креста присутствовал также инок Стахий (Аверьянов), который впоследствии, уже будучи наместником Далматовского монастыря игуменом Варнавой, вновь разыскал место погребения блаженного Николая. В 2015 году братия Успенского Далматовского монастыря заменила обветшавший деревянный крест на новый кованый.

Едва ли мы сможем узнать о блаженном Николае что-то новое — помнивших его людей почти не осталось. Не удивительно, что образ этого юродивого, странника, бесребренника, Божьего человека, погибшего в 27 лет, в какой-то степени смыкается в сознании людей, воспитанных в православной культуре, с образами святого мальчика Артемия Веркольского, убитого ударом молнии, или даже праведного Симеона Верхотурского, который тоже успел постранствовать, был нестяжателем и умер совсем молодым. Как и Симеон, Николай посмертно явился людям, и тело его избежало тления. Человек, отдавший Богу всего себя без остатка — наверное, это главное, что нужно о нем знать.

Деревянный крест на могиле блаженного Николая. Установлен на кладбище г. Далматово в конце 90-х г. XX в.

Послушник Евгений Пономарев (1957–1995)

Девяностые годы... «Лихие», «бандитские» или «время свободы» — когда-нибудь ученые выскажут обоснованное мнение, в чем состоял их исторический смысл и значение для нашей страны. Не забудут они и о том, что возрождение Русской Православной Церкви тоже бурно развернулось именно в эти годы. Жизнь была очень непростой, но обретенная духовная свобода позволила множеству людей открыто обратиться к Богу, не опасаясь репрессий со стороны государства. И как бы мы не оценивали другие знаковые события того времени, экономические и политические, но свобода совести, настоящая, а не формальная, как в советское время, была действительно великим достижением девяностых. Появилась возможность открыто читать Священное Писание, изучать труды святых отцов, жития святых мучеников и подвижников Церкви. Стало можно крестить детей, венчаться, отпевать умерших, получать духовное образование без оглядки на всесильные «органы».

В стены возрождающихся храмов и монастырей Бог привел избранных Своих, и на этом пути их ждали труднейшие испытания. С одной стороны — искушения мира, ведь внезапно стали доступны деньги, власть, множество других атрибутов «красивой жизни». С другой стороны — реальные опасности, с которыми сопряжена жизнь священников и монахов. Только теперь это были не опасности, связанные с государственным репрессивным аппаратом, а разгул уголовщины. Преступники, которые в те годы срезали провода с линий электропередач, рискуя собственной жизнью и оставляя целые деревни без электричества, не гнушались и воровством икон, церковного серебра, опустошением кружек для пожертвований. Священников, монахов, мирян, оказавшихся на их пути, нечестивцы безжалостно убивали. Случаев таких было немало в масштабах страны. И в небольшой, спокойной Курганской епархии тоже мученически погиб молодой послушник. Это случилось в Успенском Далматовском монастыре, в то время только-только возрождающемся после многолетней разрухи.

*На стр. 160:
Вид Успенского
Далматовско-
го монастыря
со стороны
р. Исети.
Фотография
2013 г.*

Евгений
Пономарев до
поступления
в монастырь

Евгений Иванович Пономарев — он не успел сменить это имя на другое, монашеское — жил в этом монастыре среди малочисленной братии. Когда-то богатейший, процветающий, известный на весь Урал монастырь в начале 1990-х был всего лишь маленьким приходом. Игумен Павел (Стрекалев) вспоминает, что когда он послушником приехал в Далматово в 1992 году, там служили только игумен о. Василий, иеродиакон о. Ксенофонт и послушник по имени Александр. Вскоре приехал и Евгений Пономарев. Потом появились другие священники, диаконы, монахи и послушники. Старинная обитель постепенно оживала. О духовной атмосфере в те годы о. Павел рассказывает, что она была поистине монастырской, благодатной...

Евгений Пономарев сам родом из Далматовского района. До недавнего времени была жива его мать Мария Степановна Пономарева. В семье было еще два сына — старший Сергей и младший Андрей. Отец, по-видимому, рано умер. Мать сначала учительствовала в Далматове, потом работала директором сельской школы. Она была из образованной семьи и вспоминала, что ее отец был открыто верующим человеком. Под его влиянием она не вступала ни в октябрята, ни в пионеры. Комсомольский билет получила, по ее словам, «случайно», будучи студенткой Свердловского сельскохозяйственного института, потому что занималась спортом и выступала «за честь вуза» на различных соревнованиях.

Евгений
(второй справа)
в студенческие
годы

В молодости
Евгений
Пономарев
получил
профессию
тракториста-
машиниста

Сама она тоже крестила всех троих своих детей в раннем детстве. Она ходила вместе с детьми в церковь, читала религиозную литературу, какую удавалось найти, а как только появилась возможность открыто участвовать в церковной жизни, собирала и сопровождала группы своих учеников, пожелавших принять крещение в Далматовском монастыре. Затем она подводила детей к гробу преподобного Далмата и рассказывала о нем. Побывала Мария Степановна и в Кургане в то время, когда туда привозили икону Николая Чудотворца. Верующая и благоговейно почитающая святых мать вырастила такого же глубоко верующего сына. Находясь в разлуке с матерью, Евгений писал ей письма и делился с ней, как с самым близким и понимающим его человеком, своими религиозными исканиями, размышлениями, планами на дальнейшую жизнь.

Евгений отслужил два года в армии, потом работал, причем одной из первых его профессий была профессия тракториста-машиниста. Никакой физической работы он не боялся и позднее, в монастыре, охотно брался за самые тяжелые послушания. В молодые годы он был донором крови, имел за это благодарности. По всей видимости, Евгений вырос добрым, отзывчивым юношей, был благодарен вырастившей его матери и старался делать все возможное, чтобы облегчить жизнь своей семье.

Молодой человек много читал, мечтал получить высшее образование. Он уехал учиться в Ленинград, окончил Политехнический институт, остался работать. Но мысль о монашестве его не оставляла. Мария Степановна Пономарева рассказывала: «Ему там было знамение. Год не было письма из Ленинграда. Я приехала туда, лежит он на кровати, а я стою перед ним, и он говорит: “Мама, вот на твоём месте стоял, — как он назвал, я даже не могу сказать, с кем он разговаривал, — это знамение,

Фотографии
и документы
на стр.
112–113
предостав-
лены Марией
Степановной
Пономаревой,
матерью
послушника
Евгения

знамение...” С этого у него все началось... Он тогда еще добавил: «Мама, вот если бы ты не приезжала, я бы поступил в церковь»».

Когда он узнал о возрождении Далматовского монастыря, у него дрогнуло сердце: вот оно, то, что он искал, там его место, там будет его служение... Затем случилось то, что он снова истолковал как знамение: он присутствовал на патриаршей службе и сподобился получить благословение самого Патриарха. Теперь Евгений не сомневался, что его предназначение — быть монахом.

Евгений приехал в Далматовский монастырь, тогда еще маленький приход, и поступил в послушники. Самый близкий человек, мама, конечно, не оставила его. Она часто приезжала, и он был рад этим встречам. «Мама, давай посидим здесь, давай посидим у родничка, смотрит на меня, — вспоминала Мария Степановна. — Мы с ним очень хорошо общались, когда он был послушником. Все говорят, особенно он возрадовался, когда ему дали подрясник. До этого он в рабочей одежде ходил. Я пришла, он улыбается, смотрит на меня, вот такое дело... И он домой почти не ездил. Приду, спрошу, где он. Мне говорят, картофель полет, здесь, церковный. Приду, говорю: “Женечка, о чем ты думаешь?” — “А я про себя всегда читаю молитву”, — говорит».

По словам первого наместника Далматовского монастыря игумена Василия (Ожерельева) и игумена Павла (Стрекалева) (тогда он был послушником Петром), послушник Евгений был непростым человеком. От остальных братьев, вышедших из рабочих семей и получивших лишь поверхностное образование, он отличался начитанностью и активным, пытливым умом. Именно поэтому знавшие его монахи и священники (заметим здесь: не все) говорили, что он «был в прелести», «подвизался не по разуму». Вот что рассказывает о. Павел (воспоминания относятся к самому началу 1990-х; в 1993 году он уже уехал из монастыря):

«Про подвижничество брата Евгения нужно сказать отдельно. Кто-то в монастыре ленится подвизаться, и его нужно подталкивать, а кто-то, наоборот, имеет ревность не по разуму, и его нужно придерживать, чтобы “не наломал дров”. Подвижничество послушника Евгения можно отнести ко второму. Это, на мой взгляд, яркий пример того, как подвизаться не следует. Спал он очень мало, почти всю ночь молился, пост был строжайшим, он очень мало вкушал и пил. Но в этом подвиге менястораживало то, что он не хотел слушать ничьих советов (в том числе и отца-наместника), то есть подвиг его был самочинным, не согласным с писаниями святых отцов. И хотя на утреннем правиле, когда он читал, у него часто можно было наблюдать слезы, благодати в них (по моим ощущениям) почему-то не было. (Подобное чувство было и у протоиерея о. Александра Никулина при личной встрече с Евгением. — А. П.). Этому есть некоторое

оправдание — отсутствие духовного наставника в монастыре. Хороший духовник в монастыре и сейчас проблема, а что говорить о начале 90-х? Монастыри тогда только начинали возрождаться, и подобные ошибки, думаю, тогда были не редкостью». И еще: «Он так постился! Я его один раз видел в бане. Он, конечно, скрывал от всех это, настолько ноги у него были худые, как в концлагере, вот эти места, ноги — прямо кости. Ведь он приехал обычный человек, нормальный, но так постился, такой пост невероятный держал, что у него кровь носом шла. Он и не спал почти. Я в келию сколько к нему ни заходил, он никогда не спал. Ночью, в любое время».

Иеромонах Симеон (Мальцев), бывший послушником в то же время, что и Евгений, делится, наоборот, очень светлыми воспоминаниями о нем и считает, что ни в какой прелести он не был, а просто старался добросовестно исполнять все обязанности, которые возлагали на себя послушники и монахи. «Он один из тех моих собратьев, — пишет иеромонах Симеон, бывший послушник Георгий, — на плечи которых легло выполнение монастырского устава и поддержание порядка и благочестия в монастыре в период его становления, когда и пример для подражания в житии негде было и увидеть. Какие-то поступки его действительно можно было толковать как необычные. К примеру, такой. Это был 1994 год, май месяц. Приходит в монастырь

Пасхальный крестный ход в Далматовском монастыре. Среди братья — Евгений Пономарев. Фотография начала 90-х гг. XX в.

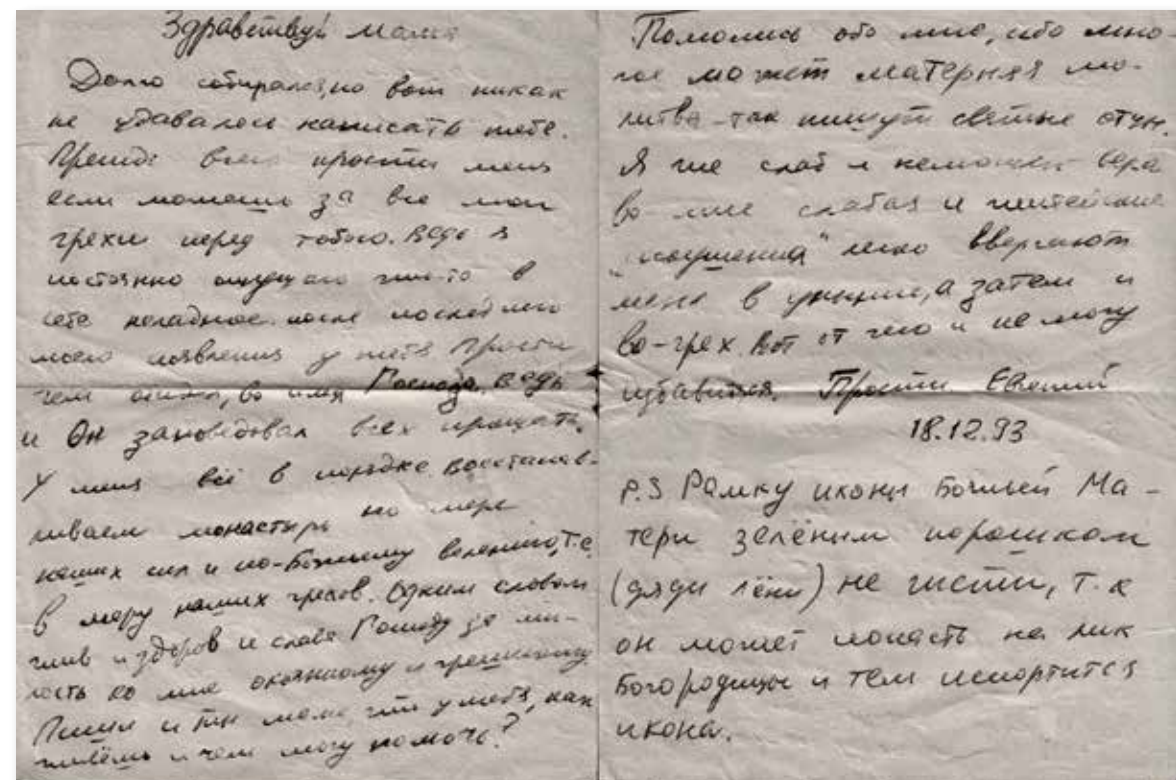
трудник из Челябинска и рассказывает историю, как ему довелось там зимовать в келии с нашим послушником Евгением: «Жили в бревенчатой келии на двоих, Евгений был старшим. Печь топил два раза в неделю, спал по четыре часа, остальное время согревался молитвой. С ним никто больше месяца рядом выдержать не мог — уходили, и я ушел»».

С этими воспоминаниями перекликается еще одно, и оно принадлежит мирянке — бухгалтеру монастыря Валентине Валентиновне Львовой. «Весь облик Евгения и все у него было отлично от всех: ходил тихо, постоянно в молитве, сдержан, смотрит только в пол. Он так ревностно подвизался в посте и молитве, что вызывал удивление, и я думала: “Вот он, настоящий монах”. Он старательно выполнял работы по храму в алтаре, и все с молитвой. Одет был в черный пиджак и брюки, на ногах носил сапоги. В трапезной сидел на скамье последний, вкушал скромно, достаточно мало, отличался воздержанием. Думаю, он нес свои какие-то подвиги, в то время мне не очень понятные, поэтому в душе было какое-то сострадание, можно сказать, боль за него... Женя пришел и нам всем показал, как горит свеча любви к Господу, но очень быстро сгорает».

Таким образом, Евгений был, возможно, слишком ревностен, как это вообще свойственно неوفитам, но искренности его веры, чистоты всех его устремлений это не умаляет ничуть.

Бывший далматовский наместник игумен о. Василий вспоминает о послушнике Евгении совсем кратко: «А у него искушения начались, что-то ему было не так. Он попросился уехать и отправился в Челябинск, потом приехал обратно, мог отпроситься куда-нибудь еще». Отчего послушнику, нашедшему, казалось бы, свое призвание, не сиделось на месте? Возможно, дело как раз в том, о чем говорит о. Павел. Не хватало духовного руководства, наставника, которому можно было бы доверить свои искания, обсудить богословские вопросы не просто на равных (а в Далматове у него не было и такой возможности), а с кем-то, превосходящим его по образованию и опыту духовной жизни. Возможно, ему нужно было сначала пойти учиться, этот путь был открыт даже при советской власти. Но и, очевидно, молодому послушнику не доставало смирения. Отец Павел упоминает о сложностях в отношениях между Евгением и игуменом: «Он никого не слушался. Ему отец Василий начнет говорить, а он отвечает: «Отец Василий, вы сколько раз Библию прочитали? Один раз. А я пять раз прочитал, что вы меня учите, я больше вас знаю». И он действительно уехал в Челябинскую область, но потом вернулся обратно».

Что было у него на душе? Об этом могут рассказать только немногие сохранившиеся его письма к матери. В них он предстает нежным, заботливым сыном, усердным послушником, всеми силами пытающийся справиться со своими искушениями, отчаянно неуверенным, мятущимся человеком, который ищет,

но не может найти духовную опору. И, несмотря ни на что, — человек, счастливый своим служением, не сомневающийся в том, что выбрал верную дорогу. Трудно сказать, то ли действительно, как сказал о. Павел, «благодати не было», то ли просто брат Евгений слишком рано ушел в монастырь, и еще не все до конца «перебродила» душа уверовавшего юноши из интеллигентной, образованной семьи. Может быть, если бы он дал себе больше времени на подготовку, учился бы не самоучкой, совершал паломничества в святые места, больше общался с людьми, глубоко продвинувшимися на духовном пути, многое сложилось бы иначе.

«Здравствуй, мама.

Долго собирался, но вот никак не удавалось написать тебе. Прежде всего прости меня, если можешь, за все мои грехи перед тобою. Ведь я постоянно ощущаю что-то в себе неладное после последнего моего появления у тебя. Прости, чем обидел, во имя Господа, ведь и Он заповедал всех прощать. У меня все в порядке, восстанавливаем монастырь по мере наших сил и по Божьему велению, т. е. в меру наших грехов. Одним словом, жив и здоров, и слава Господу за милость ко мне окаянному и грешному. Пиши и ты, мама, что у тебя, как живешь, и чем могу помочь».

Письмо
послушника
Евгения к матери.
1993 г.

Помолись обо мне, ибо много может матерняя молитва — так пишут святые отцы. Я же слаб и немощен — вера во мне слабая и житейские «искушения» легко ввергают меня в уныние, а затем и во грех. Вот от чего и не могу избавиться. Прости. Евгений. 18.12.93.

Р. С. Рамку иконы Божьей Матери зеленым порошком (дяди Лени) не чисти, т.к. он может попасть на лик Богородицы и тем испортится икона.

Здравствуй, мама!

Прости меня, что долго не писал тебе, и вообще не давал о себе знать. Но я думаю, что ты обо мне более или менее спокойна, ведь все мы под Богом ходим и уповаем на Его промысел и любовь. Главное веру эту в себе не угасить, тогда и жить легко даже в бедах и скорбях. Мне же, признаюсь, нелегко, т.к. чувствую, что не хватает мне веры и любви к Богу. Мама, помолись обо мне, о моем спасении, ибо многое может матерняя молитва, и желательна в церкви. Т.к., как говорят старцы, одна молитва в церкви произнесенная «Господи, помилуй» равносильна прочтению всей Псалтыри в своей квартире.

Еще, мама, молю Бога, чтобы он помог тебе простить меня до конца. Ибо знаю, что я очень огорчал тебя и меня трудно простить. Ну что же, мне остается только уповать на твою материнскую волю и на всемогущую волю Божью. Мне нужно каяться, т.е. сотворить достойный плод покаяния. Ах, если бы мне знать на этот счет волю Божью. Помолись, мама, за меня Богородице, старицу Амвросию Оптинскому, св. Ник. Чудотворцу, чтобы Господь открыл мне, что богоугодно для меня и как очистить совесть свою. Ибо часто, мама, впадаю я в уныние и даже иногда в отчаяние. А это грех-то какой! Ведь не радуюсь свету Божьему и его творению, значит хула-то какая на Бога, а надо радоваться в вере! Прости, да спасет Господь души наши.

27.11.94».

У Евгения, как и у других братьев, было еще одно послушание — сторожить по ночам монастырь. Сторожа ночевали либо в самом храме, либо в галерее. Евгений к тому же выполнял обязанности монастырского казначея. Беда пришла не совсем извне, будущие убийцы послушника некоторое время подвизались здесь же, в монастыре, в качестве трудников. Такое было время: братия оставалась немногочисленной, рабочих рук не хватало, а желающие поработать за еду и ночлег приходили сами. В основном это были обездоленные люди: бомжи, освобожденные заключенные, которых не брали на другую работу, и даже беглые преступники. Понятно, что далеко не всегда у них были честные намерения. Большинство искало в монастыре всего

лишь временный приют, а то и способ обогащения.

Иеромонах Симеон (Мальцев) вспоминает: «Видел я Женю и беседовал с ним за месяц перед его трагической смертью. Он приехал в Курганское епархиальное управление по делам монастыря, а я служил диаконом в соборе Св. Александра Невского.

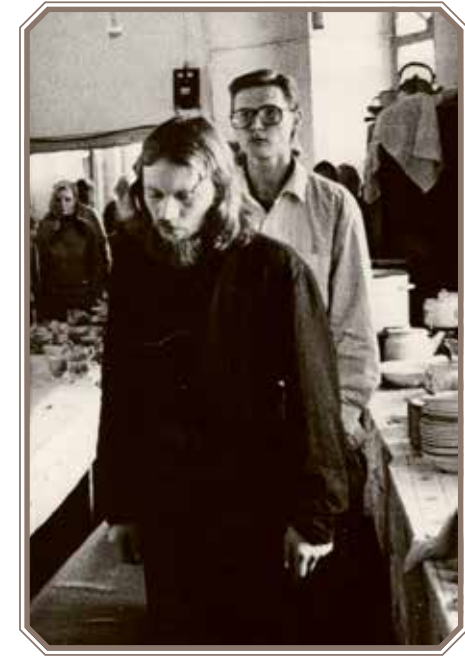
Он говорил, что в монастыре все хорошо, он помогает иеромонаху Тихону (Русинову) служить в алтаре. Я спросил: «А добрых послушников сколько?» Женя ответил: «Мы вдвоем с о. Тихоном. Трудников собралось человек тридцать. Скоро, наверное, бунт будет».

Сердце тогда сжалось, повеяло смертью, попросил я тогда Женю беречь о. Тихона, да и самому быть осторожным. Кто же тогда мог предполагать, что удар бесовский будет такой страшной силы...»

О том, что это были за люди, упоминает в своем рассказе и В.В. Львова. По ее словам, о. Тихон принял их при условии исповеди и покаяния, и один из них даже публично признался в том, что украл у кого-то деньги, и прихожане при этом прослезились. На самом деле преступление было запланировано заранее и совершено продуманно и цинично. Топор — будущее орудие убийства — преступники принесли с собой в монастырь.

Накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, в ночь на 4 декабря, послушник Евгений дежурил в храме Всех Скорбящих Радость и спал в южной галерее, на том месте, где сейчас устроили крестильный храм. Там его и настиг убийца. Вместе со своими поделщиками он решил обокрасть монастырь и вечером специально оставил незакрытой дверь в усыпальницу преподобного Далмата. Ночью преступники проникли в храм, увидели сторожа, спящего в правом приделе на железной кровати, и один из бандитов зарубил его топором. Он нанес послушнику несколько ударов по голове: убийце все казалось, что жертва еще шевелится... Запачканные кровью руки убийца вытер о стены. Затем бандиты направились к сейфу, но когда они его вскрыли, тот оказался пустым. Накануне исполняющий обязанности наместника иеромонах Тихон (Русинов) и бухгалтер монастыря, что-то предчувствуя, сами вынули оттуда все деньги и вынесли из храма в коробке из-под обуви.

По словам о. Симеона, иеромонах Тихон рассказал, что храм они с Евгением обычно сторожили ночами по очереди. В ту ночь сторожить должен был о. Тихон, но он очень устал, а утром нужно

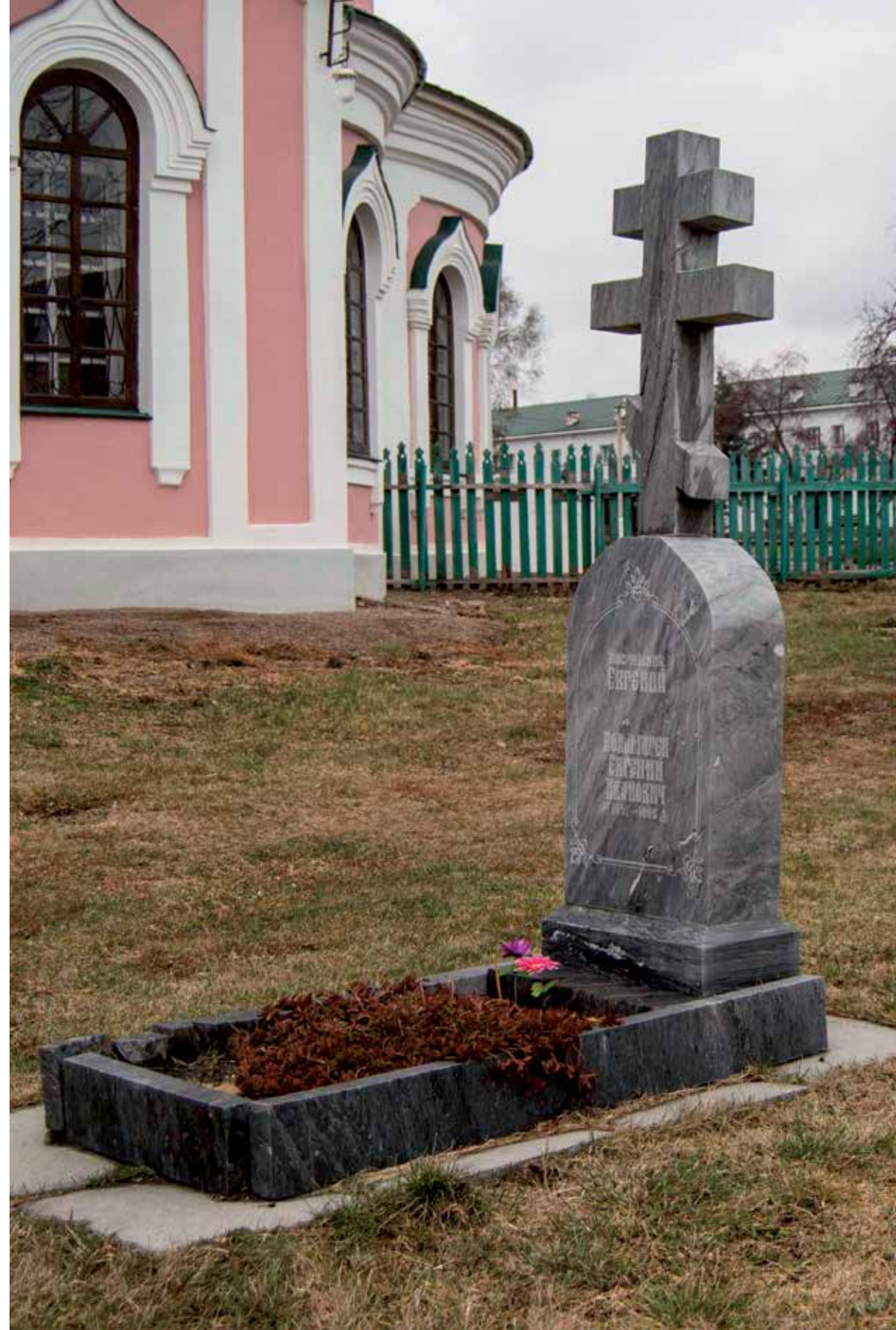
Немногочисленная братия Далматовского монастыря за трапезой в южной галерее Скорбященской церкви. На переднем плане иеромонах Тихон (Русинов). Фотография 1995 г.

было служить литургию. Евгений подменил его на дежурстве. Отец Тихон полагал, что это он был настоящей целью убийцы, а Евгений погиб только потому, что был сходной комплекции с наместником (среднего роста и худощавый), и убийца принял его, укрытого с головой одеялом, за другого человека. Сейчас уже трудно выяснить подлинные намерения преступников. Скорее всего, жертвой стал бы любой человек, оказавшийся на их пути.

Кроме Евгения в храме ночевала монахиня Ираида (позднее она приняла схиму с именем Фамаиды; ныне ее уже нет в живых). В то время она работала в трапезной, которая располагалась в северной галерее (а не в южной, где был убит Евгений). Там она готовила, там же и спала, поэтому не слышала убийства. Но когда вышла рано утром, то запнулась обо что-то, и это было тело убиенного Евгения. На следующий день, после литургии, послушника Евгения отпели при большом стечении народа. Приехал и правящий архиерей епископ Михаил. Евгения Пономарева решено было похоронить на территории монастыря. Процессия обошла вокруг храма и остановилась возле приготовленной могилы. Свое прощальное слово у гроба сказал владыка Михаил. По воспоминаниям очевидцев, об Евгении скорбела вся братия.

Брат Евгений погиб на послушании. Если попытаться подобрать мирской аналог, то это то же самое, что и смерть солдата на боевом посту. Какие бы искушения ни претерпел при жизни послушник Евгений, своей мученической кончиной он сумел доказать всем сомневающимся, что подвизался он правильно, и то, что другие принимали в нем за гордыню, происходило совсем от другого свойства его души. О таких, как он, «русских мальчиках», Ф.М. Достоевский писал: покажи им карту звездного неба, и они вернут ее исправленной. Очень активный, смелый и сомневающийся ум — и при этом слишком мало опыта, слишком мало отпущенного времени... «Верую в то, что этой пролитой кровью Господь простил Евгению многая согрешения вольная и невольная», — говорит о. Павел (Стрекалев), и, наверное, это главный итог его короткой, но не напрасно прожитой жизни.

На стр. 171:
Могила
послушника
Евгения в
Далматовском
монастыре.
Фотография
2015 г.

Список используемых сокращений

ГАОПДКО — Государственный архив общественно-политической документации Курганской области
ГАКО — Государственный архив Курганской области
ГАТО — Государственный архив Тюменской области

Ж. У. — здесь: жандармское управление
ЗАГС — отдел записи актов гражданского состояния
КГБ — Комитет государственной безопасности
К.Е.У. — здесь: Курганское епархиальное управление
МТС — машинно-тракторная станция
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
РУ ФСБ — региональное отделение Федеральной службы безопасности
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СНК — Совет народных комиссаров
СССР — Совет Советских Социалистических Республик
УК — Уголовный кодекс
ФСБ — Федеральная служба безопасности

г. — город
г., гг. — год, годы
д. — деревня
обл. — область
р. — река
р-н — район
с. — село
ст. — станция
пос. — поселок

Содержание

Вступление	4
Священник ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ЖЕЛЕЩИКОВ.....	7
Священник АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ПАРЫШЕВ.....	17
Священник КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕНКОВ	33
Иеросхимонах ЕРМОГЕН (ВЕЛИЧУТИН)	89
Инокня АНТОНИЯ (СЕРЕДКИНА)	111
Блаженная ВАЛЕНТИНА (ИНОКИНЯ АЛЕВТИНА (КЛЕПИНИНА))	133
Блаженный НИКОЛАЙ (НИКОЛАЙ ЕВФИМЬЕВИЧ НЕУГОДНИКОВ)	153
Послушник ЕВГЕНИЙ ПОНОМАРЕВ.....	161
Список используемых сокращений	172

В 2008 г. по благословению Преосвященнейшего Михаила, епископа Курганского и Шадринского была создана Комиссия по канонизации Курганской епархии. Наиболее значительным деянием данной Комиссии явилась подготовка, оформление и представление в Синодальную комиссию по канонизации святых материалов о почитании местночтимого святого преподобного Далмата Исетского, в результате чего на Архиерейском соборе в феврале 2013 г. состоялось его общецерковное прославление.

В связи с преобразованием 5 мая 2015 г. Курганской и Шадринской епархий в Курганскую митрополию в составе двух епархий — Курганской и Белозерской, Шадринской и Далматовской и на основании решения архиерейского совещания Курганской митрополии от 29 июля 2015 г. создана единая Комиссия по канонизации святых для обеих епархий Курганской митрополии. Данная Комиссия получила название «Комиссия по канонизации святых Курганской митрополии», будучи правопреемницей Комиссии по канонизации Курганской епархии.

Основными задачами Комиссии по канонизации святых Курганской митрополии являются сбор, обработка, изучение и публикация материалов о подвижниках благочестия и святых, жизнь и подвиги которых связаны с историей земель, составляющих ныне Курганскую митрополию. В более широком смысле в сферу деятельности Комиссии входят также вопросы систематизации материалов о святынях Курганской митрополии и церковного краеведения.

Комиссия по канонизации святых Курганской митрополии осуществляет издание агиологических и церковно-исторических материалов на базе издательства «БЕЛОЕ ГОРОДИЩЕ» Успенского Далматовского мужского монастыря. Первыми публикациями данного издательства стали вышедшие в 2016 г. брошюра «Успенский Далматовский мужской монастырь» и сборник материалов Всероссийской научной конференции «От Зауралья до Иерусалима: личность, труды и эпоха архимандрита Антонина (Капустина)».

Книга «Подвижники благочестия Курганской митрополии. Ч. 1», открывающая серию изданий «Церковная история Зауралья», является продолжением программы издательства «БЕЛОЕ ГОРОДИЩЕ».

Адрес Комиссии по канонизации святых Курганской митрополии:
641730, Россия, Курганская область, г. Далматово, ул. Советская, 194,
Успенский Далматовский мужской монастырь.

E-mail: agioi-zaural@mail.ru

Сайт: agioi-zaural.ru

Комиссия
по канонизации святых Курганской митрополии
выражает признательность региональному управлению
ФСБ по Тюменской области и лично О. И. Колосовой
за предоставленную возможность ознакомиться
с архивными документами репрессированных
священнослужителей

Выражаем благодарность за помощь
в издании данного сборника:

предпринимателю
Виктору Александровичу Малышеву (г. Тюмень)

директору Федеральной риэлтерской компании
«ЭТАЖИ – КРАСНОДАР»
Вадиму Варисовичу Камалову (г. Краснодар)

директору Федеральной риэлтерской компании
«ЭТАЖИ – ХАНТЫ-МАНСИЙСК»
Сергею Юрьевичу Косых (г. Ханты-Мансийск)

генеральному директору
ООО «ПРОМЫШЛЕННАЯ КОМПЛЕКТАЦИЯ»
Алексею Владимировичу Шепелевич (г. Челябинск)

генеральному директору ООО ТД «АСБ»
Александру Владимировичу Богрянцеву (г. Челябинск)

директору группы компаний
«JETERNEL»
Александру Федоровичу Байбурину (г. Челябинск)

Алле и Людмиле

Духовно-просветительское издание

Серия «Церковная история Зауралья»
Книга I

Подвижники благочестия
Курганской митрополии
Часть 1

Составитель А. В. Печерин

Издание комиссии по канонизации святых
Курганской митрополии

Редакторы А. М. Бритвин, И. Н. Шаманаева
Ответственный за выпуск игум. Варнава (Аверьянов)

Обработка иллюстраций, компьютерная верстка,
дизайн О. А. Серебренников
Корректор А. М. Бритвин

Подписано в печать: 01.12.2016 г.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 12,51
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ...

